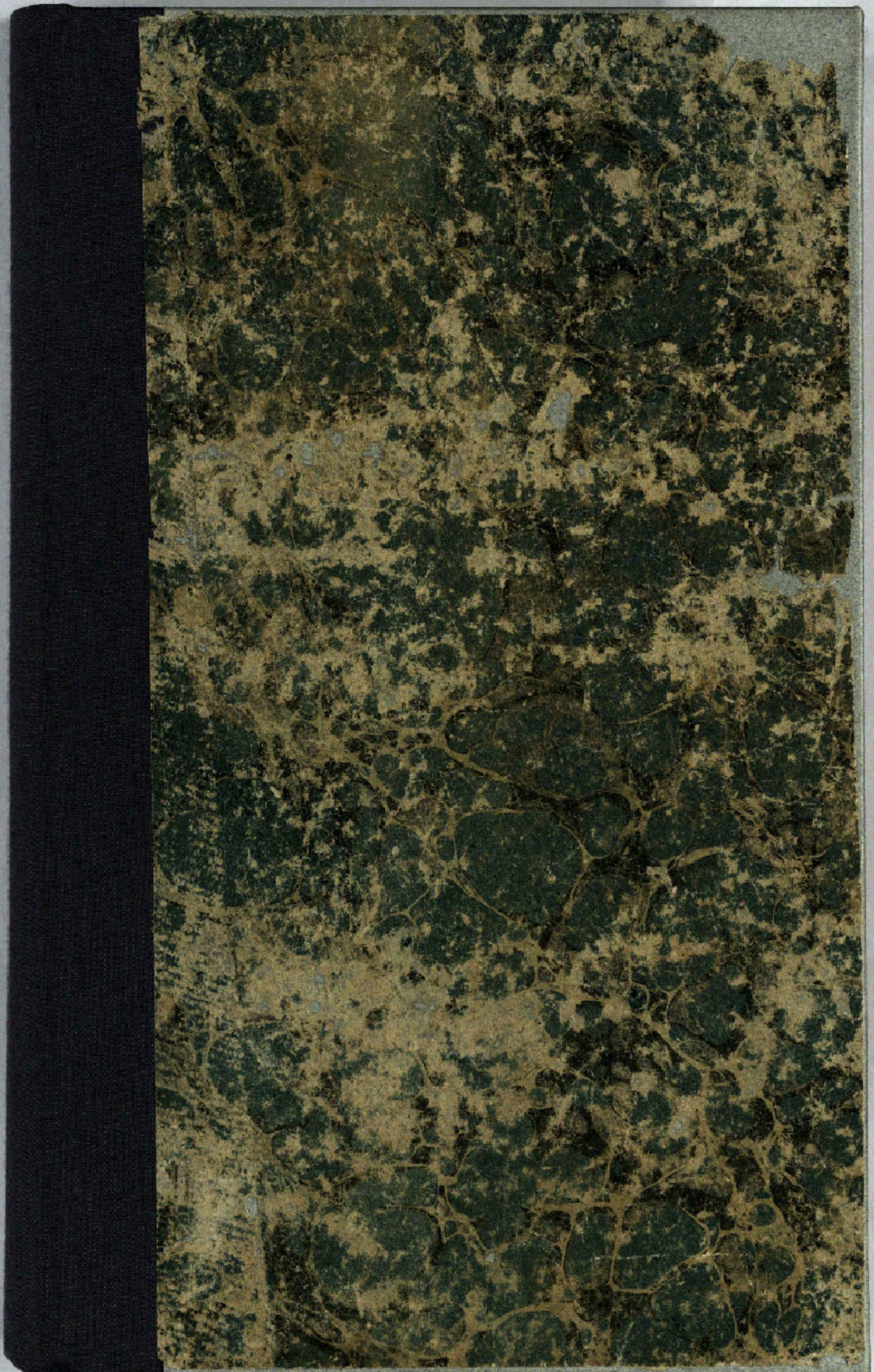


P19Cp II 139/1.1

312.

a

Инв. 184344

Д 3943
А. Брук. Бор. ани ув. 55 тун
14. III 1940

Pis Cp II 139/1.1

6

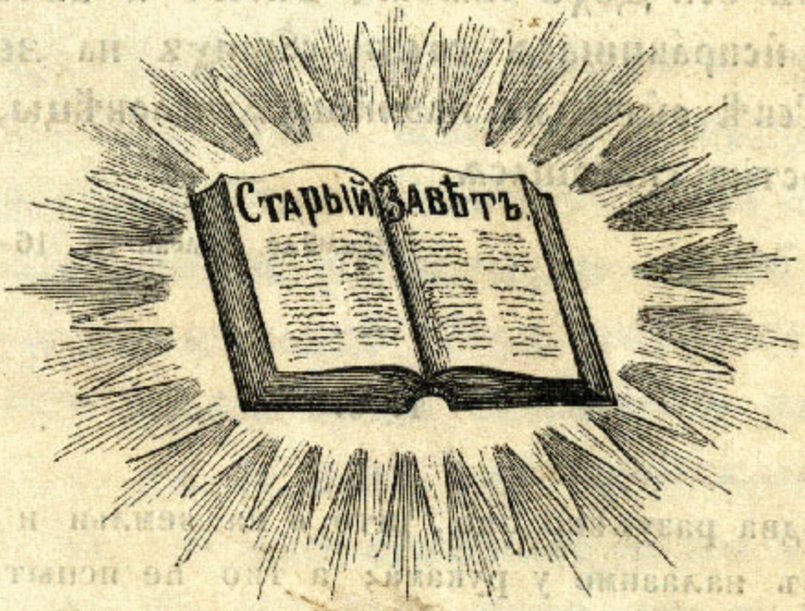
I. Schindler inv. Weinrauch fc.

Сатворение света.

Р 19 Ср II 139/1.1
~~М II 12~~
I

УЧИЛИШТНА И ДОМАШНЯ

БІБЛІА.



СТАРЫЙ ЗАВѢТЪ.

Цѣна са изображеніяма 1 ф.
а безъ ньихъ 40 кр. ср.

У БЕЧУ 1857.
Печатано кодъ Мехітаріста.

Е҆два̀ разꙋмѣва́емъ, ꙗ҆̑же на землѝ, и҆ ꙗ҆̑же въ рꙋка́хъ ѡ҆брѣта́емъ съ трꙋдо́мъ: а҆ ꙗ҆̑же на небесѣ̀хъ кто̀ и҆зслѣ́ди? Во́лю же Твою̀, Бо́же, кто̀ позна̀, а҆́ще бы не Ты̀ да́лъ е҆сѝ премꙋ́дрость, и҆ посла́лъ е҆сѝ Дꙋ́ха свѧта́го Твоего̀ ѿ высоты̀? И҆ та́кѡ и҆спра́вишасѧ стезѝ сꙋ́щихъ на землѝ, и҆ ꙗ҆̑же Тебѣ̀ оу҆гѡ́дна наꙋчи́шасѧ человѣ́цы, и҆ премꙋ́дростію спасо́шасѧ.

Премꙋ́др. Солом. IX. 16—19.

Т. Є.

Єдва разумѣмо оно, што є на земльи и што съ трудомъ налазимо у рукама; а тко ће испытати оно, што є на небесы? Тко ће дознати волю Твою, Боже, да Ты не даде премудрость и съ высине не посла Духа Твога светога? те се тако исправише стазе оныхъ, кои су на земльи, научишесе люди ономе, што є Теби угодно, и премудросћу спасошесе.

ПРЕДГОВОРЪ.

Безсиорно велика и полза и нужда есть, знати оно, што се у пређашня времена догађало. Знаюћи, шта и како су ошире люди радили, и видећи послѣдице њиховыхъ дѣла, учимосе ошуда, шта намъ валя чинити и чега се клонити, да се отъ зла сачувамо. Камо срећа, да зла сасвымъ нема на свѣту; али кад' га већ има, то се треба учити памети изъ туђихъ грѣшкій. Примѣри упућую човѣка, како не само мударъ но и добаръ такође да буде. Добри *примѣри не само поджижу у срдцу любовь къ добрыма дѣлма, ободраваюћи подражаваши тыма, него іошъ и путъ показую, коимъ се* добродѣтеланъ *посташи може.* Зли *пакъ при-*

мѣри чине порокъ и грѣхъ мрскимъ и гаднымъ, опоминюћи свакога, шта му треба пазити и свагда предъ очима држаши, да не согрѣши.

То є ошъ правыхъ узрока прьый и найглавніи, зашто сваштко врло радо и слуша и чиша повѣсти. *Изъ тога истога узрока ево се и ова кньига шалѣ у Србство. Самъ преблагій Богъ ради среће людій дао є написаши повѣсти ше у особишой кньиги. Божія кньига ша именуесе* Старый и Новый Завѣтъ, *или* Свето Писмо, *или єдномъ рѣчю* Бібліа. *Предсказаня, обѣћаня и предзнаменованя Старога Завѣша упућую на* Онога, Кой *ће доћи; у* Новомъ Завѣту *є рѣчь о* Ономъ, Кой *є дошао — ш. є. о нѣгда обѣћаномъ а сад' заиста дошавшемъ* Мессіи — Спасителю *свѣша. Тамо* обѣћанѣ, *овдѣ шога* испунѣнѣ; *шамо* предзнаменованѣ и сѣнъ *будућега блаженства, овдѣ шога* сбыће и свѣтлость; *шамо* зачетакъ *заведенію спасенія, овдѣ шога* довршетакъ; *шамо* основъ, *овдѣ* зданіе *небеснога царства на зе-*

мльи; шамо Мойсей законъ *даде, овдѣ* благодать и истина *Іисусомъ Христомъ иостаде. Іоан. 1, 17.*

То є ешо међусобный союзъ Старога и Новога Завѣта. *Како єдноме, шако и другоме содржай и єзгра єсшь* Іисусъ Христосъ. *А самога Новога Завѣша за себе содржай и цѣль єсше:* „Любы҃ ѿ чи́ста се́рдца, и҆ со́вѣсти благі́а и҆ вѣ́ры нелицемѣ́рныа.“ *I. Тім. 1, 5. ш. є. ушуђенѣ, како да Богоугодно поживимо, спокойно умремо, и вѣчно блажени будемо.*

Све повѣсши, кое простpана Библіа *у себи содржи, не налазесе у овой нарочишо за Юность написаной кньиги, него само оне, кое су и найпросшіе и найнуждніе и нравоученія найшуніе. Пришомъ опешъ и у овако скраћеномъ виду своме иоказуе она ясно, да є Богъ створіо све изъ ничега; да се являо людма — добрыма милосшиво а злыма строго; да є найпослѣ Єдноroднога Сына Свога послао на избавленіе и спасеніе човѣ-*

чіега рода. У свакой овдѣ повѣсти видисе Божіе свемогућство, Божія благость, любовь, премудрость, правда и Божій промысао. Књига є дакле ова найудесніе Вѣроученіе. *Многи у ньой примѣри доказую, како є то лѣпо и красно, быти доброга, крошкога и Богобоязльивога срдца, а напротивъ како є мрзакъ и гнусанъ грѣхъ. Књига дакле ова єсть и найсгодніе* Нравоученіе.

Съ овога погледа отъ свег' срдца желимъ, да обштенародне потребе и ползе ради буде књига ова и осимъ училишта *у свакомъ такође Србскомъ дому свесрдно дочекана, пріимлѣна и удворена. Мене є найчистія любовь къ Роду моме и Народу понудила написати књигу ову, волю ми на посао дала, трудъ ми лагкимъ и пріятнымъ учинила. Штогодъ є овдѣ написано, то є све „въ на́ше наказа́ніе“ Римл. 15, 4. Любезный Чишателю! држисе* здраве науке ове, *молећисе Богу* духомъ и истиномъ, *Іоан. 4, 24 да напредуешь у любови Божіой и тврдой надежди вре-*

менне овога свѣта ушѣхе и вѣчнога на ономъ свѣту райскога блаженства! Шшо будешь у кньиги овой чишао, шо све самъ разшируй, допунявай, довршуй изъ благайнице душе швое, држеки еднако у срдцу и глави, да шу Богъ съ шобомъ говори! Осіа 2, 14. Съ найнѣжніомъ совѣсћу уважавай и осрдечавай ше рѣчи, кое су врело Православія швога, цѣль чезнѣ швое, напредакъ раднѣ, награда шруда, ушѣха у свакой живоша невольи швоіой! Тако ће Господъ Богъ по обѣћаню Своме приближишисе къ шеби и доћи, да живи у шеби као у обышалишшу Своме. Іоан. 14, 23. II. Кор. 6, 16.

Пришомъ чувайсе као живе ваше пагубнога помысла шога, да є само Свешшеничка и Учишељска а не и швоя шакоѣе родишељска дужносшь, учиши шоме дѣцу швою! Исшина; Свешшеничко и Учишељско є званіе, проповѣдаши царсшво Божіе, вѣрозаконъ, науку о Богу и соєдинѣню нашемъ съ Богомъ. Но, сохрани Боже, помыслиши, да шо

исто ніе и родишельска прва дужность! Ако и ниси, Читашелю, Свешшеникъ, валя да будешь Учишель у дому швомъ; шу шы мекешь у срдце дѣшеша швога шемель добру. Чувствованѣ добра може се у дѣшешу рано пробудиши. Богъ є света любовь; дѣца пакъ любовь на любекима ихъ родишельма найраніе, најлагше, најрадіе примѣчаваю, па се могу ошуда примѣчаваню любови Божіе и лагко и рано привыкнуши, као што се и заиста радо даю руководиши къ примѣчаваню шоме. Тко дакле може у послу шомъ болѣ успѣши, неголи Ошацъ и Маши? Они су први, кои дѣше свое уче, шта є любовь. Они су први, сироку коихъ дѣца ньихова најпре осѣкаю любовь, повѣренѣ, благодарность. Како дакле да ньима не поѣе најболѣ за рукомъ, съ шыма осѣканьма приводиши дѣцу свою къ Богу? Предсшавлямъ н. ир. машерь, коя бы као дуже време удовица дѣшешу ссоме овако говорила: „Драго дѣше мое! ошацъ ши є иоодавно векь умро, и на онай се свѣшъ къ Богу пресељо; но Богъ є свію насъ

Ошацъ; Онъ раани и мене и шебе; Нѣгово око гледи насъ; Нѣгово срдце люби насъ; Нѣгова рука чува насъ и брани; Духъ Нѣговъ учи насъ; Нѣгово ће небо пріимиши насъ нѣгда у себе. Мы смо на шо роѣени, да се Томе нашему и свію людій Ошцу молимо, да Га любимо, волю Нѣгову сазнамо и исуняѣамо, да у шомъ блаженсшво наше налазимо, да радо и прилѣжно послове наше оширавлямо; єдномъ рѣчю: да Богу и живимо и умремо, єръ ћемо сви нѣгда предъ Нѣга изићи, и лицемъ къ лицу Га гледаши. Нѣговъ Сынъ Іисусъ, дѣше нѣгда као и Ты шшо си, найлѣпшимъ начиномъ шо намъ є све казао, као шшо ћешь, кад' будешь у училишше ишао, іошшъ ясніе дознаши, него шшо ши я сад' могу казаши. Живи и владайсе, дѣше мое, по шой науки Іисусовой, шрудисе и ради, не учини никад' никаквога зла, не слажи никада, не сгрѣши никада; бољѣ ши є умреши, него слагаши, него шуђе узеши!“ — Тако шшо, выше у примѣрма него рѣчма, любећомъ и любимомъ машеромъ речено, како да

се у нѣжно и вышко дѣтета срдашце на дно не спусти и не укорени? — Кад' приспѣ време, онда, Читателю, шальи тако приправлѣно дѣте твое у училиште, гдѣ ће науку ту далѣ, обширніе и основаніе слушати; но не само шальи га у училиште, него и строго пази, да редовно ходи тамо; разбирай, како се влада и учи, а кодъ куће и самъ га испытуй о томъ. Ако тако, Читателю, радишь, колико ли онда съ твое стране приносишь къ распространѣню и утврђеню Православія нашега! ако ли не чинишь тако, горымъ те отъ невѣрника называ с. Апостолъ: „А҆́ще кто̀ ѡ҆ свои́хъ, па́че же ѡ҆ при́сныхъ свои́хъ не промышля́етъ, вѣ́ры ѿве́рглсѧ є҆́сть, и҆ невѣ́рнагѡ го́ршій є҆́сть." *I. къ Тім. 5, 8. — Зато ће вама, кои свету дужность ту вашу родительску, на кою сте отъ Самога Бога позвани, осѣћате, увиђате, на совѣсть, срдце и душу узимате, быти* Кньига ова *отъ неисказано велике ползе, потребе и нужде.*

А тебе нарочито, мила Србска Юносте, кньигомъ овомъ къ меин призы-

вамъ онако усрдно, као што є преблагій Спасишель младежь къ Себи призывао. Марк. 10, 14. Читай књигу ову прилѣжно, и учисе изъ нѣ любити Бога и ближнѣга! Нека ти она буде души раана; маши, коя ше непрестано свуда за руку води; свѣћа пред ногама твоима на пушу спасенія, I. Петр. 2, 2.; учишелька мудрости и наука надъ свыма наукама! Читай ю прилѣжно; она ти у срдце засвѣтлюе, са совѣсћу ти се разговара, у душу ти свешыню улыва као лѣковишо улѣ, Вѣру *ти крѣпи,* Любовь *ти снажи,* Надежду *ти выси, младость ти краси, старосшь ће ти блажиши. Покрай свake ћешь овдѣ повѣсши свесрдну наћи опомену, како ти валя содржай повѣдине повѣсши ше употребиши на науку твою за напредакъ у добру. Свaку опомену шу размысли добро, ниши прелази съ єдне повѣсши на другу пре, него што изъ нѣ науку у срдце твое пресадишь, и шврдо наумишь, чиниши ово или оно добро, а клонишисе овога или онога зла. Iак. 1, 22—27. Чини шако, младый Читаше-*

лю! сад' ти є време бринутисе и за старость; єръ „ꙗже въ ю҆ности не собра́лъ є҆сѝ, та̀ ка́кѡ мо́жеши ѡ҆брѣстѝ въ ста́рости твое́й?" *Іис. с. Сірах.* **25, 5.** *Чини тако,* „да благослови́тъ тѧ̀ Го́сподь, и҆ сохрани́тъ тѧ̀"! *IV. Мойс.* **6, 24.**

Епіскопъ Платонъ.

ПРВЫЙ СВЄТЪ.

1. Створенѣ свѣта.

Было є време, кад' ничега, сасвымъ ничега, кромѣ Бога, было ніе. Преблагій Богъ створи рѣчю Своіомъ све, гдѣгодъ є што. Упочетку рекне Богъ, да буде небо и земля, и тай часъ постане обадвое.

Но онда ніе іоштъ была земля тако лѣпо уређена, као што є сад'. Частице нѣне, изъ коихъ су сва видима составлѣна, быле су међу собомъ измѣшане. Земля є была свуда унаоколо скрозъ водомъ обливена; све є было тамно. — Богъ, хотѣћи землю красно уредити, благоизволи на то шестъ дана употребити, премда бы у єдномъ тренутку ока све учинити могао.

У првый данъ рекне Богъ: „да буде свѣтлость," и та се намахъ створи.

У другій данъ заповѣди Богъ, да се подигну паре изъ воде, коя є іоштъ цѣлу землю покрывала. То буде; и тако постану облацы. Воздухъ, у комъ су облацы высили, нареку послѣ први люди небо или твердь, єрбо се очима ньиховыма као нѣ-

кій тврдый около цѣле землѣ разастртый сводъ учини.

У трећій данъ на рѣчь Божію постану планине и долине. Вода се у дубльине сліе, и тако потеку извори, потоцы, рѣке, єзера и мора. Планине и сва вышша мѣста остану сува. Но та сва сува земля была є іоштъ праздна, гола и нага; зато заповѣди Творацъ, да ю свакояко былѣ, дрвета, купине и шуме покрыю, и да свака травка и дрво сѣме донесу, изъ кога бы опетъ нова прозябенія произилазила. Све буде по Божіой заповѣсти. Отъ найвышшега кедра Ливанскога до найманѣ травке постану неброена прозябенія, отъ коихъ досада преко двадесетъ тысућій познаемо. Но да бы сѣмена прозябенія овыхъ сазрѣти могла, нуждна є была топлота; зато

У четвртый данъ створи Богъ сунце, мѣсецъ и звѣзде, и нареди свакоме отъ овыхъ тѣлеса мѣсто и течай. Лѣпо ти є сад' по свѣту погледати было; ал' іоштъ на цѣлой широкой земльи не бяше ничега живога, кое бы се плодомъ прозябенія наслађавало, красоти и доброти свію стварій радовало. Зато

У петый данъ рекне Богъ: „У води и по воздуху нека буду живе ствари." Тай часъ ускипи вода рыбама, а воздухъ птицама. Само іоштъ на сувой земльи не бяше живе ствари.

У шестый дакле данъ створи Богъ и на земльи такође животна. Отъ великога

слона до найманѣга мыша, и отъ овога до найситніе бубице, кою безъ увеличнога стакла видити не можемо, красни шарени лѣптирићи, свѣтле као злато бубице покрыю шуме и ливаде, траве и цвѣтове. Живыхъ дакле створій, кое су друге ствари на свою ползу и забаву употребити могле, было є доста; само іошть не бяше разумнога створеня, кое бы кадро было признати, да є то све Богъ создао, и кое бы налазило радость свою у Богу. Зато у тай истый шестый данъ створи Богъ и човѣка.

Любезни мои! ето видите, да є Богъ неба и землѣ Творацъ. Богъ є свемогућь; што Онъ хоће, то быва. Изъ єдне є благости и любови створіо Богъ све тако лѣпо и тако добро. Штогодъ видимо, све є то благодѣяніе Божіе — све отъ яркога сунца до найситніега прашка. Богъ є совршено мударъ. Найманый цвѣтакъ тако є вѣшто саставлѣнъ, да то умъ човѣчій постићи не може. Небо и земля доказую намъ дакле ясно, да ихъ є мудрый и свемогућій Богъ створіо. Вѣштина се живописца познати може по красноме живопису нѣговоме, ако нѣга самога лично никад' ни видили нисмо. Исто се тако по небу и земльи види, да є Богъ и благъ и мударъ, и свемогућь, премда Самога милостивога Бога видити не можемо. Небо и земля єсу огледало свемогућства, благости и мудрости Божіе. Великолѣпна дѣла та Божія често и са светомъ радосћу сматрай, предрага Юносте!

Іоштъ намъ и то валя знати, како насъ є Самъ Богъ ободріо и єднако ободрава, да се благодарно опоминѣмо створеня свѣта, и да съ радосћу дивна дѣла Божія сматрамо. Богъ є на то особитый седмице данъ опредѣліо. Кад' є за шестъ дана створіо небо и землю и све, што є на небу и на земльи, онда у седмый данъ отпочине, и примѣромъ тымъ Своимъ научи насъ, да и мы шестъ дана радимо, а у седмый, кой є кодъ насъ Недѣля, да отъ свію нашихъ послова престанемо, и тако цѣлый тай данъ єдноме само Богопочитанію, а съ тымъ радости нашой, кою намъ сматранѣ дивныхъ дѣла Божіихъ чини изобилно, да посветимо.

Но Божія воля є, да се и осимъ недѣлнога дана благодарно опоминѣмо створеня Нѣговога. Богъ намъ и свакій данъ раћанѣмъ благодѣтелнога сунца предъ очи меће, како є у време створеня свѣта было. У ютру, пре него што се сунце роди, све є іоштъ тамомъ покрывено Таме послѣ лагано нестаяти почне, мало помало распознаюсе небо и земля, вода и поля, былѣ и цвѣће, траве и дрва. Затымъ се появи сунце. Рыбе се по води играю, птице по гранама пѣваю, яганьцы покрай матерій своихъ скакућу. Найпослѣ изиће човѣкъ на посао свой. Свако красно ютро у пролѣће и лѣто єсть поновлѣно представленіе створеня свѣта. Рано дакле, Любезни, устаите, свакога ютра дивно то єстества позоріе сматрайте, и благодарне младе прси ва-

ше Богу, Кой є лѣпо ютро, васъ и цѣо свѣтъ створіо, рано отворайте!

2. Адамъ, првый човѣкъ.

Небо и земля была є готова, за обиталиште и уживанѣ човѣка прекрасно уређена. Но на цѣлой пространой земльи не бяше іоштъ ни єднога човѣка, кой бы био велика та и дивна дѣла Божія сматрати, у томъ радость налазити, Бога зато хвалити и благодарно славити могао. Преблагій Богъ створи дакле и човѣка, као што смо мало часъ накратко рекли, а сада ћемо обширніе да кажемо: Начини сирѣчь Богъ отъ землѣ тѣло човѣчіе, даде му кости, месо, крвь, и петъ орудія за петъ чувства тѣлесныхъ. То тѣло іоштъ є было укочено и безъ живота, удове дакле свое ніе могло мицати, и чувствена орудія употребити. Богъ дуне у мртво тѣло ово, и задаемъ тымъ даруе му душу, коя тѣломъ мицати, мыслити и хотѣти почне. Духъ овай у човѣку — душа — єсть образъ и подобіе Божіе; єръ є она духъ као и Богъ, Кой є Духъ найсовршеніи, у Кога є разумъ найвышшій и воля найболя, найсветія. Овай се првый човѣкъ зваше Адамъ. Нѣму представи Богъ сва створеня Своя, и даде му власть, господарити надъ ньима, и на свою ихъ корысть, угодность и увеселеніе употреблявати.

Драга Юносте! човѣкъ є дакле по образу и подобію Божію створенъ, и има беспре-

дѣлно вышшу природу, него животна. Єдно само тѣло нѣгово принадлежи земльи; а духъ нѣговъ — душа — єсть нѣшто Божествено. Душа може оно, што є добро, познати, любити и творити. У души човѣчіой огледасе премудрость Божія, благость и Божіе свемогућство — као сунце у росной капльицы.

Любезни! чествуйте образъ и подобіе Божіе на вама самыма! Не уподоблявайтесе незнанѣмъ, гнѣвомъ, зависћу, лѣносћу скотовма. Будите совршено мудри, милостиви, любезни, трудолюбиви, свети. Свака зла страсть уподоблява насъ скотовма, а свако красно, добро осѣћанѣ и дѣло Самоме Богу.

Чествуйте образъ и подобіе Божіе и на другима токоће людма — на свакомъ човѣку. Тко найманѣга просяка презире, тай презире образъ и подобіе Божіе, и Самога дакле Бога. Шта мыслите? бы ли могло дѣте, живописаный обликъ родителя свога ногама газећи, рећи, да опетъ притомъ почитуе родителя свога? —

3. Рай.

Богъ насади дивно лѣпъ вртъ, у комъ є свакоякога воћа и цвѣћа было. Красоте врта тога ніе се могло око сито нагледати. Богатъ изворъ, кой се на четыри быстре рѣке разлывао, неописано є увеличавао лѣпоту врта тога. У тай тако лѣпый и пріятный вртъ уве-

де Богъ Адама, и преда му га на обдѣлянѣ.

Тако є любезанъ и милостивъ Богъ спроћу човѣка. Богъ насъ є створіо нама самыма на радость, но и на трудъ и посао такође. Трудолюбіе єсть знаменита часть наше среће.

У раю бяше єдна єдина воћка, коя є вредоносанъ плодъ рађала. Зато човѣколюбивый Богъ заповѣди Адаму овако: „Отъ свакога райскога воћа єди; само съ ове воћке — Богъ є ону вредоносну разумѣвао — да не єдешь: єръ ћешь, ако съ нѣ окусишь, морати умрети!“

Како се ето опетъ и ту отечески стара Богъ! Како радо хоће, да добри и срећни будемо! Запрећуе текъ оно, што намъ є вредоносно, т. є. што насъ несрећне учинити може, као на примѣръ: лакомство, неумѣреность и сваку другу необуздану тѣлесну страсть. Любезни! слѣдуйте совѣту преблагога и милостивога Бога!

Затымъ представи Богъ Адаму животна. Сви звѣрови польски, све птице поднебесне, єдномъ рѣчю: сва жива створеня морала су предъ нѣга изићи. Погледъ на толика лѣпа и полезна створеня уліе у прси Адамове нову радость, и напуни му срдце благодарносћу къ Творцу тако великихъ и различитыхъ лѣпота.

Любезна Юносте! животна су велико благодѣяніе за насъ. Конь насъ носи, волъ намъ оре, крава млеко дае, овца вуну, кокошь

яя, пчела медъ. Птице насъ пѣванѣмъ своимъ веселе, пси насъ ноћу чуваю. И на животыньи треба Божіой мудрости и благости да се дивимо, и за животна такође Богу благодарни валя да будемо!

Адамъ є морао свакоме животноме име надѣнути; а изъ тога дознаемо, да га є Богъ и бесѣдомъ одаріо. Ето опетъ наиђосмо на ново благодѣяніе Божіе! Колика є то срећа за насъ, да говорити можемо! Каква бы то несрећа наша была, кад' бы сви люди нѣми были! Любезни! никад' не употребите Божій бесѣде даръ на зло, на лажь и оговорыванѣ. Прекрасный овай милости Божіе даръ на найлѣпшій начинъ употреблюемо, кад' ньимъ искрену срдца нашега благодарность къ Богу изявлюемо.

4. Ева.

Адамъ є био самъ самцытъ на цѣлой пространой земльи. Не имаюћи никога, съ кимъ бы се разговоріо, никога, кой бы му радити помогао, никога, кой бы радость му съ ньимъ дѣлити могао, омрзне чисто и на животъ, премда є усред' рая био. Да му животна нису равна, то позна брзо.

Зато рекне Богъ: „Ніе добро, да човѣкъ самацъ буде; іоштъ ћу му другарицу створити." — Богъ наведе на Адама санъ, пакъ међутымъ састави изъ ребра нѣговога друго човѣчіе тѣло, и дуне и у ово такође разуммъ и вольомъ одарену душу. Радость Ада-

мова, кад' се пробуди, и другарицу свою види, была є неописана.

Любезни! каква бы то неволя была, кад' бы кое отъ васъ само самцыто на свѣту было! Срећа є то велика, што више людій заєдно живе. Чувайтесе дакле и пазите добро, да не бы срећу ту неслогомъ кварили. Любите се међу собомъ, и чините єданъ другоме толико радости, коликогодъ можете.

Адамъ и Ева живили су у лѣпомъ врту райскомъ невинно и весело. Просто њихово єло было имъ є воће, а пиће — найздравіе на свѣту — быстра водица изъ извора. Бога су любили преко свега найвећма, а єдно друго любили су се сасвымъ искрено. Никада жалости ни познавали нису; никада ихъ болело ніе, были су безсмртни.

О Любезни! будите невинни и добри! Свакій се данъ Богу молите, да вамъ невиность — то найвеће благо на свѣту — сачувати помогне. У невиности є права и чиста радость, у коіой се напредъ осѣтити може райско блаженство!

5. Првый грѣхъ.

Мало пре речено є, да се у райскомъ врту налазило свакоякихъ воћкій, и да є Богъ допустіо Адаму са сваке єсти, осимъ оне вредоносне воћке, или воћке познанія доброга и лукавога. Како, додао є Богъ къ той Своіой заповѣсти, съ нѣ окусишь, умрети ћешь морати.

Воће съ тога дрвета, Любезни, ніе было само по себи отровно; но Богъ є хотѣо покорность Адама тымъ кушати, желећи га — а у нѣму и насъ — научити, како є гадна и неопроштена непокорность къ Богу.

Єдаредъ приступи Ева къ запрећеной воћки, и опази на ньой змію, коя іой стане говорити овако: „Зашто вамъ забрани Богъ са свію воћкій єсти?" Ева се са зміомъ упусти у розговоръ, и отговори іой: „Са свію воћкій, колико ихъ годъ овдѣ у врту има, свободно намъ є єсти, само съ те єдне, што є посред' рая, забраніо намъ є Богъ єсти; иначе ћемо морати умрети." „Шта? рекне змія, умрети? зна Богъ врло добро, да ће вамъ се, како съ ове воћке окусите, отворити очи, пакъ ћетесе тымъ Богу уподобити, добро отъ зла, као и Онъ, распознавати." На ове змійне рѣчи погледи Ева больма на воћку; запрећеный плодъ учини іой се особито лѣпъ и пріятанъ, што га є више сматрала, то іой се све лѣпшій и пріятніи чиніо. Помысли, да ће плодъ тай и особито пріятнога вкуса быти, пружи руку, узбере ябуку, єдући окренесе къ мужу своме, и даде и нѣму, те тако обадвое окусе отъ запрећенога плода, преступе заповѣсть Божію, и учине прьый грѣхъ. Сад' имъ се заиста отворе очи, али нашто? Опазе, да су наги; застыдесе, сплету одѣло отъ смоковнога лисћа, и отъ стыда покрыю тымъ наготу свою, пакъ онда у страху отъ лица Божіег' сакрыюсе у єдной райской међи.

Ева є жалостанъ примѣръ преварене

невиности. Любезни! не будите тако лакомыслени, као она; бѣжите отъ сваке намаме на грѣхъ; не слушайте невалялыхъ разговора, и немойте ни погледати на оно, што вамъ є запрећено!

На Адаму видимо, шта може зао примѣръ учинити. Ева сгрѣши; Адамъ види, пакъ сгрѣши и онъ. — Добро се чувайте злыхъ примѣра, Любезни!

Змія намъ є огледало варалице. Тко васъ, Любезни, хоће да увѣри, да се васъ заповѣсти Божіе много не тичу, да вамъ грѣхъ никаква вреда нанети неће, то є варалица, тога се клоните као єдовите зміе!

Свакій грѣхъ подобанъ є запрећеноме воћу. Съ почетка чини намъ се умилятъ, обѣћава радость, а послѣ донесе са собомъ смрть.

Прави знацы свакога грѣха єсу „стыдъ и страхъ," то видите изъ ове повѣсти. Никада дакле ништа не учините, сбогъ чега бы се, кад' бы се прочуло, предъ добрыма людма застыдити морали, а на Бога не бы могли съ радосћу помыслити. Свакій грѣхъ, свако зло жигосао є Богъ стыдомъ и страхомъ.

6. Казнь првога грѣха.

Приспѣ вече; али, ахъ, ньима не бяше сад' тако пріятно као отпре! Тихо између лисћа шуштанѣ вечернѣга воздуха уплаши ихъ. Рай имъ се учини мѣстомъ муке. Най-

већма ихъ устраши гласъ Божій: „Адаме! гдѣ си?" Отъ страха дрктаюћи отговори Адамъ: „Бояо самь се изиђи нагъ предъ Тебе, зато самь се сакрыо." — „Тко ти, рекне Богъ, каза, да си нагъ? ниси ли ѥво воћа, кое самь ти запретіо ѥсти?" Адамъ отговори: „Жена, кою си ми придружіо, даде ми отъ тога запређенога воћа, и я — окусимъ." На то рекне Богъ Еви: „Зашто си то учинила?" Ева уплашено отговори: „Змія ме ѥ наговорила и преварала."

Ето како ни ѥдно не хтѣде кривицу на се пріимити, као што чине дѣца, коя заповѣсть своихъ старѣшина преступе.

Богъ казни све трое. Змію, да бы се люди грѣха тога са страхомъ опоминяли, осуди Богъ, да на трбуху пузи, и земльомъ да се раани. — Еви рекне: „Теби ће дѣца твоя много бола, бриге и труда задавати; воля ће твоя быти подложена вольи мужевлѣвой; мужъ ће ти быти господаръ." — А Адаму рекне Богъ: „Кад' си ты могао пре жену послушати, него Мене, то проклета нека буде земля тебе ради; трнѣмъ и коровомъ раћала; са зноемъ ћешь лица твога ѥсти хлѣбъ твой, докъ се опетъ не вратишь у землю, изъ кое си и саставлѣнъ!" — Тако осуђене и Адама и Еву истера Богъ изъ рая.

Драга Юносте! ето како Богъ свезна. Праведанъ ѥ Богъ, мрзи на зло, и казни га свагда. Но и милостивъ ѥ, пакъ олагшава бѣду човѣка. Тако ѥ н. пр. дао Адаму и Еви, кад' ихъ ѥ изъ рая истерао, одѣло отъ

коже, да имъ не бы хладанъ воздухъ здравлю вреда нанео. И саме казни Божіе єсу нова благодѣянія. Тако н. пр. трудъ єсть срећа наша; неволя опамети вѣтрогоню.

Іоштъ и то милостивый Богъ обѣћа праотцевма нашима, да ће имъ послати Єднога, Кой ће ихъ избавити изъ бѣде грѣхомъ заслужене. Тко є Тай? и каква є то змія? повѣсти ће намъ слѣдующе показати ясно.

7. Прва жертва.

Адамъ и Ева роде два сына; старіи се звао Каінъ, а млађій Авелъ. Каінъ, као снажніи, буде землѣдѣлацъ, а нѣжніи и слабіи Авелъ пастыръ кодъ оваца. Ньива имъ є давала раану, а стадо и раану и одѣло.

Видите, Любезни, да є Богъ човѣка на радню отредіо, ако хоће да живи. И прво двое дѣце морадоше чемугодъ се учити, да трудомъ хлѣбъ и одѣло заслуже.

Како Каінове ньиве, тако и Авелова стада благослови Богъ. Каінъ принесе Богу жертву отъ плодова земныхъ, а Авелъ жертвуе прво младо стада свога младога ягнѣшце.

Текъ радити, ніе доста; но свакій посао потребуе найпре Божіега благослова. Безъ овога ни ньиве ни стада напредовати не могу.

Авелова жертва буде угодна Богу, а Каінову не удостои Богъ ни погледа Свога. А зашто? ніе ли жертвовао єданъ као и другій?

Ніе ли свакій дао, што є имао? — Ево зашто: Богъ не гледи само на споляшность, него нарочито на унутрашньость. Жертва Авелова извирала є изъ благочестивога и благодарнога срдца; а Каіновъ приносъ быо є само споляшанъ безъ унутрашнѣга благоговѣйнства; споляшнѣ пакъ благоговѣйнство безъ унутрашнѣга єсть притворность, и зато мрзость предъ Богомъ.

8. Каіново братоубійство.

Тко Бога чистосрдечно не почитуе, тай не люби ни ближнѣга свога. Каінъ, видећи, да є Авелъ повольніи Богу, омрзне на брата тако, да га ни погледати выше ніе хтѣо. Отъ тежке зависти и мрзости савъ потамни и изгубисе у лицу.

Свака зла страсть, а особито завись, нарушава и опустошава красно човѣка лице.

Богъ опомене Каіна любезно: „Зашто си тако срдитъ, и зашто си се тако изгубіо у лицу? Знай то: ако добродѣтель узлюбишь, міо ћешь ми быти, као и братъ твой. Не будешь ли пакъ добро творити, то те вреба грѣхъ, да те удави, као крвожедный лавъ. Но на теби самомъ стои, надячати страсть твою, само ако хоћешь."

Тако насъ увѣкъ отвраћа Богъ отъ зла гласомъ совѣсти. О Любезни! слушайте светый гласъ тай Божій, и слѣдуйте му свагда! Чувайтесе отъ грѣха, као отъ какво-

га дивіега, лютога и крвожеднога звѣра, кой васъ вреба, да васъ раскида!

Каінъ не послуша Бога, но задржи у срдцу мрзость на Авела. Єдаредъ се претвори предъ ньимъ, и улагиваюћи му се рекне: „Ходи, брате, да изиђемо заєдно уполѣ!" Радъ и весео пође съ ньимъ добрый Авелъ. Кад' буду подоста удалѣни отъ родителя своихъ, нападне Каінъ на Авела — роћенога брата свога — и убіе га!

Ето какво се зло найпослѣ раћа изъ зависти и гнѣва, кад' надъ срдцемъ човѣка махъ отму! У крви своіой мртавъ лежи незлобный Авелъ. О како ли су отацъ и мати цвѣлити морали, кад' су га мртвога нашли! Любезни! опоминьитесе често ове жалостне повѣсти, пакъ не дайте гнѣву и зависти, или другой каквой злой страсти, никада мѣста у выткомъ вашемъ срдашцу!

9. Казнь Каінова.

Што родительи убійство видили нису, то Каіну нимало помогло ніе. Свевидећій Богъ упыта га: „Гдѣ ти є братъ Авелъ?" Каінъ, као што чине обычно зла и неваляла дѣца, отговори упорно: „Шта я знамъ, гдѣ є? Заръ га я морамъ чувати?" На упорне рѣчи те рекне му Богъ: „Шта си учиніо? крвь брата твога вопіе отъ землѣ къ Мени на небо горе. Зато проклетъ быо ты на земльи, коя є уста своя отворила, и крвь брата твога попила! Ты ћешь копати, орати и сѣяти, ал' отъ руке

ти неће ништа рађати! Крыосе и скитао по земльи!"

Яданъ Каінъ отъ тежке туге и отчаянія повикне: „Беззаконіе мое тако є велико, да опроштеня отнюдъ не заслужуемъ. Я ћусе отсад' као протераница каква скитати по свѣту. Све ће ме, штогодъ предаме изиђе, убіяти!" То изусти Каінъ, пакъ тай часъ отбѣгне отъ своихъ родителя. Ал' лагко му се было отъ ньихъ уклонити; но како ће яданъ уклонитисе отъ грыже совѣсти свое? Грыжа га є та пратила и выяла посвуда, и животъ му огорчавала.

Богъ и сад' іоштъ исто тако казни зле и неваляле люде. Они по већой части рѣдко напредую у своима пословма; но, ако и не бы имали друге муке, опетъ ихъ узнемирена совѣсть непрестано грызе и мучи, преко кое имъ доста ясно показуе Богъ, да ніе съ ньима задоволянъ. А ніе ли то найвећа мука и несрећа на свѣту? Човѣкъ немирне совѣсти нема у цѣломъ животу своемъ мирнога часа, као и Каінъ. О Любезни! старайтесе сачувати чистоту совѣсти; єръ само тако ћетесе сачувати отъ онога немира, кой за грѣшникомъ узастопце иде!

10. Невалялство првога свѣта.

Мало помало разумножесе люди и распростране по свѣту; но и отъ дана до дана, живећи сладострастно, све су гори и неваляліи бывали. Найважніи посао быо имъ є,

єсти и пити. Неправда и насиліе отму махъ. О Богу вѣчь выше ни пытаня не бяше. Страшни тіи рода човѣчіега грѣси разжале Бога, „Све се мысли и трудови човѣка — рекне Богъ — на зло клоне; люди су сасвымъ заборавили душу, и єдноме текъ тѣлу угађати стараюсе. Но, премда су искварени сасвымъ, опетъ ћу имъ оставити доста времена, не бы ли се покаяли и поправили."

О тко се неће гнушати зла, кад' оно Самога Бога, тако рећи, печали? Тко се неће свойски постарати, да се покае и поправи, кад' то Самъ Богъ тако срдечно жели?

У то време живіо є Ное, кой є єданъ усред' цѣлога искваренога свѣта умѣо остати Богобоязльивъ. Єдноме нѣму посред' толикихъ безбожника была є воля Божія света. Ною рекне Богъ: „Скорымъ ће сви люди пропасти; єрбо су већь сву землю злобомъ и свакоякимъ невалялствомъ напунили. Начини дакле велику лађу (ковчегъ), направи у ньой много стая, и намажи ихъ све споля и изнутра смоломъ. Ковчегъ тай нека буде три стотине лактова у дужину, петдесетъ у ширину, и тридесетъ у высину. Све, штогодъ дыше и живи, мора се упропастити. А съ тобомъ ћу учинити завѣтъ. Ты ћешь ући у ковчегъ са сыновма, женомъ и снаяма твоима. Отъ свакога рода животынѣ — отъ четвороножныхъ, птица и свію на земльи живећихъ — по двое ћешь узети у ковчегъ, да се и та избаве отъ обште пропасти. Не заборави снабдѣтисе довольно и раа-

БИБЛИОТЕКА

номъ како за тебе и породицу твою, тако и за животна."

Ето видите, Љобезни, како є милостивъ Богъ Богобоязльивыма людма! Съ добродѣтелнымъ се Ноемъ као са Своимъ другомъ разговара. Учи га, као отацъ сына, шта ће чинити, да се спасе. Свака Му є рѣчь све сама благость и милость. О тко неће добродѣтель свымъ срдцемъ любити, кад' ето чрезъ ню другомъ Божіимъ постае.

11. Пропасть првога свѣта.

Ное, Богу покоранъ као добаръ сынъ оцу своме, имао є врло задуго посла градећи ковчегъ. Люди су гледали, чему се онъ приправля, па су могли поправитисе, а имали су и доста времена на то. Но и то ихъ не заустави у невалялству ньиховомъ.

Ковчегъ буде сасвымъ готовъ, и Богъ сад' рекне Ною: „Уђи съ породицомъ твоіомъ у ковчегъ; єрбо єданъ само ты у цѣломъ роду човѣчіемъ живишь по Моіой вольи."

Ето краснога примѣра, да праведный Богъ не гледи на лице ни благородство племена, него само на добродѣтель и благородство душе.

„Узми съ тобомъ и све родове животныхъ — дода іоштъ къ бесѣди Своіой Богъ — послѣ седамъ ће дана почети киша падати, и непрестано ће за четрдесетъ дана и толико ноћій траяти. Све ћу, штогодъ самь живо створіо, истребити са землѣ."

Schindler del. Weinrauch sc.

Пропасть првога свѣта.

Ное, свагда вѣранъ и покоранъ слуга Божій, учини тако, као што му є Богъ заповѣдіо. Све родове животныхъ уведе у ковчегъ, а найпослѣ за ньима уђе унутра и самъ съ породицомъ своіомъ. Како се врата ковчега затворе, таки почне буйна киша падати. Сва се изворна врела надму; све рѣке и сва мора прећу преко прибрежія своихъ. Спушталасе съ неба киша, као да се небо провалило. Силна вода дигне и Ноевъ ковчегъ.

Ахъ, Любезни, помыслите само онай страхъ и горакъ плачъ несрећныхъ людій! Ядни пенюсе на дрва высока и на врхове планина; ал' ни ту не налазе станишта! каюсе; ал' касно є! Вода є расла и расла, те надвыси и найвышше подъ небомъ планине съ петнайстъ лактова. Отъ човѣка до скота, отъ птице пернате до найманѣ бубице све — све є то водомъ подавлѣно было! Єданъ Ное и съ ньимъ сви и сва у ковчегу остану у животу.

Тако страшно казніо є Богъ невалялство првыхъ людій. Судомъ Божіимъ нестане цѣлога живога свѣта. Ако бы, ахъ, и могао тко тако неваляо быти, да благога Бога не люби, а оно нека се праведнога Бога бои!

Невалялство првога свѣта быо є узрокъ, те є свѣтъ тай пропао. Любезни! бы ли се могао кой међу вама наћи, кой бы іоштъ могао — смѣо неваляо быти?

12. Избавленіе Ноево.

Сто и петдесетъ дана лежала є та велика вода на земльи. Богъ се смилуе на Ноя и сва животна у ковчегу. Ни єдно створенѣ Свое, ни найманѣга мравка, не исключуе Богъ изъ свое беспредѣлне милости. По Божіой вольи дуну топли вѣтрови. Извори се поврате у своя врела, рѣке и мора међу своя прибрежія. Вода усане. Ковчегъ Ноевъ сѣдне на Арарату, высокой планини у Арменіи. Већь се и другихъ нижихъ планина врхови почну мало по мало указывати.

Ное отвори прозоръ, и испусти изъ ковчега наполѣ гаврана, да тако види, єда ли є вода опала. Гавранъ отлети, пакъ се выше и не врати. Сад' пусти Ное голубицу, коя не нађе, гдѣ бы стати могла, и зато се врати, и стане облетати около ковчега. Ное пружи руку, и унесе ю у ковчегъ.

Послѣ седамъ дана опетъ Ное испусти голубицу, коя му предъ вече текъ натрагъ долети, носећи зеленолистнату масличну гранчицу у клюну. О како ли су се сви у ковчегу обрадовати морали, кад' су тай лѣпый надежде и мира знакъ опазили. Ное се увѣри, да є вода, ако и не сасвымъ, врло опасти морала.

Послѣ другихъ седамъ дана пошлѣ Ное опетъ голубицу, но ова му се выше не врати; откуд' заключи онъ, да є вода сасвымъ опала. Тако є и было.

Богъ затымъ рекне Ною: „Изиђи сад' изъ ковчега са женомъ, сыновма и снаяма, па пусти и сва животна такође."

Какогодъ што строго казни Богъ злочестиве люде, тако є исто милостивъ опетъ спроћу добродѣтелныхъ. Богобоязльивъ човѣкъ, кой сву надежду свою на Бога полаже, ако бы се и сва земля срушила, нека се не бои; нѣга Самъ Богъ чува. Будите дакле, Любезни, о будите добри, и полажите сву надежду на Бога!

13. Жертва благодарности.

Ное изиђе изъ ковчега са свыма своима, и своимъ животыньомъ; можете помыслити, съ каквомъ и коликомъ радосћу. — Како ли є ипакъ тежко морало быти милостивоме доброга Ноя срдцу, кад' около себе погледи, и цѣлу пространу землю сасвымъ праздну и пусту опази, коя є мало пре пуна людій и другихъ живыхъ створеня была!

Ное начини жертвеникъ, и принесе Богу жертву благодарности. Но лѣпше и свѣтліе, нег' ватра на жертвеномъ огньишту, пламтило є благодарносћу Ноево срдце на чудномъ овомъ избавленію.

Богъ, Кой свако добро люби, пріими жертву ову милостиво. Красна се дуга појави на небу, и Богъ рекне Ною и нѣговым' сыновма: „Увѣравамъ васъ и све люде, кои послѣ васъ буду, да потопа никада выше быти неће. То є завѣтъ Мой; доклѣгодъ земля

стаяла буде, усѣвъ и жетва, лѣто и зима, данъ и ноћь неће никада прекидатисе. Ова Моя дуга, кою самь у облаке ставіо, нека вамъ буде знаменѣ тога завѣта Мога.

Любезни! кадгод' дугу у облаку опазите, свагда се сѣтите ове жалостне повѣсти; свагда у такомъ случаю помыслите: Страшанъ є и строгъ Господъ Богъ злочестивцу, а любезанъ и милостивъ Богобоязльивцу! Дуга є милости знаменѣ, седмостручна свеза, коіомъ є Богъ саставіо споменъ ове повѣсти. Гледай дугу, пакъ слави Онога, Кой ю є саставіо!

14. Ноеви сынови: Симъ, Хамъ и Іафетъ.

Послѣ потопа дадесе Ное на землѣдѣлство, као што є и пре потопа чиніо. Покрай ньива насади іоштъ и віноградъ. Много є потопомъ препатіо; зато му милостивый Богъ осимъ хлѣба іоштъ и віна даде.

И віно є велико благодѣяніе Божіе особито за болнике, а и за свакога зрѣлога човѣка, кой га умѣрено піе. За дѣцу є само грозђе.

Ное, снагу віна не познаваюћи, и выше піюћи, него што є поднети могао, опіесе. Піянъ свуче све са себе, и заспи нагъ у своіой колеби.

Неумѣреность у пићу врло є вредоносна и здравлю и разуму, па є зато заиста и гадна и бесчестна.

Хамъ, видећи отца свога піяна и нага, почувствуе у себи злобну нѣку радость, па истрчи изъ колебе, те са смѣхомъ каже то браћи своіой.

Ето примѣра покваренога срдца! Умѣсто да се застыди, смѣесе Хамъ; умѣсто да погрѣшку отца свога покрые и утаи, проноси ю и разглашуе.

Симъ и Іафетъ сасвымъ су друге были мысли. Како чую то за отца свога, таки узму кабаницу, уђу натражке у колебу, и покрыю обнаженога отца свога са окренутыма очима своима.

Коме неће ова любови достойна стыдльивость, ово красно цѣломудріе, ово сыновнѣ почитаніе исто тако мило быти, као што га и безстыданъ, гаданъ Хама поступакъ узмутити мора?

Ное се истрезни, разбере за неваляло Хама владанѣ, и яко се разжали, што є изъ тога предвидити морао, да му тай злочестивый сынъ никада неће срећанъ быти.

А и како бы могао срећанъ быти? Румень стыда єсть цвѣтъ добродѣтельи. Ако є цвѣтъ мразомъ опалѣнъ, то воћка не донесе плода.

Сима и Іафета благослови отацъ, предвидећи, да ће срећни быти обоица.

А и како не бы срећни были? Стыдъ є Ангелъ, кога є Богъ као чувара невиности поставіо. Любезни! не чините, не погледайте, не слушайте, не помыслите никада ништа, чега бы се застыдити морали! Поко-

равайтесе гласу Ангела тога! Тко томе слѣдуе, тога онъ за руку къ спасенію води.

Овамо спада іоштъ и ова важна наука: Око, кое отца свога презире, и матери своіой подсмѣвасе, заслужуе да га орлови ископаю, и ньимъ орлиће свое нараане.

Драга Юносте! старайсе за отца твога у нѣговой старости, и не увреди га никада цѣлога живота нѣговога, ако бы и слабости старости нѣгове сносити морао. Свако добро, кое отцу твоме учинишь, заборавлѣно неће быти никада. Срећанъ ћешь быти; у невольи, нужди и напасти поможено ће ти быти.

Потомцы Ноеви мало по мало постану великимъ народомъ, и све већма и већма распространесе по свѣту. Боећисе, да се не бы сасвымъ тако размакли, да се нигда выше састати не бы знали, науме сазидати столпъ, кога бы вршакъ до облака допирао, и тако издалека се видити могао. Но Богъ имъ осуети ту горду и безумну намѣру. Дотлѣ су люди, као сви єданъ народъ, и єднымъ єзыкомъ бесѣдили; а сада се по Божіой вольи роде међу ньима различни єзыцы. Та разлика єзыка натера ихъ манутисе наумлѣнога и већь започетога зиданя, на све стране свѣта разићи, и на различне народе раздѣлити. Тако се испуни велика Божія намѣра, распространити родъ човѣчій по цѣлой земльи. Грдне развалине тога недовршенога столпа єсу спомениkъ ове истине: Све, штогодъ се безъ благослова Божія и само

изъ гордости и славолюбія предузима чинити, прелази у развалине, было то иначе колико му драго велико.

ПАТРІАРСИ.

15. Званіе Авраамово.

Послѣ потопа опетъ се люди, као што є мало пре речено, разумноже и по цѣлой земльи распростране; но брзо и опетъ заборавe Бога, и умѣсто Творца свога стану се кланяти ідолма. У тако развраћеномъ роду човѣчіемъ и опетъ се нађе єданъ єдиный добродѣтеланъ и Богобоязльивъ мужъ. Тога избере Богъ, да се у нѣму и нѣговомъ потомству истинито Богопочитаніе сачува, и преко ньихъ по свыма народма распространи. Мужъ тай быо є Патріархъ Авраамъ. Патріархомъ — Праотцемъ — называсе зато, єрбо отъ нѣга цѣо єданъ народъ подрекло свое вуче.

У само сродство Авраама, у домъ отца нѣговога вечь се было увукло ідолопоклонство; зато му Богъ рекне: „Отиди изъ тога предѣла у другу постойбину, кою ћу ти Я показати, и гдѣ ћу те учинити праотцемъ великога народа, и благословити те, а преко тебе ће и сви народи благословени быти.”

Ово є была жестока заповѣсть. Отъ свега, срдцу своме милога и драгога, разстатисе, то мора осѣтльивоме човѣку тежко пасти!

Но Авраамъ ипакъ съ пунымъ повѣренѣмъ и безъ свакога затезаня спремисе на путъ са женомъ своіомъ Сарромъ, сыновцемъ своимъ Лотомъ, са слугама и стадама своима. О како ли є красна ова драговольна покорность Богу!

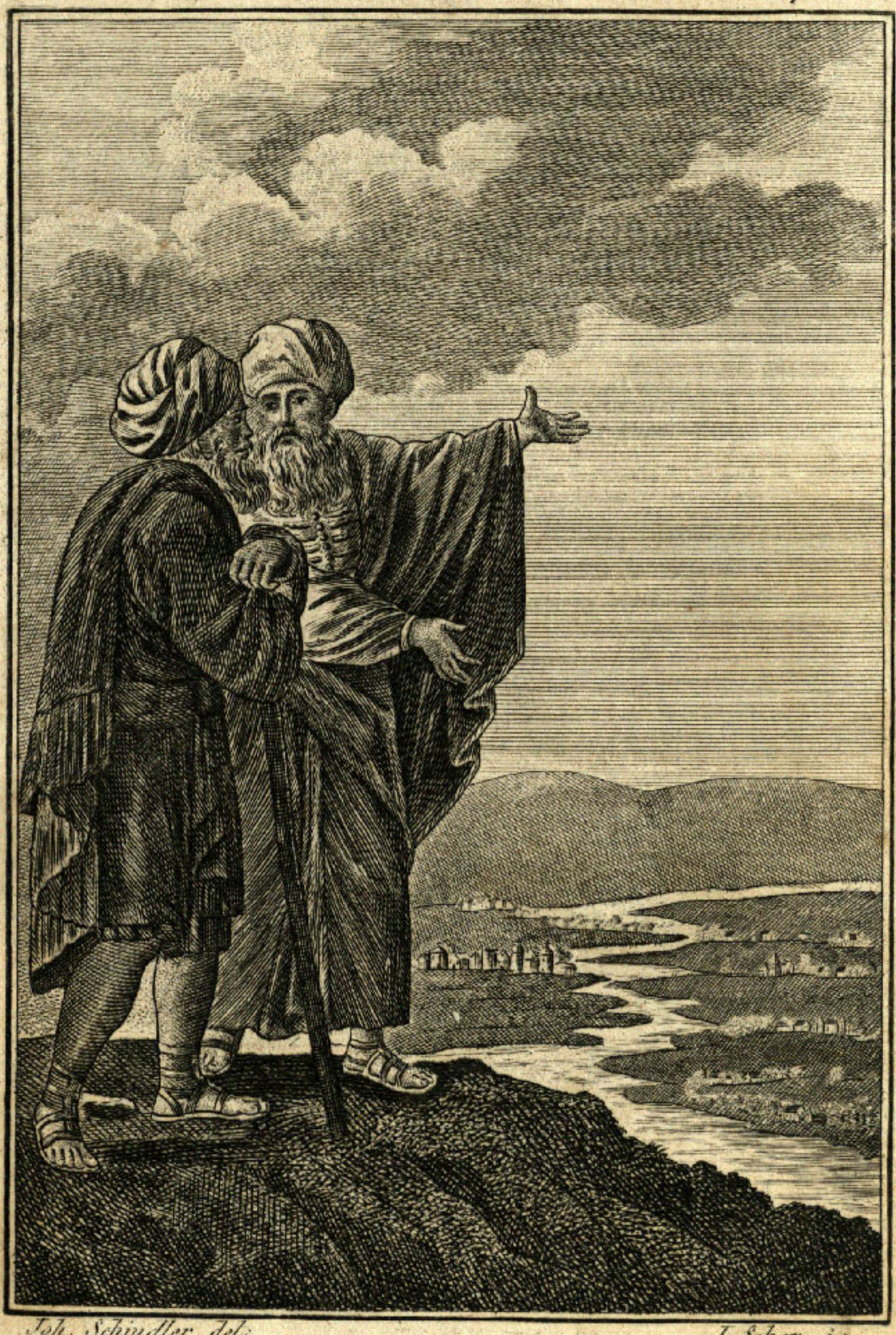
Путуюћи доће Авраамъ у предѣлъ, кой се Ханаанъ звао. На цѣлой пространой земльи ніе нигдѣ лѣпшега было предѣла отъ тога. Паша за стада и пчеле была є ту не мож' быти боля. Изъ тога се узрока и говори, да крозъ Ханаанъ тече медъ и млеко. Авраамъ проће по свему томе предѣлу, и доће до Сихема, найлѣпше поляне у цѣломъ томъ предѣлу. Овдѣ му рекне Богъ: „Ову землю даемъ теби и потомству твоме." Авраамъ се сад' наново обрадуе, што є Бога послушао; пунъ найсвесрдніе благодарности подигне на томъ мѣсту жертвеникъ Богу.

Покоранъ човѣкъ уєдно є и благодаранъ токоће. Покоранъ быти, чини се потежка — а благодаранъ быти, заиста є сладка дужность. Кой є пакъ истинито добаръ, тай испунява єдну као и другу радъ и весео.

16. Авраамово миролюбіе.

Авраамъ є имао много камила, говеда и оваца, па є зато и многе слуге држао. Свега

I. Ч. Стр. 26.



Joh. Schindler del. J. Seher sc.

Авраамово миролюбіе.

тога было є и у Лота доста. А осимъ ньихъ двоице живили су у предѣлу томъ и другихъ народа люди. За толика многобройна стада не буде доста паше, те се тога ради сваде пастыри Авраамови и Лотови међу собомъ.

Миролюбивоме Аврааму падне то на жао, па рекне Лоту: „Любезный мой! молимъ те, да гледамо, нека не буде сваће међу твоима и моима пастырма; та мы смо присни роћацы! Ево намъ цѣлога широкога предѣла предъ очима; дай да се разставимо! Хоћешъ ты на лѣво, то я идемъ на десно; или, ако ћешь ты на десно, а я онда идемъ на лѣво.

Лотъ разсмотри предѣлъ савъ, и избере страну близу рѣке Іордана, гдѣ су стояли градови Содома и Гомора. Страна та была є прекрасна као вртъ Божій — рай. Лотъ се разстане отъ Авраама, и отиде къ Содоми, а Авраамъ остане у предѣлу Ханаанскомъ.

Тако се Авраамъ волѣо найкрасніега предѣла землѣ лишити, него у немиру живити. Не гледи онъ на корысть, него текъ на то, како є то лѣпо, добро и Богоугодно, кад' сродницы међу собомъ у миру и слоги живе. О да су коіомъ срећомъ сви люди тако некорыстолюбиви, као Авраамъ, колико бы спокойніе и срећніе онда у дружству међу собомъ живили!

17. Авраамово човѣколюбіе.

Богъ се єдаредъ појави Авраму особито милостивымъ и любезнымъ начиномъ. Авраамъ є у то доба сѣдіо предъ колебомъ своіомъ подъ сѣнкомъ дрвета. Было є управ' полдне. Отуда угледа три путника, кое ніе познавао, али имъ ипакъ похити насусрѣтъ, поклони имъ се, и рекне првоме отъ ньихъ: „Господине! велику ћешь ми любовь учинити, ако не прођешь испредъ мое колебе, а да се не свратишь къ мени." Затымъ окренесе и къ другой двоицы съ овыма рѣчма: „Отморитесе мало, Господо, подъ овымъ дрветомъ; я бы моліо, да се пре, него што далѣ пођете, мало подкрѣпите." На то му сва троица отговоре: „А ты уреди, као што желишь." Авраамъ отрчи у колебу, и каже Сарри: „Гости намъ дошли; брже сготови ужину." То рекне Сарри, а самъ таки похити къ стоки, изберс найболѣ теле, и преда га слуги, да га заколѣ и расправи. Докъ се то све готовило, изнесе међутымъ млека и сира, а послѣ и скувану телетину, и послужи усрдно госте.

Любезни! можете ли представити себи любезніега, човѣколюбивіега и благодѣтелніега човѣка спроћу странныхъ людій, него што є Авраамъ ето спроћу та три путника быо? Нека дакле и вама то велика радость буде, учинити другима радость. И странни су исто тако люди, као и земляцы наши; и, што ће іоштъ выше рећи, често не зна

човѣкъ, какве добродѣтельи у странномъ човѣку леже.

Послѣ ужине запытаю гости Авраама: „Гдѣ є Сарра жена ти?" Онъ имъ отговори: „У колеби." На то првый отъ гостію рекне му: „Послѣ године дана опетъ ћу те посѣтити, и онда ће Сарра имати сына." Сарра у колеби, чувши те рѣчи, насмѣесе; почемъ є Авраамъ већь готово сто година старъ было, а и Сарра є мало млађа была. Гости Сарру у колеби нису могли видити, пакъ су опетъ знали, да се є насмѣяла. Најстаріи отъ ньихъ рекне: „Зашто се смѣе Сарра? заръ не може Богъ учинити све, што хоће? Сарра се уплаши, кад' чуе, да тай гостъ мысли нѣне погађа, изиђе изъ колебе, и смуђена рекне, да се ніе смѣяла. Но гостъ тай повтори іой, да єсть смѣяласе. Како ли се она на то застыдити морала! Тако є и најманя лажь сасвымъ гадна. — Авраамъ увиди, да тіи путницы нису прости текъ люди; а тако є и было. Нису то прости путницы были, но Ангели Божіи; Самъ Богъ послао му ихъ є у виду човѣчіемъ.

Опетъ се научите овдѣ, Любезни, да су добри люди Богу любимцы и Ангелма другови. Ангели ихъ чествую, а Самъ Богъ имъ се лѣпымъ начиномъ познати дае, и чини имъ особите радости.

Кад' истече година дана, Сарра заиста роди Аврааму сына, коме отацъ надѣне име Исаакъ. Што Богъ обѣћа, то се испунити мора!

18. Авраамъ ходатаюе за Содому.

Путницы пођу далѣ, и упутесе къ Содоми. Авраамъ ихъ испрати. Путемъ рекне му Богъ: „Нећу да утаимъ отъ тебе, шта намѣравамъ учинити; єръ знамъ, да ћешь дѣцы и унукма твоима заповѣдити, да путемъ Моимъ ходе, и добро да творе.” И тако каже му Богъ, да ће градове Содому и Гомору за тежке и велике грѣхове ньихове казнити. Два Ангела заиста вешь се съ томъ намѣромъ упуте къ Содоми. Авраамъ заостане мало съ трећимъ, и запыта: „Хоћешь ли, Господе, и праведне съ невалялыма упропастити? може быти да іоштъ петдесетъ праведника има у граду; мыслишь ли и ове съ другима свыма казнити, или тыхъ праведника ради цѣо градъ поштедити? Ты си праведанъ Судія цѣлога свѣта, па нећешь, мыслимъ, тако судити, да съ невалялыма и добри пропадну.” Господъ му отговори; „Ако и само петдесетъ праведныхъ у Содоми нађемъ, ньихъ ради ћу поштедити градъ.” Авраамъ продужи молити: „Можда ћесе у цѣломъ граду наћи четрдесетъ и петъ праведныхъ; хоћешь ли тыхъ ради поштедити градъ?” Господъ отговори: „И сбогъ четрдесетъ и петъ праведника нећу разорити градъ.” Авраамъ продужи бесѣду свою: „Я самъ се вешь усудіо съ Тобомъ говорити, ако и єсамъ земля и пепео. Може быти да се у граду само четрдесетъ праведныхъ душа налази; шта мыслишь онда учинити?” И четрдесетъ ради нећу погубити

града. Милостивый Авраамъ усудисе іоштъ и далѣ молити за Содому, да ю, ако бы у ньой само тридесетъ, затымъ ако бы само двадесетъ, найпослѣ ако бы само десетъ праведныхъ было, и сбогъ тыхъ десетъ праведныхъ жителя поштеди. И то му Господъ обѣћа, пакъ онда отиде отъ нѣга — а онъ пунъ веселе надежде, да ће градъ поштеђенъ быти, вратисе кући.

Любезна Юносте! ето како є милостивъ и любезанъ Богъ спроћу добрыхъ людій! а ето и на Аврааму найлѣпшега узора покорности Богу, срдечне смирености и топле любови и спроћу злыхъ такоће людій!

19. Злонравіе Содомляна.

Кад' се сумрачакъ хватати почне, дођу она два Ангела у Содому. Лотъ є у то доба сѣдіо предъ вратма градскима. Како ихъ угледа — ако и ніе знао, тко су — таки устане, изиће предъ ньи, поклони имъ се, и рекне: „Господо моя! молимъ васъ, будите кодъ мене на конаку." Путницы му съ почетка отреку то; но видећи, да ихъ искрено и неотступно моли, уђу съ ньимъ у градъ, и отиду къ нѣговой кући. Лотъ ихъ угости вечеромъ и послужи любезно. Кад' приспѣ време спаваню, скупесе сви граћани стари и млади изъ свію улица, обколу Лотову кућу, и повикну: „Лоте! гдѣ су тіи люди, што си ихъ на конакъ пріиміо? изведи ихъ амо наполѣ!" Лотъ изиће на двориште, затвори вра-

та за собомъ, и рекне: „Ахъ, браћо любезна! не чините тога покора, молимъ васъ.“ Но они разярени повичу: „Шта? та мы смо те као пришелца у нашъ градъ пріимили, и ты ли намъ іоштъ хоћешь да Учитель и Судія будешь? Врата ћемо ти разлупати, ако намъ госте твое амо не изведешь.“ И заиста насрну на врата. Но у тай истый махъ отворе Ангели врата, уведу Лота унутра, и заслѣпе те све насртаче тако, да ни єданъ отъ ньихъ врата погодити ніе могао.

Драга Юносте! Содомляни отъ найвећега до найманћга были су злочестиви и безбожни люди. Єданъ само Лотъ измећу ньихъ мрзіо є изъ свега срдца на невалялство и остао свагда благочестивъ, човћколюбивъ и добротворанъ и странныма такође. О како є то лѣпо, не дати се окужити туђимъ невалялствомъ! Тко неће зажелити Богобоязливоме Лоту подобанъ быти, а не тыма злонравныма Содомлянма?

20. Пропасть Содоме.

Іоштъ те исте ноћи рекну Ангели Лоту: „Мы ћемо савъ градъ овай упропастити. Грѣси Содомляна вопію на небо. Насъ є Богъ послао, да ихъ казнимо пропасћу цѣлога овога града. Кад' зора заплави, ты ћешь устати, пакъ са женомъ и обадвѣма кћерма твоима отићи изъ града.“ Лотъ се стане затезати, учинити то. Зато га сами Ангели изведу са женомъ и кћерма изъ града, и рекну му:

„Сад' спаси животъ! не обазрисе нити гдѣгодъ заустави, него бѣжи безъ обзира, нити се игдѣ задржи, докъ на планину не стигнешь!" Лотъ отговори Ангелу, кой га є водіо: „Ахъ, Господине мой! кад' си ми тако милостивъ, и спасти ме хоћешь, а ты ми испуни іоштъ єдну молбу. Я се нећу моћи попети на планину; допусти ми, да у ону тамо предъ нама варошицу бѣжимъ, и ту се спасемъ." Ангелъ му на то рекне: „И то ћу ти допустити, само похити, да што брже тамо стигнешь; єръ не могу ништа започети, докъ ти тамо не будешь."

Текъ што се сунце роди, приспѣ Лотъ у варошицу; а текъ што онъ стигне ту, тай часъ засѣваю мунѣ, воздушне сумпорне се частице запале, рекао бы, цѣо свѣтъ є у пламену. Ватра обузме сву Содому и Гоморру съ іоштъ друга два градића. Сама се земля смолняча ужеже и распукне страшно, те сва четри та града прогута са свыма жительма ньиховыма. Смрадно море покрые сво то окружіе. Море то и данъ данашньій зовесе слано, а иначе и мртво море. Лотову жену, коя противу Ангелове заповѣсти стане и обазрѣсе, постигне та несрећа, те се окамени. Много стотина година стаяо є тай окаменѣный кипъ нѣнъ као жалостанъ спомениkъ наказане непокорности.

Любезни! и сад' ето чусте, како ужасно казни Богъ зле люде, а како милостиво и любезно съ добрыма поступа.

21. Ісаакъ и Ісмаилъ.

За пропасћу градова окружія Іорданскога на годину дана испунисе пророчество Божіе на Авраама и Сарри. Ова роди сына; Авраамъ га обрѣже осмый данъ по рођеню, и даде му име Ісаакъ. Богобоязльивый, кроткій и добрый Ісаакъ буде сва радость и утѣха своихъ родителя у старости ньиховой.

Авраамъ є имао, као што є онда обычай быо, іоштъ єдну жену по имену Агара, коя є и Саррина служкиня была, и имала є такође сына, кой се звао Ісмаилъ. Ово є было своевольно и размажено дѣте, брата свога малога Ісаака ніе могао трпити. Сарра видећи, како злобно Ісмаилъ съ нѣнымъ сыномъ поступа, рекне Аврааму: „Отпусти ми изъ службе Агару са сыномъ нѣнымъ; я ихъ овдѣ не могу выше подносити.” Добросрдечноме се Аврааму разжали, те не испуни таки молбу ту Сарри. Но Богъ, Кой свако зло казни, рекне му: „Учини, као што те є Сарра молила.” Сваку Божію заповѣсть свагда вѣрно испуняваюћи, узме Авраамъ хлѣбъ и ссудъ воде, метне Агари на леђа, и отпусти ю изъ свое куће. Агара плачући отиде, и заблуди сирота у пустыньи. Іоштъ є и та неволя ту снађе, да іой у ссуду воде нестане. Ісмаилъ отъ жећи тако изнемогне, да є близу већь быо, да издане. Агара га метне у хладъ подъ дрво, а сама се поудали ядикујући: „Не могу смрть єдинца мога гледати!” На єданъ пушкометъ далеко

отъ сына сѣдне, и стане изъ гласа запѣвати. Милостивый Богъ чуе вриску дѣтета, и Ангелъ Божій рекне Агари: „Агаро! шта ти є? не запѣвай; чуо є Богъ вриску дѣтета; устай, те помози сыну!" На ове Ангелове рѣчи отвореше Агари очи, те опази изворъ, отиде, напуни ссудъ водомъ, и напои сына. Утѣшена и радостна продужи путованѣ, прѣђе срећно пустыню, и дођe у предѣлъ, гдѣ су люди жывили.

Любезни! на Ісмаилу видите, да Богъ не пропушта казнити ону невалялу дѣцу, коя млађой браћи и сестрама своима злобе. Ісмаилъ буде изъ дома родительскога истеранъ, мора по пустыньи да блуди, и отъ жеђи готово да издане!

Но и то такође видите, како є милостивъ Богъ и онда, кад' казни, и то само зато казни, да поправи. Ісмаилу є было у кући отчиной врло добро; имао є ту свега доста. То га є тако и покварило. А неволя умегша му неваляло срдце. Безъ сумнѣ са сузама, кое яданъ у пустыньи пролыва, оплакуе онъ и прећашню свою лудость.

Напослѣдакъ и то іоштъ, Любезни, видите, како радо Богъ оныма, кои се погрѣшака своихъ каю, праштa и усрдне молитве ньихове пріима милостиво. Кад' є Ісмаилъ у найвећой невольи быо, и онда є Богъ, Кой га избавля. Милостивый Богъ види плачъ и сузе наше. Любезни! у свакой и найманьой нужди вашой, па и кад' што сгрѣшите, свагда отъ Бога помоћи тражите!

22. Искушеніе Авраамово.

Што є Ісаакъ бывао већимъ, то є све више радости Богобоязльивосћу своіомъ чиніо родительма. Єдаредъ ноћу рекне Богъ Авраму: „Узми милога ти сына — єдинца твога Ісаака — отиди съ ньимъ на планину, и принеси ми га на жертву!" Послушный Авраамъ урани, приправи све, што є потребно за приносъ жертве, натовари то на свога скота, поведе са собомъ два слуге и сына Ісаака, и трећій данъ приспѣ до подъ планину. Останите вы овдѣ, рекне слугама, пустите скота, нека пасе, а я идемъ съ дѣтетомъ на планину горе Богу се помолити. Узме дрва, подигне ихъ Ісааку на леђа, а самъ понесе кресиво и ножъ, па се тако попну ньихъ двоица на планину. Успутъ упыта Ісаакъ отца: „Бабо! шта є то? мы носимо кресиво, ножъ и дрва, а гдѣ намъ є ягнѣ за жертву? Авраамъ отговори: „Богъ ће се, сыне, постарати за ягнѣ." Како ли є то єдинца свога пытанѣ морало ранити срдце родительско! — Кад' се попну на врхъ планине, начини Авраамъ жертвеникъ, метне на нѣга дрва, свеже сына свога Ісаака, и положи га на жертвеникъ горе на дрва. Ісаакъ є то све мирно и покорно гледао. Авраамъ сад' пружи руку, и дрктаюћи узме ножъ, да заколѣ сына свога. У тай махъ повиче Ангелъ Божій съ неба: „Авраме! Авраме! не чини дѣтету зла! сад' самъ познао, да се боишь Бога; єръ изъ любови къ Богу ниси поштедіо

Joh. Schindler, del. J. Gerstner, sc.

Искушение Авраамово.

ни оно, што ти є наймиліе на свѣту. Зато ће Господъ умножити потомство твое као звѣзде на небу, и сви ће народи єднымъ отъ потомака твоихъ быти благословени. — Какву ли є радость Авраамъ осѣтити морао, што му тако Богъ по другій путъ поклони єдница Исаака, и што му обѣћа неброено потомство! Благодарно срдце нѣгово сад' бы радо принело другу какву жертву; али му не бяше ништа при руцы. Милостивый Богъ и о томъ се постара. Авраамъ упази у мећи овна, ухвати га, заколѣ, и — умѣсто єдинца свога — принесе Богу на жертву.

Любезни! научитесе отъ праотца овога нашега, каква валя да буде права и совршена вѣра. Ништа, што бы отчиноме срдцу теже пало, ніе се могло искати отъ Авраама. Сто путій бы радіе онъ самъ себе убіо быо. Пакъ опетъ и на то буде склонѣнъ, подпуно увѣренъ, да Богъ може и пепео сына нѣговога оживити. Исто тако валя да и мы волю Божію свагда и у свакомъ случаю испунявамо. Само такимъ начиномъ доказуемо, да у Бога истинито вѣруемо. — Іоштъ и то овдѣ научити можете, да Богъ людма искушенія шалѣ. Страданѣмъ и искушеніемъ дае намъ Богъ прилику, показати дѣломъ повѣреніе и покорность нашу. Оно є само права добродѣтель, коя се у искушенію, као злато у ватри, одржи. Такима само искушеніяма постае добродѣтель, као злато ватромъ, чиста и красна.

23. Авраамова брига о сыну.

Авраамъ остари сасвымъ. Богъ га є свачимъ благословіо. Никаква друга брига морила га ніе, него та єдна само, да пре смрти свое сына Ісаака срећно ожени. Дѣвойке Хананкинѣ быле су неваляле; па отъ ньихъ ніе хтѣо просити за сына ни єдне. Но најстаріему слуги своме, као настойнику свега свога иманя, овако рекне: „Закуни ми се Господемъ Богомъ, Творцемъ неба и землѣ, да нећешь узети сыну моме жену отъ кћерій Ханаанскихъ, међу коима сада живимъ; но да ћешь отићи тамо, гдѣ самь се я родіо, и изсред' сродства мога сыну моме довести дѣвойку. Господъ, Творацъ неба и землѣ, Коме я служимъ, Ангела ће Свога предъ тебе послати, те ће те на путу отъ свакога зла сачувати!"

О Любезни! ако вамъ є невиность и спокойство душе мило и драго, а вы се чувайте неваляла дружства, и слушайте родителѣ свое, кад' васъ не пуштаю у такво дружство! Тако ће и узъ васъ непрестано быти Ангелъ Божій.

Вѣрный слуга обѣћасе Авраму и закуне, да ће тако радити. Узме десетъ камила, натовари на ньи све, што му є за дально путованѣ то отъ потребе было, и у име Божіе пође. Срећно приспѣ у градъ Харранъ, гдѣ є нѣгда живіо Нахоръ, братъ Авраамовъ. Ту предъ градомъ кодъ нѣкога кладеза пусти камиле. Сунце се већь на заходъ пре-

клонуло было, управо оно доба, у кое су кћери Харранске обычно на воду долазиле. Слуга Авраамовъ, желећи найневиннію, найтрудолюбивію и найболю отъ ньхъ свію изабрати, науми кушати, коя отъ ньихъ найблагородніе срдце има. Зато се помоли Богу овако: „Господе! Ты Боже Авраамовъ! покажи саде милость Твою надъ господаромъ моимъ, а вѣрнымъ слугомъ Твоимъ! Ево я стоимъ овдѣ кодъ кладеза; кћери изъ овога града долазе на воду. Ако међу ньима коя таква буде, да ми, кад' іой рекао будемъ, преклони ссудъ твой, да се напіемъ — отговори: ево пій, идемъ, да ти и камиле напоимъ; то ћу онда отуда дознати, да є то она, кою си Ты слуги Твоме отредіо, па ћу се тако увѣрити, да си милостивъ господару моме!"

Юносте! тако валя да и мы све, штогодъ радити починѣмо, найпре добро размыслимо, али и при свой нашой мудрости да пре свега повѣреніе наше на Бога положимо, и никаквога посла безъ молитве не започинѣмо. Тако отъ срдца и съ такимъ повѣреніемъ треба да се мы съ Богомъ разговарамо; єръ само таква молитва Богу є угодна и пріятна.

24. Ревекка и Лаванъ.

Іоштъ слуга Авраамовъ Богомолю засвымъ и не довршн, ал' ето ти Ревекке изъ града са ссудма на обрамницы. Лѣпота лица іой была є заиста неописана, и — што іоштъ

много више значи — невинность неисказана. Тихо се нагне на кладезъ, напуни ссуде, и опетъ се подигне. Слуга приступи къ њој, и замоли ю: „дай ми воде; жеданъ самьі" Она му любезно отговори: „Пій ево, Господине! идемъ и камиле ти напоити." Текъ што изусти то, таки навуче воде у валовъ, и напои све камиле. Дивећисе гледао ю є слуга Авраамовъ. Кад' се камиле напію, узме онъ тежке отъ злата ободце и два зарукавля, и преда іой говорећи: „Любезна дѣвойко! кажи ми, чія си кћи? и бы ли могао я у кући отца твога преноћити?" Она му отговори: „Я самь кћи Ватуила, унука Нахору брату Авраамовоме. Сламе и сваке друге пиће има, хвала Богу! у насъ довольно, и мѣста за конакъ доста." Кад' саслуша слуга Авраамовъ те умиляте и искрене рѣчи, благослови дѣвойку, и Богу се опетъ помоли овако: „Благословенъ Богъ Авраамовъ, Кой ме тако правымъ путемъ доведе у кућу къ брату господара мога!"

Дѣвойка похити кући, и приповѣди све матери своіой. Она є имала іоштъ и єднога брата по имену Лавана. Овай, кад' види у сестре ободце и зарукавлѣ, и кад' разумѣ све, шта и како се догодило съ Ревеккомъ сестромъ му на кладезу, отрчи и самъ тамо, и рекне слуги Авраамовом': „О Богомъ благословеный човѣче! што стоишь ту уполю? ходи брже; све самь већь и за те и за камиле твое уредіо." Затымъ отведе га кући, разсѣдла му камиле, и метне предъ њи сѣна.

И Лаванъ и Ревекка любезно су се показали странноме томе путнику. Но Ревекка ніе напредъ знала, да ће ю онъ тако богато одарити. А Лаванъ є већь видіо быо оне прекрасне и скупоцѣнне сестри учинѣне дарове, пакъ є изъ корыстолюбія надаосе богатоме дару. Тко вамъ се болѣ допада? Любезни мои! онай, кой отъ срдца и съ драге волѣ другоме добро чини? или онай, кой зато другоме добро чини, да штогодъ добые?

25. Ревекка се уда за Ісаака.

Како слуга Авраамовъ у кућу уђе, таки му домаћи оперу ноге, изнесу вечеру, и понуде га любезно. Но онъ на понуду отговори: „Я ни окусити нећу, докъ найпре не свршимъ оно, чега самь ради дошао.“ Затымъ каже имъ све по реду, као што смо већь чули, и сврши бесѣду свою овыма рѣчма: „Ако дакле хоћете любовь ту господару моме учинити, а вы ми кажите; ако ли нећете, а вы ми и то кажите, па да отлазимъ далѣ на десно или на лѣво.“ Мати Ревекке и братъ іой отговоре заєдно: „Богъ изъ тебе бесѣди, мы немамо ништа противно; ево Ревекке предъ тобомъ, пакъ иди съ ньомъ.“ Чувши то слуга, клекне и благодари Богу срдечно. Узме златне и сребрне драгоцѣнности, те ихъ даде Ревекки, а не заборави обдарити и матерь и брата. Затымъ сѣдну вечерати. Сутраданъ устане слуга Авраамовъ врло рано, и рекне: „Допустите,

да се што пре къ господару моме повратимъ." Мати и братъ отговоре му: „Нека остане дѣвойка іоштъ кой данъ." Но онъ ихъ опетъ замоли овако: „Немойте ме задржавати; кад' є Богъ путованѣ моє толикомъ срећномъ благословіо, то морамъ похитити, да радостанъ овай гласъ што пре господару моме отнесемъ."

Любезни! не мора ли вамъ се овай Богобоязльивый, честный и вѣрный слуга особито допадати? О, ако кад' и васъ коє у туђой кући узслужи, нека буде исто тако Богобоязльивъ, честанъ и вѣранъ слуга!

„Да чуемо, шта ће дѣвойка рећи" — отговоре мати и братъ, зовну Ревекку, и запытаю є: „Хоћешь ли поћи съ овымъ човѣкомъ?" Ревекка отговори, да хоће. На то сви домаћи єднудушно и срдечно повикну „срећанъ путъ!" и Ревекка усѣдне на камилу, отиде, и буде жена Ісааку.

Тако постане Ревекка срећномъ не по богатству но по невиности, трудолюбію и добродѣтелноме срдцу.

Изъ цѣле ове повѣсти видимо, да Богъ и саме найманѣ случаеве на нашу срећу обраћа, и да є особито благонаклонѣнъ учинити радость оныма, кои Га любе.

Авраамъ доживи сто седамдесетъ пету годину, ослаби, умре у спокойной своіой старости, и буде погребенъ у пештери, гдѣ су Саррине кости одавно већь лежале.

26. Исавъ и Іаковъ.

Ревекка роди два близанца сына. Првороѣенога нарече Ісаакъ Исавомъ, а другога Іаковомъ. Исавъ є бio врло власнатъ по свему тѣлу и сурове нарави; а Ісаакъ тихъ и благъ. Исавъ се залюби у ловъ и землѣдѣліе, а Іаковъ у спокойніи скотоводства животъ. Отацъ є вeћма любіо несташнога Исава; а матери миліи є бio смиреный Іаковъ.

Юносте! и у томъ се явля Божія премудрость, што є Богъ различне наклоности людма даровао. У свѣту су нуждне различне вѣштине, као н. пр. скотоводство и ловъ. Зато и єсть врло добро, да є Богъ у овога човѣка къ овой, а у онога къ оной вѣштини выше наклоности усадіо. Употребляваймо наклоности ове вѣрно на то, на што су намъ дароване, и стараймосе врло добро, да не прећу у страсти и пороке.

Исавъ, идући єдаредъ исполя, сватисе къ Іакову, кой є у тай махъ сочива кувао. „Дай ми, брате — рекне Исавъ — мало сочива, єръ самь яко гладанъ.“ Іаковъ му отговори: „Я ћу теби дати сочива, ако ћешь ты мени найпре дати првенство.“ — У оно време бio є обычай, да првенацъ сво иманѣ родительско наслѣди. — Исавъ мртавъ гладанъ рекне: „Коя ми є полза отъ првенства, кад' ме ево хоће да умори гладь.“ Іаковъ му отговори: „Потврди ми то обѣћанѣ твое заклетвомъ.“ Исавъ се закуне, наєде, устане и отиде, не бринућисе нимало за продато првенство.

Драга Юносте! ніе ли Іаковъ преко мѣре корыстолюбивъ быо, и ніе ли му валяло гладнога брата свога и безъ сваке наплате нараанити? И ніе ли опетъ и Исавъ быо вѣтрогоня и распикућа? Тако великій благословъ Божій продати за мало куванога сочива! Обадва та порока, корыстолюбіе и раскошность, на зло човѣка воде, зато ихъ се особито валя чувати.

Мало послѣ овога догађая рекне старацъ Ісаакъ Исаву: „Я самь, сыне, већь сасвымъ остаріо, и скоро ће животу моме послѣдньій часъ куцнути. Изиђи уполѣ, гледай да што уловишь, пакъ ми скувай, као што ты то врло добро умѣшь, и као што я радо єдемъ. Попаштисе што пре то урадити, па да те благословимъ пре, него што изданемъ." Исавъ отиде таки у ловъ. Ревекка, чувши ту рѣчь о благослову отчиномъ, скува брже болѣ ярећія меса, обуче Іакова у Исавово руво, обмота му руке и вратъ ярећіомъ кожомъ, и пусти га тако съ єломъ предъ отца. Ісаакъ є већь обневидіо быо отъ старости, па запыта: „Кой си ты? сыне мой!" Іаковъ му отговори: „Я самь првенацъ твой Исавъ; ево самь ти сготовіо єло, као што си ми заповѣдіо; єди и благослови ме!" Ісаакъ рекне: „Како то? ходи ближе, да се увѣримъ, єси ли ты сынъ мой Исавъ." Іаковъ се приближи, а Ісаакъ га опипа, и рекне: „Гласъ ми се, истина, чини Іаковлѣвъ; али руке су Исавове." Не познаваюћи га дакле, и за Исава држећи, благослови га. Текъ што

Іаковъ изъ собе изиђе, приступи Исавъ къ отцу са своимъ скуванымъ ловомъ, и рекне: „Ево самь ти сготовіо по твоіой вольи єло.“ Зачуђенъ слѣпъ старацъ запыта: „Тко си ты?“ Исавъ отговори: „Я самь Исавъ, првенацъ твой.“ — Тако се открые Іаковлѣва превара. Исавъ одъ тежка єда дадесе у горкій плачъ и грдню, викаюћи: „О великога варалице! найпре ми измами првенство, а сад' украде ми и благословъ отчинъ!“ — Отъ тежке туге и ярости науми убити Іакова.

Ето опетъ, Любезни, на той двоицы видите грдна два порока. Іаковъ є быо потайно лукавъ; а Исаву є мило было насиліе. Чувайтесе добро и тыхъ такоће порока!

Случай овай зада страхъ родительма, и бацы ихъ у велику жалость. Мати се отъ тежке туге и бриге разболе. Исавъ самъ себи огорчи животъ злобомъ и жестиномъ; а Іаковъ, видећи животъ свой у опасности, побѣгне изъ дома родительскога.

Тако, Юносте, свакій отступакъ отъ Божіихъ путова вуче за собомъ жалость и несрећу. Тако є Іаковъ за порокъ свой морао пострадати іоштъ и сад', а послѣ га є Богъ, као што ћете мало ниже чути, и већма казніо, и тымъ тако свакоме разумѣти дао, како Му є мрзко неваляло владанѣ.

Благословъ, о кой су се ова два брата тако ревностно отимала, у томъ се состояо: быти праотацъ обѣћанога Мессіе. Благословъ тай отредіо є Богъ Іакову, кой є покрай свію своихъ погрѣшака, опетъ не-

сравнѣно болыій быо отъ дивіега Исава. Али бы га тымъ іоштъ радіе Іакову даровао быо Богъ, да се ніе усудіо преварати отца свога. Богъ, Кой є сама премудрость и светыня, умѣ све у свѣту тако красно и добро уредити, да нама нигда никакве неправде ніе отъ потребе учинити зато, да до среће дођемо.

27. Небесна лѣствица.

По совѣту матере свое преселисе Іаковъ къ брату нѣноме Лавану. У путованю тамо ухвати га єдаредъ ноћь насред' поляне. Ту метне себи подъ главу каменъ, и заспи. Санъ врло пріятанъ имао є ту ноћь; види сирѣчь у сну лѣствицу, коя є дольньимъ краемъ на земльи стаяла, а горньимъ до неба допирала, и по ньой се Ангели Божіи пеняли и силазили. На врху нѣномъ сѣдіо є Богъ, Кой овако проговори Іакову: „Я самь Господъ Богъ Авраама и Ісаака, дѣде и отца твоихъ; не бойсе, Я ћу быти Хранитель твой свуда и на свакомъ мѣсту. Опетъ ћу те вратити у землю ову, гдѣ ћешь быти, доклѣ се испуни све, што самь ти обѣћао." Уплашенъ отъ тога сна пробудисе Іаковъ, скочи на ноге, и рекне у себи: „Овдѣ се заиста Самъ Богъ налази, а я то не знадохъ! О како є страшно мѣсто ово! Овдѣ є домъ Божій, овдѣ су врата небесна!" Кад' зора заплави, узме Іаковъ каменъ, на комъ є спавао, исправи га умѣсто жертвеника, и проспе на нѣга улѣ за знакъ сердечне благодарности свое.

Ова насъ повѣсть, Юносте, врло лѣпо опоминѣ, да є Богъ свуда и на свакомъ мѣсту. Свуд' Ангели Божіи бде надъ нама; васцѣла є земля домъ Божій. Валя намъ се дакле свуда и на свакомъ мѣсту Богобоязльиво и као предъ Божіима очима владати.

28. Іаковъ кодъ Лавана.

Іаковъ, идући далѣ, упази уполю кладезъ, кой є великимъ каменомъ покрывенъ быо. Три стада оваца лежала су около кладеза. Іаковъ пробесѣди пастырма: „Драга браћо! откуда сте?" Они му отговоре: „изъ Харрана." Онъ ихъ упыта далѣ: „познаете ли Лавана, сына Нахорова?" Пастыри му рекну: „познаємо; ено гдѣ му кћи Рахиля иде амо съ овцама." Трудолюбива дѣвойка ова была є пастырка кодъ оваца отца свога. Како Іаковъ угледа Рахилю, таки отвали каменъ съ кладеза, напои іой овце, поздрави ю любезно, заплачесе отъ радости, и каже іой, да є сынъ Ревекке, сестре отца нѣнога. Рахиля тай часъ отрчи кући, и яви отцу. Лаванъ, чувши да му є нећакъ дошао, изиђе предъ нѣга, загрли га, полюби и отведе кући своіой.

Любезна Юносте! не бы ли то желити было, да се сви сродницы тако међу собомъ грле и любе? и не бы ли тако и больи и срећніи люди были?

У Лавана было є двѣ кћери; старіой было є име Лія, а млађой Рахиля. Ону су не-

престано болеле очи, а млађа была є лѣпога лица и стаса. Іаковъ рекне Лавану: „Седамъ ћу ти година служити и овце чувати, ако ми обѣћапь дати Рахилю за жену.” Лаванъ пристане на то съ драгомъ вольомъ. Седамъ година истеку, и Лаванъ скупи све свое пріятелѣ у сватбу. У оно време морала є невѣста све єднако држати лице свое покрывено, доклѣгодъ сватба сасвымъ не прође. Кад' послѣ сватбе скине невѣста покрывало съ лица, види Іаковъ, да є то Лія а не Рахиля.

То є отъ Лавана врло гадно было: тако преварати свога нећака и вѣрнога слугу! А и Іаковъ є заслужіо, да буде казнѣнъ. Какогодъ што є онъ отцу своме учиніо, тако се исто саде нѣму враћа. Стои дакле, и свагда ће стаяти та истина: „Коіомъ мѣромъ мы другима мѣримо, томъ ћесе и нама вратити.”

Іакову буде врло жао, што га є Лаванъ тако люто преварао. То овай осѣти, па рекне Іакову: „Ако желишь имати Рахилю за жену, а ты ми служи іоштъ седамъ година.” Іакову буде и то по вольи. Кад' и овыхъ другихъ седамъ година протеку, и Іаковъ заиста добые Рахилю, онда рекне Лавану: „Допусти ми, да се кући моіой вратимъ; доста самь ти служіо честно и вѣрно, као што самъ знашь. Време є већь, да се за се и дѣцу старати почнемъ.” Лаванъ, знаюћи, да га є Іаковлѣво трудолюбіе богатымъ човѣкомъ учинило, отговори: „Остани іоштъ кое време кодъ мене, и кажи самъ, чимъ и како да ти за службу платимъ.” На то Іаковъ рекне:

„Четрнайстъ већь година прође, откако се за тебе бринемъ; време є да се и за мою старость побринемъ. Зато ћу остати кодъ тебе подъ овымъ уговоромъ, да отсад' сви шарени яганьцы буду мои." Лавану се уговоръ тай допадне; єрбо є рѣдко было видити у ономъ предѣлу шарено ягнѣ. Но Іаковлѣвомъ срећомъ почну Лаванове овце сад' готово све саме шарене яганьце ягньити. Лаванъ се саме ради у чуду нађе, па рекне Іакову: „Отсада ћемо другчіе радити; нека шарени яганьцы буду мои, а сасвымъ бѣли или сасвымъ црни нека буду твои." Іаковъ пристане и на ту преиначену погодбу. Кад' се стану овце ягньити, сад' опетъ яганяца бѣлыхъ и црныхъ много выше него шареныхъ буде. Лаванъ є нѣколико путій мѣняо погодбу, но свагда несрећно по себе. Мало по мало Іаковъ се обогати стадомъ. Іоштъ шестъ година, свега дакле двадесетъ остане кодъ Лавана.

Ніе ли то лѣпо, Любезни, што є Іаковъ съ такомъ ревносћу, трудолюбіемъ и радосћу кодъ тако корыстолюбивога и неправеднога господара толико време трпѣльиво обстао? Можебыти и васъ гдѣкога очекуе трудна служба. О сѣтитесе онда Іакова! служите вѣрно и трудолюбиво, и будите трпѣльиви! Богъ васъ онда неће безъ наплате оставити.

29. Іаковлѣвъ повратакъ у Ханаанъ.

Лаванъ, видећи да се Іаковъ обогатіо, почне му завидити, и найпослѣ тако омрзне на нѣга, да га лѣпо ни погледати ніе могао. Іаковъ осѣти то, и падне му врло тежко на срдце, да се и Богу у молитви потужи. Милостивый Богъ не остави га у той туги безъ утѣхе, но рекне му: „Врати-се у предѣлъ твоихъ роћака и пріятеля; Я ћу съ тобомъ быти.“ Іаковъ се таки спреми на путъ, метне жене и дѣцу на камиле, и пође са стадама своима у Ханаанъ. Лаванъ усхтѣ га силомъ зауставити, па похити за ньимъ. Но Богъ му изъ нѣга проговори: „Пази добро, да не опечалишь Іакова!“ На Божію ту опомену не учини Лаванъ Іакову никаква зла, него излюби кћери и унучадь, и пусти ихъ съ миромъ.

Тако чини Богъ край свакоме страданю, кад' то хоће већь да несноснымъ постане.

Што се већма Іаковъ къ Іордану, границы Ханаана приближавао, то є све већма у нѣму растао страхъ отъ брата свога Исава. Кад' є дошао на Іорданъ, пошлѣ напредъ вѣстнике явити Исаву, да иде съ цѣломъ своіомъ породицомъ. Вѣстницы му се предъ вече врате, и кажу му: „Мы бысмо съ братомъ твоимъ Исавомъ, и онъ иде самъ съ четыри стотине людій предъ тебе. Іаковъ се на то іоштъ већма уплаши, па разреди свое люде, овце, козе и волове на двое. Дође ли Исавъ — тако є онъ у себи мысліо

— па разбіе єдно отдѣленіе, моћиће друго лагше умаћи.

Ето тако може учинѣна неправда и послѣ двадесетъ година горко пасти.

Іоштъ те исте ноћи избере Іаковъ отъ иманя свога дарове за Исава, раздѣли ихъ на петъ стада, свако стадо преда особитоме слуги, а свыма слугама тыма рекне: „Идите вы напредъ, и оставите за свакимъ стадомъ мало мѣста.“ Свакоме отъ тыхъ слугу понаособъ рекне: „Ако те братъ мой срѣтне и запыта, чіе є стадо, што предъ собомъ гонишь, а ты му отговори овако: „Стадо є ово слуге твога Іакова, кое онъ господару своме Исаву на поклонъ шилѣ, а онъ самъ иде за нама.“

Тако, Любезни, треба да и мы, као Іаковъ, обиду, коју смо другоме учинили, добрымъ, колико є годъ могуће, загладимо.

Покрай мудрога расположая свога не заборави Іаковъ и Богу се овако помолити: „Боже отца мога Авраама и отца мога Ісаака! Господе, Кой си ми рекао, да се вратимъ у Ханаанъ къ роћакма моима! и Кой си ми обѣћао, да ћешь ми Хранитель быти! Твою толику милость я слуга Твой заслужіо нисамь. Окромъ палице ове ништа друго имао нисамь, кад' самь преко Іордана прешао, а сада се ево враћамъ са многобройнымъ стадомъ. О избави ме іоштъ, Боже, изъ руке Исава брата мога! У страху самь великомъ, да не дође и не побіе жене ми и дѣцу.

Ево намъ опетъ прекраснога примѣра, да у молитви треба срдце предъ Богомъ да говори. Ако є срдце благодарно, смирено и пуно надежде, као што є ето у Іакова было, онда, само онда намъ є молитва права, добра, успѣшна.

30. Састанакъ Іакова са Исавомъ.

Іоштъ сунце ніе сасвымъ ни грануло было, упази Іаковъ Исава съ нѣговыма людма, па тай часъ и самъ се са своима людма стави у редъ. Служкинѣ съ дѣцомъ пошлѣ напредъ, за ньима Лію съ нѣномъ дѣцомъ, а найпослѣ Рахилю съ Іосифомъ. Онъ самъ ишао є предъ свыма, и по ондашнѣму обычаю поклонисе предъ Исавомъ седамъ путій до землѣ. Та понизность и доброта побѣди Исава, те падне Іакову око врата, пригрли га на свое прси, полюби га, и заплачесе отъ радости. Кад' опази жене и дѣцу, а онъ запыта: „Тко су ти ово? єсу ли сви твои?" Іаковъ отговори: „То су дѣца, коима ме є Богъ одаріо." Сви редомъ приступе и поклонесе предъ Исавомъ. Затымъ упыта Исавъ Іакова: „Нашто су сва она стада, коя су ме срѣтала?" Іаковъ му отговори: „Да даромъ тымъ тебе као господара мога умилостивимъ." Исавъ рекне: „Тога быти неће; я, брате, имамъ свега доста; задржи ты све, што є твое." Іаковъ стане га опетъ молити: „Немой отбацыти овай малый изъ руке мое даракъ, изъ тога ћу се увѣрити, да си ми

I. C. Стар. 52.

Joh. Schindler del. J. Gerstner sc.

Састанакъ Іакова са Исавомъ.

милостивъ.” И тако єдва га намоли, те пріими даръ.

Видите, Любезни, да ништа ніе лѣпше, него кад’ люди забораве међусобне обиде, па се помире! Упамтите и то такође врло добро: смиреніе и любовь може и найвећій грѣхъ загладити, избрисати.

Идући далѣ дође Іаковъ опетъ на оно исто мѣсто, гдѣ га є Богъ пріятнымъ сномъ тѣшіо, и изъ благодарности къ Богу подигне ту жертвеникъ. Послѣ тога скорымъ приспѣ къ отцу своме Іакову, кой, дочекавши ту радость, видити сынове свое кодъ себе у узаймной братской любови, наскоро затымъ умре у сто осамдесетой години живота свога. Сынови га погребу честно.

31. Пастырче Іосифъ.

Іаковъ се опетъ стани у Ханаану. Имао є дванайстъ сынова, отъ коихъ є найболыій быо Іосифъ, кой у шестнайстой своіой години почне чувати овце съ браћомъ. Браћа нѣгова учине шредъ ньимъ нѣшто бесчестно, што є Іосифъ, као дѣте невинно, врло негодовао. Шта выше, неваляло дѣло то браће нѣгове тако га опечали, да науми казати то отцу, не изъ злобе, но съ томъ намѣромъ, да бы се браћа му поправила. Кое зато, а кое и тога ради, што є отацъ Іосифа сбогъ послушности и доброте нѣгове радіе имао, него све друге свое сынове, омрзну браћа

на нѣга тако, да га никад' више ни погледати нису хтѣли.

Єдаредъ сніе Іосифъ чуданъ санъ, и приповѣди га браћи своіой овако: „Послушайте, браћо, шта самь саняо. Учини ми се, као да вежемо снопљѣ на њиви, па се мой снопъ дигне и стане управо, а ваши му се снопови почну кланяти." На то му рекну браћа: „Шта? еда ли ћешъ намъ ты Царъ быти, а мы теби подданицы?" И тако сбогъ сна тога іоштъ већма омрзну на нѣга.

Наскоро затымъ сніе опетъ нѣпто, па каже браћи санъ овако: „Сад' самь опетъ саняо, да се сунце, мѣсецъ и єданайстъ звѣздій предамномъ кланяю." Самъ Іаковъ, чувши за овай другій санъ, накара Іосифа говорећи му: „По томе сну твоме као да ћемо я, мати твоя и єданайстъ браћа твоихъ предъ тобомъ се кланяти!" Сна овога ради браћу му обузме ненависть противу нѣга у найвышшемъ степену. А отацъ, кой є и самъ нѣколико путій већь имао Божіихъ сновиђеня, упамти те Іосифове сне, мыслећи у себи, да є можебыти Богъ любимца нѣговога сына на велико што отредіо. Тако є и было. Іосифъ, любимацъ отца свога, буде за невиность свою и Божій любимацъ.

Любезни! добро дѣте Іосифъ, предъ коимъ су се звѣзде и снопови кланяли — Іосифъ, коме є Богъ образчиће умилнымъ невиности руменіломъ украсіо — тай Іосифъ нека вамъ свагда буде узоръ и огледало непокварене младости! За невиность смо и

Богу и людма мили и драги. Тко невиность чествуе и люби, тога и небо и земля чествую и любе!

32. Іосифъ у ями.

Браћа се Іосифова єдаредъ врло далеко удале отъ куће са стадама оваца. Отацъ заповѣди Іосифу: „Иди, сынко, те погледай, гдѣ су ти браћа съ овцама.” Радъ и весео послуша Іосифъ отца. Кад’ га браћа упазе издалека, а они договоресе међу собомъ овако: „Ено гле иде намъ сновидацъ! сложно, браћо, да га убіемо, а отцу ћемо казати, да га є дивій звѣръ прождерао, па ћемо видити, шта ће му сни нѣгови помоћи.” Рувімъ, најстаріи међу њима, рекне на то: „Ахъ, браћо моя, не пролывайте крви рођенога брата свога! Болѣ ће быти, да га у ону дубоку яму у пустыньи тамо бацымо, пакъ нећемо крвлю братовлѣвомъ руке окаляти!” Добрый Рувімъ намѣріо є быо Іосифа потайно изъ ямурине извадити, и къ отцу кући отвести.

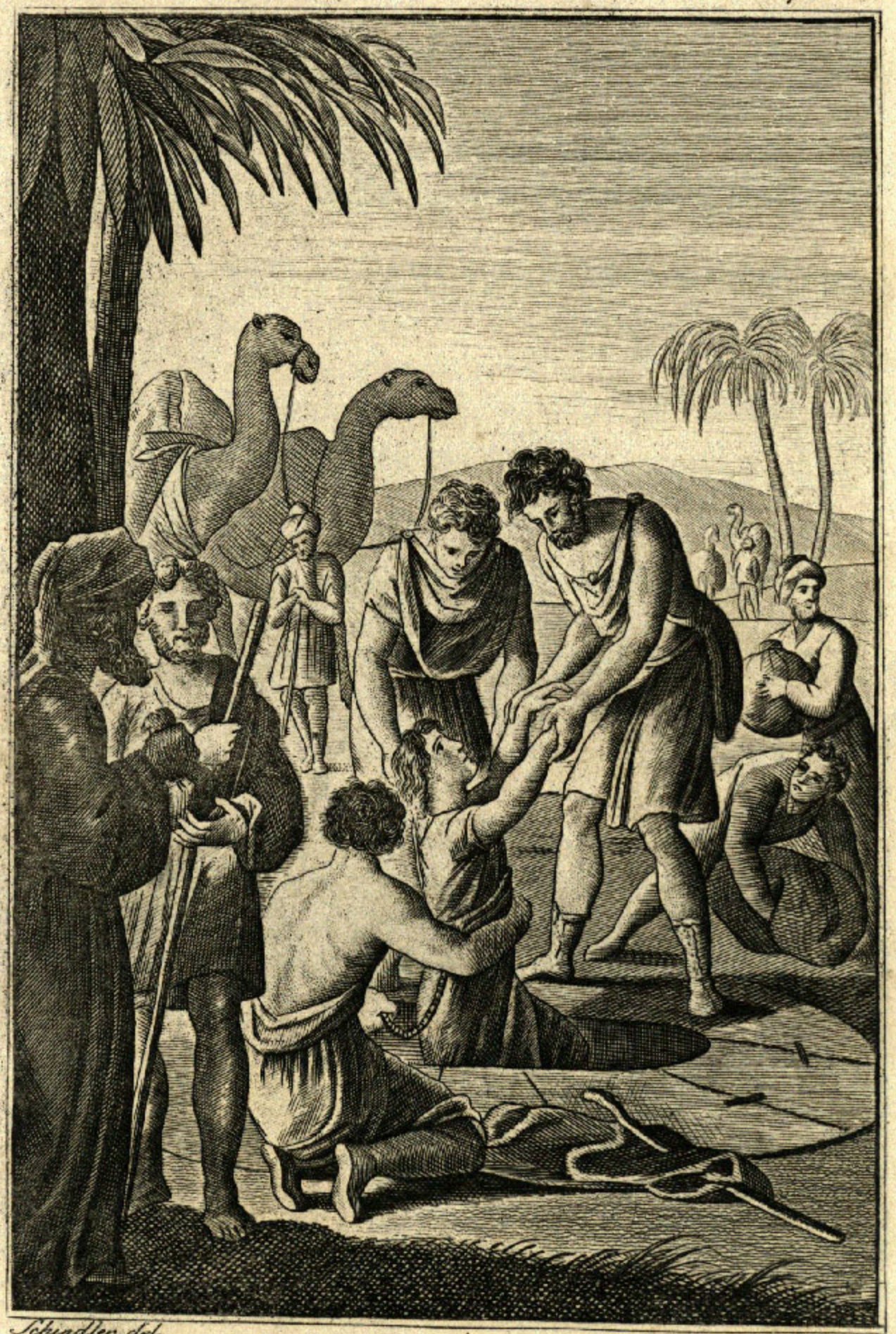
Како се невинный Іосифъ къ браћи своіой приближи, таки га они счепаю, свуку съ нѣга хальину, и баце га у яму, старый нѣкій кладезъ, у комъ не бяше срећомъ воде. Послѣ крвнога овога дѣла посѣдаю ужинати. Ал’ Рувіму не буде до єла, него се уклони на страну, да промысли, како бы Іосифа избавіо, а да се браћа не осѣте.

Любезни! тко вамъ се болѣ допада — Рувімъ или друга браћа нѣгова? Тако и вы,

кадгодъ браћа или сестре ваше или друга дѣца хоће да зло какво учине, отговарайте ихъ отъ тога колико годъ можете. Но пре свега сами никад' никаквога зла не учините!

33. Іосифъ проданъ отъ браће.

Іоштъ за ужиномъ сѣдећи упазе браћа Іосифова нѣке трговце, гдѣ путую. То су были Ісмаилтяни, потомцы Ісмаилови. „Браћо! — рекне Іуда — каква намъ є корысть, да брата глађу уморимо и смрть му утаимо? Болѣ ће быти, да га продамо овыма Ісмаилтянма; єръ текъ є и онъ братъ нашъ!" Совѣтъ се Іудинъ съ радосћу пріими; Іосифъ буде извученъ изъ яме, и проданъ за двадесетъ златица. Ни плачъ ни сузе ни склоплѣне руке Іосифа не помогоше му. Трговцы га узму и отведу са собомъ у Египетъ. Рувімъ, не знаюћи о продаи той ништа, дође надъ яму, тамницу Іосифову, да га отуда извади. Но како ли се устрави, кад' га у ями не нађе! Брже болѣ вратисе къ браћи натрагъ, и ядикуюћи яви имъ: „Нема дѣтета! шта ћу сад'? куда ћу сад'?" Али немилосрдна браћа нѣгова, и не слушаюћи ядикованя нѣговога, заколю яре, умоче Іосифову хальину у крвь ярећію, тако крваву пошлю ю отцу, и яве му: „Ову смо хальину у пустыньи нашли, нама се чини, да є Іосифова, погледай и ты, да ли ће быти тако?" Іаковъ позна хальину, и заплачесе: „Ахъ, ово є хальина сына мога! лютый звѣръ мора да є рас-



Schindler. del. Bly. Höfel. Sc.

Іосифъ проданъ отъ братіе.

кидао сладкога ми сына мога Іосифа!" Отъ туге и жалости раздере одѣло на себи, стане плакати горко, и ніе могао прегорети сына свога Іосифа никада. Сви сынови и кћери му скупляли су се около нѣга, да га утѣше; но онъ ни слушати ніе хтѣо утѣшенія ньихова, тако му є дубока была рана та на срдцу. Уцвѣлѣный Іаковъ тврдо науми плакати до гроба свога за Іосифомъ. У неизказаной жалости своіой често є повикивао: „Туга ће ме за сыномъ моимъ незаборавлѣнымъ скоро у гробу съ ньимъ саставити!"

Любезни! ето до коликога грѣха довести може зависть! О пазите добро на срдце ваше! Пытайте свакій самога себе често: Мрзимъ ли на кога? ніе ли ми противно, кад' є другій срећніи у чемгодъ отъ мене? завидимъ ли му, кад' га старіи већма милую, него мене? не пада ли ми тежко, разговаратисе съ ньимъ любезно, или самь можебыти готовъ на то, надѣти му име бесчестно? Ахъ, кад' бы то тако съ вама было, то бы вы већь на путу были, постати неваляли! То су пупольцы зависти; не дайте имъ развытисе! А то ћете учинити, ако свагда на памети држали будете, куд' найпослѣ доводи човѣка зависть. Завистльивый є кадаръ, продати роѣенога брата свога, и отцу своме тугу задати, коя ће га пре времена у гробъ свалити.

34. Іосифъ у Пентефріевомъ дому.

Тко є мударъ, вѣранъ, честанъ — Богобоязльивъ, тай нека се не бои, ако бы и морао постойбину свою оставити, и у туђе предѣле отиђи. Богъ є свуда съ ньимъ, свуда ће онъ добрыхъ людій наћи. Ісмаилтяни доведу Іосифа у Египетъ, и продаду га Пентефріи, врло знатноме чиновнику у царскомъ двору. Іосифъ є господару своме служіо честно и вѣрно. Богъ му зато благослови свакій посао срећомъ и напредкомъ. Господаръ га врло омилуе, па се ніе ни давао отъ другога послуживати. Найпослѣ и цѣло домоводство преда вѣрноме Іосифу.

Іосифъ є быо прекраснога лица младиђь. Жена Пентефріева, знаюћи да Іосифъ у свачемъ волю господара свога и госпое точно испунява, помысли, да ће онъ и у ономъ такође послушанъ быти, што є бесчестно. Често га є наговарала, да нѣшто учини, што бы врло гадно было. Али се Богобоязльивый Іосифъ неда наговорити на невалялство; но рекне госпои своіой: „Како бы я могао учинити такво зло, кое є великій грѣхъ предъ Богомъ?" Свакій данъ му є она замке плела; но Іосифъ ихъ є свагда мудро обилазіо; а найпослѣ науми сасвымъ іой се съ пута уклаияти. Єдаредъ се догоди, да є Іосифъ самъ самцытъ у куђи быо, и свое послове отправляо. Прилику такву жена є та и тражила, ухвати Іосифа за хальину, и повтори гадну свою намѣру. Іосифъ се отргне, остави горню ха-

льину свою у нѣныма рукама, пакъ побѣгне изъ собе.

Безстыдна жена та, видећи себе презрѣномъ, побѣсни отъ єда, викомъ сазове све домаће свое, и рекне имъ: „Видите ли вы, каквога є невалялца мужъ мой у кућу ми довео? Ушао нитковъ къ мени у собу съ намѣромъ мене и домъ господара свога обесчестити! И да нисамь васъ довикала, бы ме злоставіо быо. Но срећомъ дотрчасте вы, а онъ умакне и у страху заборави ево и хальину свою." Кад' іой мужъ кући дође, а она му покаже хальину Іосифову, и приповѣди му ту исту бесчестну и злобну лажь. Господаръ се разлюти на Іосифа, и тай часъ даде га затворити у тамницу. Тако невинный добрый Іосифъ, што є и самъ предвидити могао, изгуби ни кривъ ни дужанъ любовь и повѣренѣ свога господара.

Любезна Юносте! Іосифъ — невинный, добрый и великодушный младићь — дае намъ отвећь лѣпъ примѣръ! Нѣму є и у искушенію само Богъ предъ очима. Онъ само то гледи и на то пази, што є Богу повольно. Бѣжи отъ невалялога дружства; отимасе силомъ изъ руку грѣха; више цѣни невиность, него сву срећу овога свѣта; не люби добродѣтель корысти ради, но презире іоштъ све чести, увеселенія и блага овога свѣта, само да сачува и избави добродѣтель свою. О како є то лѣпо, како є то Богоугодно! — Идите, па творите тако исто и вы, Любезни!

35. Іосифъ у тамницы.

Іосифъ буде затворенъ у тамницу међу злочинце; но ни ту га не заборави Богъ, Кой невиннога никада не оставля. По Божіой светой вольи омилисе онъ надзирателю тамнице, кой му повѣри надзираніе на свыма другима затвореныма. Ово даде Іосифу прилику, много добра чинити тыма несрећныма людма, утѣшаваюћи ихъ, и тако имъ несрећу олагшаваюћи. А тымъ начиномъ учини и самъ себи мрачный затворъ свой пріятнымъ пребывалиштемъ. Добро творити, єсть свагда и свагдѣ найвећа радость доброме човѣку.

Догоди се да Царъ заповѣди два своя знатна дворянина, старѣшину вінарскога и старѣшину житарскога, у ту исту тамницу затворити, у коіой є Іосифъ био затворенъ. Нѣму ихъ обадвоицу преда надзиратель, да пази на ньи, и онъ є по мудрости и доброти своіой и съ ньима такође врло добро поступао. Єдаредъ по обычаю дође къ ньима ююутру, и примѣти, да су врло забринути и жалостни. И доброме Іосифу разжалисе, видећи ихъ тако яко смућене, па ихъ любовно упыта: „Што сте данасъ тако преко мѣре жалостиви? вама се морало особито што догодити.” Они му отговоре: „Санялисмо ноћасъ свакій чрезвычайно, а немамо овдѣ вѣштака, кой бы намъ свакоме свой санъ истолковати умѣо.” Іосифъ, добро знаюћи, да є суевѣріе вѣровати сну, рекне: „Єданъ

само Богъ напредъ зна, шта ће быти; али ипакъ кажите ми, шта вамъ се снило."

Старѣшина вінарскій приповѣди му овако: „Саняо самъ вінову лозу съ три грозда; учини ми се да лоза порасте, озелени, разцвѣтасе, и грозђе сазрѣ, а то све мени наочигледъ. У руцы држао самъ я чашу Цареву, откинемъ єданъ гроздъ, исцѣдимъ га у чашу, и дадемъ Цару пити." Іосифъ, коме є Богъ даръ особитога проницателства дао, отговори: „Твой санъ значи: Три грозда єсу три дана; послѣ три дана ће Царъ опоменутисе твоихъ вѣрныхъ заслуга, и опетъ ти повратити твое достоинство, па ћешь пунити и додавати му чашу као и пре. Молимъ те, сѣтисе мене кад' ти добро буде; буди ми милостивъ, моли Цара, нека ме освободи тамнице, єрбо невинно страдамъ; изъ Ханаана самъ доведенъ, и безъ свакога узрока мога у ову тамницу баченъ.

Старѣшина житарскій видећи, како лѣпо умѣ Іосифъ толковати санъ, приповѣди му свой овако: „Мени се снило, да носимъ три котарице на глави; у єдной су, и то у найгорньой, были различни лѣпи колачићи за Цара; птице су на те колачиће слетале и пипале ихъ." Іосифъ му отговори: „Твой санъ значи: Три котарице єсу три дана; послѣ три дана ће те Царъ обѣсити дати, и птице ће ти пипати тѣло."

Послѣ три дана осване данъ рођеня Царевога. Царъ є имао обычай све свое дворяне на тай данъ сяйно частити. При обѣду

опоменесе вінарскога и житарскога, и постави онога опетъ у прећашнѣ нѣгово достоинство, а овога обѣсити заповѣди.

Вінарскій у своіой новой срећи заборави Іосифа сасвымъ, ако му є и чиніо много добра у несрећи нѣговой. Примѣръ гадне неблагодарности!

36. Іосифъ се освободи тамнице.

Послѣ двѣ године сніе Фараонъ (тако се звао свакій Царъ Египетскій), да є стаяо на прибрежію рѣке Ніла, изъ кога изиђе седамъ красныхъ дебелыхъ крава, и почну по прибрежію пасти. Мало затымъ изиђе изъ те воде опетъ другихъ седамъ крава, кое су быле врло мршаве. Ове мршаве навале на оне дебеле и пождеру ихъ. Фараонъ се тргне изасна, и стане мыслити о томъ чудномъ сну; но не могући размрсити га, заспи опетъ и саня іоштъ и ово: Учини му се, као да изъ єднога житнога класа израсте седамъ пуныхъ а за овыма опетъ седамъ праздныхъ класова, кои прогутаю оныхъ седамъ пуныхъ. — Текъ што сване, сазове Фараонъ све свое искусне, мудре и учене люде, да му протолкую обадва та сна. Но нитко се не нађе, кой бы погодити могао, шта значе та два сна.

Сад' се неблагодарный вінарскій сѣти Іосифа, изиђе предъ Фараона, и рекне: „Сни твои, о Царе, опоминю ме мое несреће. Кад' смо пре двѣ године я и житарскій затворени были у тамницы, обоица єдне и те исте ноћи

ималисмо чудне сне. У тамницы био є и єданъ младиħь, коме мы приповħдимо наше сне, а онъ намъ ихъ истолкуе точно и ясно. Све, као што намъ є онъ предсказао, тако се послħ испунило. Я будемъ у мое прεђашнħ достоинство поставлħнъ, а житарскій буде обħшенъ.

На те рħчи вінарскога пошлħ Фараонъ таки по Іосифа, кога найпре у чисто одħло обучена изведу дворяни предъ Цара.

37. Слава Іосифова.

Фараонъ рекне Іосифу: „Чуданъ самь санъ сніо, а не може ми га нитко отъ моихъ людій да истолкуе. Чуемъ, да ты врло сгодно умħшь сне толковати." Іосифъ отговори учтиво: „Самъ Богъ може Цару то казати." Фараонъ му приповħди обадва своя сна о дебелыма и мршавыма кравама, и о пуныма и праздныма житныма класовма. Іосифъ све по реду добро саслуша, пакъ онда рекне: „Обадва твоя сна, о Царе, єдно и то исто значе. Седамъ дебелыхъ крава и седамъ пуныхъ класова значе седамъ плодоносныхъ година, у коима ħе необычно изобиліе сваке раане по цħломе Египту быти. А седамъ мршавыхъ крава и седамъ праздныхъ класова єсу седамъ неплодныхъ година, у коима по цħломе Египту нигдħ ништа родити неħе; него ħе за то све седмогодишнħ време васцħлый Египетъ отъ єднога текъ прошлога седмогодишнħга изобилія морати таворитисе. А

што си, Царе, два єднозначења сна єданъ за другимъ имао, то опетъ значи, да ће Богъ заиста и што скоріе учинити, што ти є тымъ двогубымъ сномъ обявіо. Побринисе дакле наћи прилѣжнога и мудрога човѣка, кой ће нуждне наредбе учинити, да се сувышакъ овыхъ богатыхъ година у житнице сабира, и за она гладна времена сачува." Цару се ова мудра бесѣда Іосифова врло допадне, а тако и свыма дворянма нѣговыма; па зато рекне Фараонъ: „Тко бы тако разуманъ и пунъ духа Божія быо, као што си ты? Ты си отъ данасъ господаръ надъ цѣлымъ Египтомъ; што ты заповѣдао будешь, то свакій подданикъ слушати и чинити мора. Међу мномъ и тобомъ неће никакве друге разлике быти осимъ престола. У свѣдочбу милости мое ево ти мой прстенъ натичемъ на твой прстъ, и златанъ овай ланацъ о вратъ ти вѣшамъ. А вы, слуге, посадите га на моя кола, провезите га крозъ цѣо градъ, и предъ колы вичите: „Ово є првый послѣ Фараона! ово є отацъ цѣлога Египта!

Любезни! овдѣ можете лѣпо и ясно видити, шта є промысао Божій. Богъ и крозъ саме неволѣ и страданя води къ срећи оне, кои Га любе. Добродѣтель текъ найпослѣ Богъ опетъ свагда срећномъ чини. Съ почетка Іосифъ, рекао бы, у несрећу зато пада, што се већма съ добрымъ отцемъ своимъ дружи, него са зломъ своіомъ браћомъ, и што невалялу жену ніе послушао; но найпослѣ управо чрезъ то постане

срећанъ. Гоненія отъ стране невалялыхъ людій єсу поводи и узроцы среће за добродѣтелне страдалце. Браћа желе препречити путъ Іосифу, да не буде срећніи отъ ньихъ, и зато продаду га у роблѣ. Пентефріева жена науми га сасвымъ несрећнымъ учинити, и зато га даде у тамницу затворити. Но управо чрезъ то, премда су сви противно мыслили и желили, помогну му сви, те се попне на Царско достоинство.

Често Богъ само зато шалѣ страданя на добродѣтелне люде, да ихъ учини достойныма будуће среће. Іосифъ є морао у дубокой ямурини лежати, и свакій часъ у страху быти, погинути ту отъ глади; а то зато, да се тымъ страданѣмъ научи, како є страшно гладовати, па да у гладно доба усрдніе помаже гладныма. Морао є найпре самъ робомъ быти, да се отуда научи, шта є то служити, како да послѣ узумѣ достойно надъ другима владати.

Ова повѣсть и у томъ такође служи намъ за примѣръ, како Богъ страданя добрыхъ людій награђуе. Браћа свлаче съ Іосифа хальину; а сад' га самъ Царъ у хальину облачи. Ланце и окове морао є Іосифъ носити; а сад' га самъ Царъ краси своимъ златнымъ прстеномъ и ланчићемъ златнымъ. Бесчестно є у тавницу баченъ быо; а сад' се на Царскима колма вози као првый послѣ Цара господинъ!

Ал' ако и не бы добродѣтель награду свою іоштъ на овомъ свѣту добывала: то

опетъ има вѣчность, гдѣ ће она заиста награђена быти!

38. Іосифова браћа у тамницы.

Настану седамъ богатыхъ година, као што є Іосифъ предсказао. Пшенице є было преко мѣре тушта као песка у мору. Отъ силнога множства ніе се ни мѣрити могло. Свакій сувышакъ прилѣжно є Іосифъ у житнице сасипао. — Наиђу сад' опетъ гладне године; велика и нечувена скупоћа обвлада посвуда. Іосифъ отвори свое пуне житнице, а люди са свію краева свѣта поврве къ нѣму ради раане.

Ето како є то мудро и добро, у време изобилія сѣћатисе потребе и нужде будуће, пакъ по нѣшто оставляти, штедити, чувати!

И у Ханаану настане гладь и скупоћа. Іаковъ рекне сыновма своима: „Чуемъ, да у Египту има жита задоста; не оклевайте, но идите тамо, и купите раане, да не помремо отъ глади. Десеторица ньихъ браће отиду у Египетъ; єданайстога — Веніаміна — кой є онда, кад' є Іосифъ у роблѣ проданъ, іоштъ дѣте быо, задржи отацъ кодъ себе.

Кад' дођу у Египетъ, таки отиду приявитисе Іосифу; єрбо безъ нѣгова знаня ніе нитко смѣо продати жита. Не познаваюћи га са страхопочитаніемъ поклонесе предъ ньимъ главомъ до землѣ. Іосифъ ихъ тай часъ позна, и опоменесе онога, што є у младости саняо, и како є сне свое браћи

казывао. Съ благодарносћу призна, како чудно и премудро управля Богъ людске судбе!

Предъ ньима се учини, као да ихъ не познае, и стане се жестоко съ ньима разговарати: „Вы сте уводе; дошли сте, да путове предѣла нашега промотрите, како ћете послѣ поуздано на постойбину нашу напасти.“ Уплашено отговоре му они: „Богъ да насъ отъ тога сохрани! мы смо, Господине, сви десетъ роћена браћа, сынови єднога отца. Было насъ є дванайстъ; наймлаћій остао є съ отцемъ кодъ куће, а єднога намъ є нестало.“ Іосифъ имъ на то рекне: „Видите! тако є, као што вамъ рекохъ; уводе сте вы, па се претварате; али ћу я васъ искушати. Тако ми здравля Фараонова, нећетесе ни маћи одавдѣ, докъ вамъ и наймлаћій братъ не доће амо. Пошљите єднога отъ васъ, нека га доведе; а вы ћете сви други быти међутымъ затворени у тамницы.

Было є време, кад' су они Іосифа у яму бацыли; а сад' сами леже у тамницы. Правда се Божія врло често и у овомъ животу показуе.

39. Повратакъ браће Іосифове.

Добродѣтеланъ човѣкъ неће никада осветитисе. Іосифъ є браћу свою само поправити желіо а не мучити. Послѣ три дана пусти ихъ изъ тамнице, зовне къ себи, и рекне имъ: „Я се боимъ Бога, па не чинимъ никоме неправде. Ако сте вы честни люди, то нека

остане єданъ само отъ васъ овдѣ у тамницы, а вы се други вратите кући къ отцу, отнесите жито, и доведите овамо наймлађега брата вашега, пакъ ћу онда вѣровати, да нисте предамномъ лагали, но да сте ми праву истину говорили.

Несрећа є већь започела поправляти браћу Іосифову, и мислећи, да ихъ онъ не разумѣ, стану се међу собомъ разговорати овако: „Ето насъ постиже казнь Божія, што онако грдно зло учинисмо брату нашему Іосифу. Како насъ є онъ онда са сузама моліо, да га не продамо у робство; а мы га ни слушати не хтѣдосмо. Право є, што сада страдамо." Рувімъ имъ на то рекне: „Нисамь ли вамъ, браћо, лѣпо говоріо, да не чините зла дѣтету? а вы ме не хтѣдосте послушати. Крвь се сада нѣгова иште отъ васъ."

Видите, Любезни, како є вѣрна совѣсть увѣкъ. И послѣ много година баца на очи учињено зло, казуе намъ казнь Божію, а у казни той опоминѣ насъ порока и грѣха нашега. О велика є то мука „зла совѣсть!" Данъ ноћь у свакой бѣди и несрећи нашой говори намъ: То си заслужіо! Зла совѣсть подобна є црву, кой намъ животъ подгрыза, а самъ никад' живити не престае; подобна є ватри, коя се никад' не гаси.

Браћа су та, као што већь рекосмо, мыслила, да ихъ Іосифъ не разумѣ; єрбо ніе хотѣо матерньимъ своимъ єзыкомъ съ ньима самъ говорити, него преко толмача. Но тако му є было мило и драго, послѣ толико го-

дина чути свой матерньій єзыкъ, да є морао на страну окренутисе и убрисати сузе, кое су му отъ милина потекле. Па іоштъ, видећи искру покаянія у браћи своіой, яви ванъ себе буде отъ радости. Ал' опетъ устегне срдце, и желећи сасвымъ се увћрити, говоре ли то браћа му отъ срдца, окренесе къ ньима и заповћди везати Симеона предъ ньиховыма очима. Кад' Симеона отведу слуге у тамницу, и браћа изъ собе изиђу, онда изда заповћсть, да имъ се вреће житомъ напуне, а свакоме у врећу новцы за жито плаћени метну. Єданъ отъ ньихъ случайно на путу отрћши свою врећу, и нађе у ньой новце. Коликій ли ихъ страхъ нападне, кад' опазе новце!

Дошавши кући приповћде отцу све редомъ овако: „У Египту влада врло жестокъ Господинъ, кой насъ є за уводе држао. Кад' му казасмо, да смо дванайстъ сынова єднога отца, да є наймлаћій кодъ тебе остао, а єднога да є нестало, заповћди намъ отвести къ нћму и наймлаћега, на зато задржи Симеона у залогу у тамницы." Іаковъ на те рћчи повикне: „Ахъ, несрећнога мене отца! іоштъ ћете ме вы и свію сынова редомъ лишити! Іосифъ мртавъ, а Симеонъ у ланцы! Пакъ іоштъ хоћете, да ми и Веніаміна отмете! Тога быти неће! та вы бы такимъ начиномъ мене у гробъ свалили." Залудъ є Рувімъ старцу говоріо, да му онъ добаръ стои за дћте, и да ће се Веніамінъ здравъ изъ Египта вратити кући натрагъ. Старацъ се никако не даде наговорити.

40. Веніаміново путованѣ у Египетъ.

Скупоћа у Ханаану буде све већа и већа. У Іаковлѣвой кући опетъ нестане раане, и отацъ рекне сыновма своима: „Идите іоштъ єдаредъ у Египетъ, те купите жита. Іуда му отговори: „Господинъ, кой надъ Египтомъ влада, заповѣдіо намъ є, не изићи му предъ очи, ако не доведемо наймлађега брата; мы безъ Веніаміна дакле ићи не смѣмо — него дай дѣте, па да се већь крећемо; єръ иначе помресмо сви отъ глади. А за дѣте я ти добаръ стоимъ.“ Уздышући рекне Іаковъ: „Кад' мора быти, а оно нека буде! Узмите новаца за жито, но понесите и оне, кое сте у врећама нашли, и не заборавите даре за господина Египетскога. Свемогућій Богъ нека умегша срдце господину томе, да ми пусти Симеона изъ тамнице, и поврати ми овога такође сына мога Веніаміна! А я морамъ, ахъ, међутымъ овдѣ, као несрећный све свое дѣце лишеный отацъ, кукати, и отъ повратка вашега животъ или смрть очекивати!“

Како є нѣжно любіо Іаковъ свога малога Веніаміна! И васъ, Любезни, исто тако любе родительи ваши. Судите дакле сад' сами, како гадна мора быти непокорность дѣце спрећу добрыхъ своихъ и тако силно дѣцу свою любећихъ родителя!

41. Веніамінъ у Египту.

Браћа Іосифова дођу съ Веніаміномъ срећно у Египетъ. Іосифъ чувши, да є и Веніамінъ дошао съ њима, заповѣди сготовити ужину за све њи. Чиновникъ єданъ Іосифовъ поведе ихъ у домъ на сготовлѣну ужину. Они, боећисе, да ихъ не води у тамницу, кажу му за новце, кое су у врећама нашли. Чиновникъ имъ отговори: „Вы сте мени за жито платили поштено; за те новце, кое велите да сте у врећама нашли, я нећу ни да чуемъ. Богъ зна, откуд' су тіи новцы, и тко вамъ ихъ є у врећу подметнуо." Затымъ изведе предъ њи и Симеона, тако све скупа отведе ихъ у домъ, и рекне имъ: „Данасъ ћете овдѣ ужинати."

Пре, него што предъ Іосифа изиђу, спреме даре за нѣга донешене. Изишавши предъ нѣга, падну предъ њимъ на колѣна, свакій свой даръ у руцы држећи. Онъ ихъ пріими любезно и упыта: „Є ли вамъ здравъ отацъ, за кога сте ми казывали?" Они му смирено отговоре: „Отацъ нашъ, слуга твой, іоштъ є, хвала Богу, живъ и здравъ." Іосифъ опази Веніаміна, и рекне: „Є ли вамъ то наймлађій братъ, за кога сте ми приповѣдали?" Кад' му отговоре, да єсть, благослови га Іосифъ говорећи: „Да те Богъ благослови, сынко!" Ту се ніе могао Іосифъ већь выше уздржати отъ плача, и мораде се уклонити, да му браћа сузе не виде.

Има ли, Любезни, што лѣпше на свѣту отъ искрене братске любови!

42. Сребрна чаша.

Да браћу свою сасвымъ искуси, и совршено увѣрисе, єсу ли се заиста поправили, покажесе Іосифъ Веніаміну много милостивіе него другима. Знао є онъ, да и отацъ Веніаміна већма люби, него њи све. Зато є радъ быо видити, не мрзе ли они управо зато и на Веніаміна, као што су и нѣму сбогъ особите любови отчине завидили. Заповѣди дакле чиновнику своме овако: „Напуни людма овыма вреће житомъ, метни опетъ у сваку врећу новце њихове, а у врећу наймлађега покрай новаца и мою сребрну чашу. Чиновникъ учини по заповѣсти. Сутраданъ у зору вратесе браћа кући. Текъ што изъ града изиђу, повикне Іосифъ на чиновника свога: „Похити брже болѣ за тыма людма, и кад' ихъ стигнешь, рецы имъ: „Тако ли вы добро злымъ враћате? Како смѣдосте чашу господина мога украсти?" Кад' ихъ чиновникъ стигне, и тако, као што му є господинъ нѣговъ Іосифъ заповѣдіо, рекне, отговоре му они: „Какве су то страшне рѣчи, господине! Мы да смо такво зло дѣло учинили! мы, кои смо новце, кое смо пре у врећама нашима нашли, изъ Ханаана поштено теби натрагъ донели, мы да злато или сребро изъ куће господина твога украдемо! У кога се чаша та нађе, тай нека погине!" Тай часъ

I. Ч. Стр. 73.

Schindler del. Bl. Höfel Sc.

Іудино краснодушіе.

7

поотрѣше све вреће редомъ отъ найстаріега до наймлаћега, и нађу чашу у врећи Веніаміновой! Ни єданъ отъ ньихъ отъ страха за се знао ніе, кад' чашу опази! Сви се опетъ натрагъ врате, и сви уђу къ Іосифу, и падну предъ ньимъ на колѣна.

43. Іудино краснодушіе.

Гледећи предъ собомъ браћу свою на колѣны Іосифъ рекне: „Како се усудисте учинити толико зло?" Іуда му на то отговори: „Мы се нити можемо нити хоћемо већь выше правдати. Насъ Богъ саде казни за давнашнѣ наше беззаконіе. Чини съ нама што хоћешь; мы смо сви твои робови." Іосифъ отговори: „Неће тако быти, но само онай, кой є чашу мою украо, єсть мой робъ; а вы се други можете свободно къ отцу вашему вратити."

Іуда приступи іоштъ мало ближе къ Іосифу, и проговори овако: „Допусти ми, Господине, да се я, као слуга твой, усудимъ рећи нѣшто! Кад' насъ ты првый путъ запыта, откуда смо, чистосрдечно ти исповѣдисмо, да смо сынови єднога отца, да є єданъ іоштъ кодъ куће остао, а єднога да є нестало. Ты онда заиска, да ти наймлаћега кодъ куће съ отцемъ заоставшега доведемо. Отацъ нашъ не хтѣде никако пристати на то, но рекне намъ: За єднога, кога є срдце мое найвећма миловало, казасте ми, да га є дивій звѣръ прождерао; ако ми іоштъ и овога любимца мога отведете, онде ћете сѣду главу

мою у гробъ свалити. Господине! отидемо ли дакле кући безъ Веніаміна, то ће добрый отацъ нашъ умрети отъ тежке жалости. Я самь за дѣте ово добаръ стао отцу, я самь дакле робъ твой. Я се не могу безъ Веніаміна кући вратити и гледати, како мы несрећный отацъ отъ туге и жалости за ньимъ умире!"

Юносте! изъ любови къ староме отцу своме и млађему брату своме готовъ є добрый Іуда робъ быти.

44. Іосифъ се даде познати.

Красне ове Іудине рѣчи коснусе срдца Іосифова. Крайнѣ тронутъ заповѣди Іосифъ слугама уклонитисе изъ собе, и сузе низъ лице ронећи рекне браћи: „Я самь Іосифъ братъ вашъ! живи ли заиста іоштъ отацъ нашъ?" Браћа се укоче отъ чуда, не вѣрую очима своима, отъ страшнога дрктаня занѣме! Іосифъ видећи ихъ у томъ чуду и забуни той продужи говорити: „Я самь братъ вашъ! є ли іоштъ живъ старина отацъ мой? Ходите ближе, не бойтесе! вы сте, истина, зло мыслили са мномъ, но Богъ є злу мысао вашу на добро окренуо. На срећу вашу Богъ є мене амо послао. Іоштъ ће петъ година гладь потраяти; отидите брже къ отцу моме, и кажите му: Поздравіо те сынъ твой Іосифъ овако: Богъ ме є првымъ у Египту учиніо; дођи къ мени, да живишь у найплодовитіемъ и найкрасніемъ предѣлу; како за

тебе, тако и за дѣцу и унуке твое я ћу се отсада старати."

Іошт̀ъ се браћа отъ чуда и страха освѣстити не могоше, и Іосифъ, примѣтивши то, продужи бесѣдити: „Погледайте добро мени и Веніаміну у очи, пакъ ћете видити, да вамъ истину говоримъ. Явите отцу, у каквой слави я овдѣ живимъ, и приповѣдите му све, што сте видили. Но брзо се опетъ вратите, па доведите ми и отца овамо!" То рекне Іосифъ браћи, пакъ онда загрли Веніаміна, полюби га, а за ньимъ и све ихъ редомъ изгрли и излюби. Сви дванайстъ плакали су отъ радости.

Юносте! тко не бы овдѣ са сузомъ у оку на небо погледао, и изъ тронутога срдца радостно вопіо:

О преблагїй Боже! Ты си преблагъ; Ты си беспредѣлна любовь! Та кад' люди створеня Твоя, тако неизказано любовно поступати могу — да како ли си Ты Самъ, Творацъ ньиховъ, неописано добаръ! Кад' слабомоћни люди найвеће обиде тако срдечно праштати могу — да како ли ихъ Ты радо прашташь! О тко Те не бы изъ свега срдца любіо! Нема, о заиста нема на свѣту толикога злочинца, коме бы Ты опроштенѣ отрекао, само ако се осбыльски покае, поправи и къ Теби обрати!

Ты се, о Боже, найнѣжніе бринешь за насъ! Промысао Твой у свачемъ є диванъ — у найвећемъ као и найманѣмъ! Управо ондѣ, гдѣ браћа роћенога

свога брата убити намѣрише, Ты си учиніо наредбу, да ньи преко тога истога брата отъ глади и смрти избавишь! Єданъ два сна постадоше у руцы Твоіой средства, кои ма си надъ отцемъ и дѣцомъ му, надъ силнымъ Царемъ и цѣлымъ Царствомъ му найвећій благословъ излити науміо! И саме гладне године морадоше на то служити, да Тебе Египтянма и свыма околныма народма обяве као обштега Отца и Раанителя! А тако се — о утѣхе! и за насъ бринешь. Исто тако лагко умѣшь Ты и насъ изъ сваке нужде избавити. Тко ће дакле, ако бы и у найвећемъ сиромаштву быо, себе страшныма бригама мучити? Тко неће, была времена колико му драго тежка и скупа, у повѣренію на Твой промысао совршено задовольство потражити и наћи!

Ты си, о Боже, чиста светыня! И у овой такође повѣсти откриваш намъ, да є Твоя света воля, не само раанити насъ, него и добрыма учинити. Ты си Іосифа лютымъ за младости нѣгове страданѣмъ, клеветомъ, гоненіемъ, туђомъ кућомъ и тамницомъ до великога искуства, мудрости и честности довео. Нуждомъ, несрећомъ и грыжомъ совѣсти браћу си нѣгову поправіо, сурову ненависть ньихову, дивію мрзость ньихову, Богозаборавъ ньиховъ обратіо си у благодарность, любовь и Богопочитаніе! А како чрезъ страданя та Іосифъ и браћа нѣгова достигоше велику и благу намѣру промысла Твога — Ты учинишь край свыма страданьма ньиховыма, и изъ самыхъ тыхъ страданя,

I. Ч. Стр. 77.

Schindler del. Blas. Höfel. SC.

Іаковлѣва радость.

8

изникну имъ и расцвѣтаюсе радости, коима се нису ни надати могли. О нећемо дакле ни мы нигда очаяти, ако бы насъ и постигла сиротыня и гладь, клевета и гоненіе, оковъ и тамница! Знамо мы добро, да насъ Ты, о Творче, страданѣмъ само поправити намѣраваш! и да ће се свака туга наша у веселѣ преокренути! Славно ћеш Ты све учинити!

Пакъ іоштъ и то: Кад' се Твоя света, беспредѣлна милость и любовь изъ єдне єдине повѣсти на тако неизказано благъ и любованъ начинъ свѣтли — кад' Ты човѣку іоштъ и овдѣ на земльи толике райске радости чинишь; да како ли ће тамо, тамо на ономъ свѣту быти, гдѣ ћеш намъ се Ты непомышлѣно блажіимъ и любовніимъ начиномъ, него Іосифъ браћи своіой, сасвымъ познати дати, и гдѣ ћемо мы у радости и блаженству, благодарности и почитанію Тебе живити!

45. Іаковлѣва радость.

Гласъ се разнесе по цѣломе граду, да су дошла браћа Іосифова. Самоме Цару тако є то мило было чути, да є заповѣдіо на Царскима колма довести у Египетъ Іосифова отца, браћу и сву ньихову челядь. Іосифъ сад' отпусти браћу съ богатыма дарма, и при полазку рекне имъ: „Не преговарайте у путованю єданъ другоме то, што є было и прошло; све нека буде заборављено."

Међутымъ є старацъ Іаковъ єднако тужећи очекивао повратакъ сынова своихъ у

непрестаномъ страху, да ли ће іоштъ видити любезнога свога Веніаміна. Браћа се већь приближе кући, и повикну весело: „Живъ ти є сынъ Іосифъ, и господари надъ цѣлымъ Египтомъ!" — Іаковъ неће имъ да вѣруе, а и како бы могао томе чуду вѣровати! Али кад' му сынови изнесу богате Іосифа даре, и кад' старацъ опази іоштъ и Царска кола, пробудисе као изъ найдублѣга сна, и дупа му наново оживи. Іосифъ, сынъ мой, іоштъ живъ! викне Іаковъ ванъ себе отъ радости; то ми є доста, не тражимъ ништа выше на овомъ свѣту, но само нѣга іоштъ видити пре, него што умремъ!

Не оклеваюћи ни часъ ни полъ спремисе старацъ са сыновма на путъ. Узму съ собомъ сва стада и сво иманѣ свое, па у име Божіе пођу. Накрай Ханаана принесе Іаковъ Богу жертву. У путованю далѣ яви му се Богъ у сну, и рекне: „Іакове! иди свободно у Египетъ, Я ћу быти съ тобомъ и тамо; Іосифъ ће ти на смртной постельи твоіой своіомъ рукомъ затворити очи. Великій ће народъ отъ тебе постати." Обѣћаня ова Божія охрабре уплашенога старца; утѣшенъ продужи путованѣ.

Кад' се приближи престолноме граду Египетскоме, пошлѣ предъ собомъ напредъ Іуду, да яви Іосифу долазакъ свой. Чувши Іосифъ, да му отацъ иде, похити му насусрѣтъ, издалека сиђесе съ кола, приступи къ отцу, и пріими га са сыновньимъ высокопочитаніемъ. Іаковъ падне у наручіе любим-

ца свога, и съ топлыма радости сузама изљубе єданъ другога, а старацъ рекне: „Сад' ћу радостно умрети, кад' самь те жива видіо!" Іосифова радость при састанку томъ недасе описати. Послѣ двадесетъ и три године отца свога видити, мора доброме срдцу заиста быти неописана радость.

Іосифъ отиде напредъ у градъ, и яви Фараону, да му є отацъ дошао. Кад' Іосифъ представи отца лично Цару, упыта овай старца: „Колико ти є, старино, година?" Іаковъ отговори: „Сто и тридесетъ; дѣдови су ми и дуже живили." По вольи Фараоновой отреди Іосифъ отцу своме и породицы нѣговой предѣлъ землѣ врло плодовитъ, кои се Гессенъ звао, снабдѣ ихъ и другимъ свачимъ богато, и свакимъ се начиномъ радъ и весео побрине усладити родителю своме послѣднѣ нѣгове дане живота.

Любезна Юносте! Іосифъ намъ дае прекрасанъ узоръ сыновнѣ любови. И као намѣстникъ Царевъ чествуе и люби онъ отца свога исто тако, као и кад' є као дѣте на отчиномъ хлѣбу быо. Отацъ му є быо сиромахъ пастыръ; ал' Іосифъ не гледа на то, него предъ самымъ Царемъ и цѣлымъ свѣтомъ сыновнѣ почитаніе отдае отцу своме. Любезни! чествуйте и любите тако и вы родителѣ свое! старайтесе чинити имъ што выше радости!

46. Іаковлѣва и Іосифова смрть.

Іоштъ седамдесетъ година проживи Іаковъ и то єднако у Египту. Ослаби тѣломъ и осѣти, да му є близу смртный часъ. У той слабости своіой пошлѣ по сына Іосифа. Послушный Іосифъ дође, и доведе са собомъ и своя два сынчића Єфрема и Манассію. Іаковъ скупи сву свою послѣдню снагу, сѣдне у постельи, и запыта Іосифа: „Тко су ти то?" Іосифъ му отговори: „То су сынови мои, коима ме є Богъ благословіо овдѣ у Египту." Старацъ на то рекне: „Приведи ихъ къ мени ближе, да ихъ благословимъ." Іосифъ доведе обоицу къ постельи, а дѣда ихъ загрли, полюби и рекне Іосифу: „Видишь ли, сыне! мысліо самъ, да ни тебе никада нећу видити; а гле ево шта чини милость Божія! не само твое гледимъ лице, него и дѣцу ево твою грлимъ." Іаковъ благослови то двое свое унучади, и рекне далѣ: „Я умиремъ; Богъ, кога су отцеви мои Авраамъ и Ісаакъ почитовали; Богъ, Кой ме є отъ младости мое до смртне постелѣ ове мое увѣкъ, као вѣранъ пастыръ, за руку водіо; Богъ, Кой ме є, као Ангелъ Хранитель, отъ свакога зла сачувао — нека ти, Іосифе, благослови ово двое дѣце тако, да међу людма буде навѣкъ пословица: Богъ те благословіо, као Єфрема и Манассію! Іосифе сыне! ево я издышемъ; но Богъ ће съ вама свыма быти, и опетъ ће васъ отвести у землю дѣдова вашихъ. Теби ћу, Іосифе,

више наслѣдія дати него браћи твоіой, а сувышакъ тай нека буде село Сіхемъ."

Послѣ тога сазове къ себи све свое сынове, и благослови ихъ. Іуди рекне: „Отъ твога колѣна свагда ће бывати Царъ, нити ћесе отъ потомства твога отузети войводство, доклѣгодъ не дође Онай, Кой ће по обѣћаню Божію посланъ быти, и на Комъ ће сва надежда свію народа почивати.

Свыма уобште рекне Іаковъ: „Погребите ме у оной двогубой пештери Ханаанской; тамо леже кости Авраама и Сарре, тамо су кости Ісаака и Ревекке, тамо самь и я Лію сараніо." То изусти, спутисе у постелю и умре. Тако спокойно умире свакій, кой є Богобоязльиво живіо!

Іосифъ падне мртвоме отцу на хладне прси, и ороси мртво тѣло отца свога сузама своима. Яви Цару, да є отцу на смрти завѣріосе саранити га у Ханаану у гробницы своихъ предкова, и замоли га, да му допусти тако и урадити. Царъ му допусти то, и Іосифъ пренесе тѣло отца свога у Ханаанъ, па га погребе у споменутой пештери.

Тако любе и почитую добра дѣца родителѣ свое до саме смрти ньихове, и тако имъ подпуно извршую волю ньихову.

Іосифъ доживи сто десету годину, и дочека радость, видити у наручію своmъ унуке и праунуке. Осѣћаюћи да се већь и нѣговоме животу край приближуе, рекне браћи своіой: „Я умиремъ; а васъ ће Богъ изъ предѣла

овога отвести у ону землю, кою є Аврааму, Исааку и Іакову обѣћао. Кад' пођете тамо, понесите и мое кости онамо!" Браћа му обѣћаю то, а онъ, саслушавши то обѣћанѣ ньихово, издане. Никакво учинѣно ньимъ зло не огорчи му послѣднѣга часа; но, шта више, споменъ толикихъ добрыхъ дѣла учини му смрть лагкомъ и сладкомъ. Потоцы благодарныхъ суза текли су изъ неброеныхъ очію около мртвога тѣла Іосифова.

И мы ћемо, Любезни, овдѣ кодъ мртвога тѣла Іосифова заплакатисе съ тврдымъ отваженіемъ и завѣтомъ, да ћемо и мы исто се тако отъ зла чувати и добро творити као и Іосифъ, како да и наша кончина буде мирна и спокойна, пакъ да тако и други се на нашемъ гробу заплачу, и тврдо завѣтую: добри люди быти!

МОЙСЕЙ.

---

47. Мойсеово воспитаніе.

Потомство Іаковлѣво разумножисе, и мало по мало постане великимъ народомъ. Іаковъ се иначе именовао Израиль; зато се и потомство нѣгово назове народъ Израильскій или єдномъ рѣчю „Израиль-

I. 7. Стр. 82.

Schindler del. Weinrauch sc.

Моӱсеӱ.

тянии." Іаковъ или Ісраиль имао є дванайстъ сынова; тога ради буде и народъ на дванайстъ колѣна раздѣлѣнъ, отъ коихъ се свако звало по имену овога или онога сына Ісраилѣва као прадѣде свога.

За живота Цара Египетскога, кой є Іосифа на достоинство намѣстника Царскога узвысіо, было є потомству Ісраиля добро. А и подъ наслѣдникма тога Цара живили су Ісраильтяни срећно, доклѣгодъ су се сирѣчь тіи єданъ за другимъ слѣдующи Цареви опоминяли заслуга Іосифовыхъ о Царству Египетскомъ. Но заслуге те Іосифове почну мало по мало у заборавъ падати. Найпослѣ ступи на царскій престолъ Фараонъ, кой нигда ни чуо ніе за Іосифа. Овай Царъ уплашисе множства Ісраильтяна, и рекне своима совѣтникма: „Народъ се овай преко мѣре множи; валя га умалявати, да не устане противу насъ, или у случаю нападенія отъ стране нашихъ сосѣда да се съ овыма не сложи, а нама подданичку покорность отрече." Изъ тога узрока Царъ тай свакояке є жестоке начине измышлявао на умальиванѣ народа Ісраильскога. Найпре ихъ подвргне врло тежкима работама мыслећи, да ће ихъ много поумирати отъ превеликога труда. Морали су зидати градове, сами ћерпичь правити и пећи, и све друго къ зиданю нуждно приуготовлявати. А надзирателѣ надъ ньима постави тако свирѣпе, да су имъ тіи послове удвоявали, и нечовѣчно ихъ тукли. Но и у толикима мукама сачува Ісраильтяне мило-

стивый Богъ, те не гинуше подъ тыма мука-ма. Царъ видећи, да ихъ нечовѣчна строгость та не мори, заповѣди свыма бабицама убіяти свако мужко дѣте Ісраильско таки како се роди. Бабице не учине покора тога правдаюћисе, да ихъ Ісраильтянке бабичити не зову. Найпослѣ изда Царъ заповѣсть, да свакій Египтянинъ свако Ісраильтянско дѣте, кое на путу нађе, у Нілъ бацы. Нечовѣчна та заповѣсть буде заиста на много мѣста извршена.

У лото то време родисе Мойсей. Мати нѣгова у страху, да іой кой отъ Египтяна види дѣте и у воду бацы, крыла га є у кући пуна три мѣсеца. Кад' га већь выше крыти ніе смѣла, падне на ту мысао, начинити ковчежацъ, метнути у нѣга сынчића свога, и на води Ніла међу рогозъ на таквомъ мѣсту оставити, откуда га не бы могла вода отнети, и гдѣ се Царева кћи обычно купала. Кад' то уради, онда заповѣди своіой кћери близу мѣста тога стаяти и пазити, шта ће быти съ дѣтетомъ.

Не потрае дуго, ал' ето ти кћери Фараонове са своима служкиняма на то исто мѣсто, опази ковчежацъ међу рогозомъ, заповѣди изнети га къ себи на прибрежіе, отвори га, и нађе дѣте у нѣму. Тронута плачемъ малога Мойсеа рекне: „Ово є ємачно Ісраильтянче!" Сестра Мойсеова притрчи и запыта Прінцезу, заповѣда ли, да іой доведе Ісраильтянку, коя ће іой дѣте то отдоити. Прінцеза іой то допусти, и она отрчи, те

доведе матерь Мойсеову. Кћи Фараона рекне овой: „Отдой ми ово дѣте, и кад' отяча, донеси ми га у дворъ; за твой трудъ ћешь быти добро плаћена." Прінцеза надѣне дѣтету име Мойсей, кое значи: „изъ воде извађенъ.

О съ каквомъ є мати радосћу, съ каквымъ благодарнымъ къ небу погледомъ морала пріимити дѣте свое опетъ у наручіе свое!

Мойсей отяча мало, и мати га отнесе у дворъ, па га преда Прінцези, коя га усынови и у высокима наукама обучити даде. Четрдесетъ година провео є Мойсей у двору Царевомъ.

Видите ли, Любезни, како се мати за дѣте свое стара? Самъ Богъ уредіо є то тако; єрбо се дѣца іоштъ не могу сама за себе старати. Будите дакле Богу благодарни на той милостивой Божіой уредби; чествуйте и любите матере свое са свакимъ драговольнымъ послушаніемъ! А пазите такође и на млађу браћу свою и сестре, као што є Мойсеова сестра пазила на маленога брата свога у ковчегу!

48. Мойсей на кладезу.

Мойсей ніе могао гледати бѣду и неволю браће свое Ісраильтяна. Волѣо є съ бѣднымъ и угнѣтенымъ народомъ Божіимъ невольно живити, него се Царскимъ сыномъ звати, а съ невалялыма Египтяима живити морати.

Погледи на небо къ невидимоме Богу, као да бы Га видити могао, уздане, и тврдо науми, бранити бѣдну браћу свою.

Честность и праводушіе скуплѣ є него сво злато и благо на овомъ свѣту. Болѣ є быти сиромахъ, а притомъ добаръ, честанъ и праводушанъ, него Царевъ сынъ, а притомъ срећанъ, ако се злочинацъ срећнымъ звати може. Тако є Мойсей мысліо; тако мысли свакій праведанъ човѣкъ.

Чуе и Царъ, да Мойсей држи страну Ісраильтянма, па га зато гонити почне. Мойсей уклонисе гоненія Фараонова, и отиде у предѣлъ Мадіамскій. Уморанъ сѣдне тамо кодъ нѣкога кладеза. У предѣлу томъ живіо є онда нѣкій Богобоязльивый Свештеникъ именемъ Іоторъ, у кога є седамъ кћерій было, кое су чувале овце отца свога. Управо сад' дођу пастырке те съ овцама на кладезъ, и навуку воде у валове, да напое овце. Но у тай махъ стигну и други пастыри, и отераю дѣвойке, да они найпре напое свое овце. То буде Мойсею жао, устане, помогне дѣвойкама, и напои имъ овце.

Раніе, него досада, отиду дѣкойке данасъ кући; єрбо су се свагда сбогъ пакостныхъ пастыра закаснути морале. Отацъ се томе зачуди и упыта ихъ: „Како данасъ могосте тако рано кући доћи?" Оне му отговоре: „Нѣкій странацъ, по хальини судећи Египтянинъ, отбраніо насъ є отъ пастыра, и помогао намъ напоити овце." Іотору буде та страннога човѣка драговольна услуга врло мила,

J. Schindler del. J. Gerstner sc.

Купина у пламену.

зажели благодарити му, и рекне кћерма: „Гдѣ є тай човѣкъ? што сте га оставиле уполю? Идите, доведите га амо на ужину, па да му и я благодаримъ за ту лѣпу послугу.“ Оне отиду и доведу Мойсеа предъ отца. Добри люди свагда се међусобно любе; и Мойсей обѣћа Іотору остати кодъ нѣга, а Іоторъ му даде кћерь свою Сепфору за жену.

Тако буде Мойсеово лѣпо дѣло изненада наплаћено. А зато и єсть дѣло то нѣгово лѣпо, єрбо о наплати ни помисліо ніе. Любезни! добро дѣло никада не остае ненаплаћенымъ, али га и не треба чинити наплате ради.

Іоштъ намъ и то овдѣ примѣтити валя, како се милостивый Богъ нарочито за добре люде брине. Истераноме Мойсею дае тако угодно прибѣжиште!

49. Купина у пламену.

Мойсей буде овчаръ кодъ таста свога. Єдаредъ истера овце далеко у полѣ, гдѣ ничега другога ніе было видити окромъ гдѣкое овдѣ ондѣ купине и међе. У томъ усамлѣномъ пустомъ мѣсту стане Мойсей мыслити о невольи браће свое у Египту, и помолисе Богу за ньи. Но много се већма сѣћао Ісраильтяна Богъ, него Мойсей, кога є већь отредіо быо, да буде избавителѣмъ ньиховымъ. Мойсей опази єдну купину у самомъ пламену, коя не може да изгорѣ. Видећи то Мойсей приближисе, да то чудо болѣ погледи. Изъ пламена

дигнесе гласъ: „Мойсее! Мойсее!" Онъ се отзове: „Ево ме!" Гласъ се продужи: „Я самь Богъ отца твога, Богъ Авраама, Исаака и Іакова!" Изъ страхопочитанія окрене Мойсей лице свое отъ тога мѣста. Богъ му рекне іоштъ: „Видіо самь бѣду народа мога у Египту, и чуо самь уздысанѣ нѣгово. Хоћу да га избавимъ изъ жестоке руке Египтянске, и да отведемъ у красный и пространый предѣлъ Ханаанъ, коимъ тече медъ и млеко. Иди; тебе шалѣмъ предъ Фараона, да изведешь изъ Египта народъ Мой!" Смиреный Мойсей отговори: „Тко самь я, да къ Цару идемъ? и да дѣцу Израилѣву изъ руке нѣгове избавимъ?" Богъ рекне: „Шта ти є то у руцы?" Мойсей отговори: „Палица пастырска." „Бацы ю на землю" заповѣди Богъ. Мойсей ю бацы, и у тай махъ претворисе палица у змію. Сад' опетъ заповѣди му Богъ: „Пружи руку и ухвати змію ту." Мойсей учини тако, и змія се претвори опетъ у палицу. Богъ му сад' рекне: „Изъ тога ће сви познати, да ти се явіо Богъ дѣдова твоихъ." Мойсей отгогори: „Теби є, Господе, добро познато, да я тежко и мучно рѣчи изговарамъ, а у томъ званію нуждно є краснорѣчивъ быти." Но Богъ му рекне: „Тко є уста створіо и єзыку говорити заповѣдіо? Тко твори нѣмымъ и краснорѣчивымъ? Нисамь ли Я Тай? Иди, Я ћу изъ тебе говорити." Смиреный Мойсей придода рећи: „О Господе, пошльи кога другога!" Богъ заключи бесѣду овако: „Братъ ће те твой Ааронъ срѣсти у Египту; узми нѣга

са собомъ, нека онъ говори, а ты твори чудеса; Я ти ту силу даемъ. Царъ ће морати найпослѣ отпустити васъ." — Сад' нестане пламена, и Мойсей вратисе съ овцама куħи. Іотору не каже ништа, што є видіо и чуо; но само то му рекне: „Я бы опетъ отишао у Египетъ, да видимъ, како браħа и рођацы мои бораве." Іоторъ га благослови и отпусти заєдно са женомъ и дѣцомъ.

Међутымъ явисе Богъ и Аарону, и пошлѣ га предъ Мойсеа. Кад' се састану, обрадуюсе єданъ другоме и излюбесе усрдно. Мойсей приповѣди брату своме, на што га є Богъ послао. Обоица отиду заєдно и скупе поглаваре народа Ісраильскога; Ааронъ имъ почне бесѣдити, а Мойсей чудеса творити — те тако увѣре цѣо народъ, да су отъ Самога Бога послани.

Драга Юносте! не свѣтли л' се и овдѣ милость и любовь Божія? Свако уздысанѣ чуе Богъ; сваку сузу види Отацъ нашъ небесный, и таре ю съ очію нашихъ. О тко неће тако доброга и милостивога Бога почитовати! тко неће сву надежду свою съ пунымъ повѣренѣмъ на Нѣга положити!

50. Чудеса Мойсеова.

Мойсей и Ааронъ, обадвоица старцы већь, у честной сѣдини своіой изиђу предъ Фараона, и кажу му, шта имъ є Богъ заповѣдіо. Гордый Фараонъ отговори: „Тко є? и гдѣ є тай господинъ, коме бы се я покорити

морао? Тога на васцѣломъ свѣту нема, нити ћу я отпустити народъ Ісраильскій.

Мойсей, да докаже Цару, да є заиста отъ Бога посланъ, бацы свою палицу предъ ньимъ на землю, и тай часъ претворисе палица у змію. Но Царъ на то и не гледи, него управо и зато почне іоштъ већма мучити Ісраильтяне.

Мойсей удари палицомъ по рѣки Нілу, и на Цареве очи сва се вода претвори у крвь. Египтяни буду принуђени копати кладезе; єръ изъ Ніла се нитко напити ніе могао. — Царъ ни то къ срдцу не пріими.

Мойсей пружи палицу свою; на то поврви изъ свію потока, єзера и рѣка Египетскихъ неброено множство жаба, кое покрыю цѣо Египетъ. Дворъ Царскій, све собе, постелѣ, столице и све друго посуђе кипило є жабама. — Царъ се поплаши и попусти; но текъ што на заповѣсть Мойсеову нестане гадныхъ жаба, а онъ опетъ буде немилостивъ као и пре.

Опетъ Мойсей удари палицомъ по земльи, и савъ се прашакъ на земльи претвори у муве, кое су страшно мучиле и люде и животна. — И покрай те муке не попусти Царъ отъ свое тврдоглавости.

Свакояки гадови напуне палату Царску и домове слугу нѣговыхъ, прекрыле поля и све, штогодъ є у и на полю было. — Царъ обѣћа одпустити народъ; но текъ што се освободи и те муке, узме опетъ рѣчь натрагъ.

Страшна болесть нападне на сву марву по Египту; камиле, овце и говеда гинула су

безъ броя. — Царъ се ни тымъ не даде укротити.

Мойсей узме у руке пепела, и разаспе га по воздуху. Страшни приштеви наиђу на люде и скотове. — Ни то не умегша Царевога срдца.

Мойсей подигне чудотворну палицу своју къ небу. Страшна буря дигнесе, какве надъ Египтомъ никада іоштъ было ніе. Туча падати, мунѣ сѣвати, громови пуцати не престаю. Сва растѣнія у млево сатрвена, дрвета нигдѣ читава, на све стране мртва тѣлеса! — „Согрѣшіо самь, повикне Царъ; Богъ є праведанъ! безбожни смо мы — я и народъ мой! Молитесе Богу, да вечь єдаредъ престане туча и рыка громова, па ћу васъ отпустити съ миромъ.” — Разведрисе; а Царъ опетъ не одржи рѣчь.

Іоштъ єдаредъ простре Мойсей палицу надъ Египтомъ, и шашка као облакъ покрые землю. Нигдѣ зеленога не остаде листића; све су то скакавцы уништили. — Царъ почне милости просити, обѣћа све — а не учини.

Сад' опетъ наиђе на Египетъ тако густъ мракъ, да за три дана прста се предъ очима видити ніе могло, нит' є итко съ мѣста, на комъ се застао, устати смѣо. — Лютито повикне Царъ на Мойсеа: „Таки да ми се вучешь испредъ очію!”

Юносте! да су се Египтяни таки съ почетка покорили, не бы толике страшне муке претрпити морали. То дакле нека ти, Юносте, буде правило: Не злоупотребљавай Бо-

жіе дуготрплѣнѣ на нова невалялства, пороке и грѣхове!

51. Излазакъ изъ Египта.

Послѣдныій путъ изиђу Мойсей и Ааронъ предъ Цара, и рекну му: „Овако Самъ Господъ Богъ говори: Ноћасъ у глуво доба свакій ће првенацъ у Египту морати умрети, и свакога скота првый утробе плодъ угинути; но Ісраильтяна се неће та несрећа дотакнути. Изъ тога ћешь видити, како силно Богъ, Коме се Ісраильтяни кланяю, брани народъ свой. Онда ћешь ты, о Царе, и сви твои Египтяни предъ нама на колѣна пасти и молити, да што брже изъ Египта излазимо, докъ нисте сасвымъ пропали сви."

Затымъ отиде Мойсей къ Ісраильтянма, заповѣди свакоме заклати ягнѣ, испећи га, и тымъ се за путованѣ подкрѣпити. Гдѣ ихъ є мало у кући было, да не могу цѣло ягнѣ потрошити, ту є морао сосѣдъ позванъ быти, само да отъ ягнѣта нимало не остане. Сиромаси су кодъ богатіихъ єли. Свакій домаћинъ морао є по заповѣсти Мойсеовой крвлю ягнѣћіомъ помазати довратке дома свога за знакъ, да ће ньи Богъ отъ страшне казни те поштедити. Свакій є морао ягнѣ то єсти стоећи, обученъ и сасвымъ спреманъ за путованѣ.

Настане ноћь. У Ісраильтянскима се кућама скупи велико и мало около печенога ягнѣта. Нитко ніе смѣо изъ куће изиђи. У

I. Ч. Стр. 92.

J. Schindler del. J. Gerstner sc.

Излазакъ изъ Египта.

полноћь Божія се претня изврши. Отъ Фараоновога првенца до найстаріега сына послѣднѣму надничару умре, и свакога скота првый утробе плодъ угине. Отъ силнога плача савъ се Египетъ затресе. Чуе и Царъ, да му є издануо првенацъ, наслѣдникъ престола, пакъ заповѣди звати Мойсеа и Аарона, и овако имъ рекне: „Идите изъ Египта съ миромъ и вы и сва дѣца Ісраильска, узмите овце и говеда ваша; но пре, него што отидете, благословите ме.“ — Ісраильтянке су быле хлѣбъ замѣсиле, а іоштъ нису быле квасацъ у тѣсто метнуле; у хитости понесу неквасно тѣсто. Ал’ и у толикой хитньи опетъ не забораве Ісраильтяни понети кости Іосифа, као што имъ є онъ са смртне свое постелѣ препоручіо.

За споменъ великога овога избавленія заповѣди Богъ Ісраильтянма славити сваке године праздникъ, кой се Пасха нариче.

Ето Юносте, Самъ Богъ хоће, да будемо благодарни на свакомъ благодѣянію! Ніе ли дакле благодарность велика и лѣпа добродѣтель, кад’ ю Самъ Творацъ ište отъ насъ? О любезни! благодарите Богу свагда на свакомъ благодѣянію — благодарите отъ срдца весело и простодушно!

52. Прелазакъ преко црвенога мора.

Тако изведе Богъ дѣцу Ісраилѣву изъ Египта. Множство велико говеда, оваца и другихъ домашньихъ скотова гонили су

Ісраильтяни предъ собомъ. Самъ Богъ показывао имъ є правый путъ. Чуданъ облачный столпъ ишао є предъ ньима, даню мрачанъ а ноћу ватренъ.

Фараонъ се почне каяти, што є отпустіо Ісраильтяне, и тако самъ себе велике части своихъ подданика лишіо. Дигне войску и пошлѣ за ньима у потеру. Войска стигне Ісраильтяне кодъ црвенога мора у єдной долини.

На Ісраильтяне нападне великій страхъ, кад' виде предъ собомъ море, лѣво и десно высоке стрмените планине, а за леђма велику непріятельску войску! У страху томъ єдни се отъ ньихъ стану Богу молити, а други съ Мойсеомъ препирати: „Заръ у Египту не бяше доста гробова, него си насъ морао амо довести, да подъ мачемъ непріятельскимъ изгинемо? Ахъ, болѣ бы намъ было у Египту служити, него овако жалостно овдѣ съ дѣцомъ пропасти!" Єдва єдвице ихъ Мойсей мало утиша, говорећи имъ: „Будите постояни, и имайте надежду на Бога, Кой ће сад' чудо свемогућства Свога надъ нама показати."

Столпъ облачный, кой є предъ Ісраильтянма ишао, вратисе, стане за ньима и заклони ихъ тако, да ихъ Египтяни крозъ густу столпа маглу видити нису могли. А Мойсей по заповѣсти Божіой додирне палицомъ море; вѣтаръ силный подигнесе, раздѣли воду морску и съ обадвѣ стране као зидове утврди, а измећу ньихъ дно морско осуши. Савъ народъ пређе туда по суву, и до зоре

буду Ісраильтяни сви до єднога на оной страни. Кад' и послѣдный отъ ньихъ пређе, онда столпъ облачный изиђе опетъ предъ ньи. Египтяни, видећи ихъ на оной страни, навале за ньима; но Мойсей, кад' ихъ види насред' мора, опетъ по заповѣсти Божіой удари палицомъ море, и вода се сва тай часъ врати на свое мѣсто, те потопи цѣлу Египетску войску, нити и єданъ отъ цѣле те войске живъ изнесе главе изъ мора.

Тако сврши Богъ Свое чудно дѣло избавленія несрећныхъ Ісраильтяна, и то управо онда, кад' су мыслили, да имъ већь выше избавленія быти не може. Тако є Богъ и свемогућь и милостивъ! Тко на Бога надежду свою полаже, тай нека се не бои, ако ће и цѣо свѣтъ противу нѣга устати. Божія помоћь найславніе се показуе у найвећой невольи. Гдѣ є нужда найвећа, ту є Божія помоћь найближа.

Тако є ужасно казніо Богъ злобу свирѣпога Фараона и свію Египтяна. Какогодъ што су они дѣцу Ісраильску у Нілъ бацали, исто тако и сами сад' налазе свой гробъ подъ водомъ. И данъ данашныій тако казни Богъ грѣшнике. Свакій грѣхъ раніе или касніе вуче за собомъ несрећу, болесть, сиротыню, презрѣніе, а найпослѣ жалостну смрть.

Фараонъ є тай іоштъ и тврдоглавости ужасанъ примѣръ. Онъ є заиста и кад' є дѣте было, морао быти самоволянъ и тврдоглавъ. Желя, свагда по своіой вольи радити, морала є безъ сумнѣ расти съ ньимъ заєдно, те най-

послѣ као безуманъ противисе ето Самоме Богу, нечовѣчно мучи люде, и слѣпо се свалюе у свою собствену несрећу. О Любезни! будите послушни, и владайтесе по совѣту старіихъ вашихъ! Видите и сами изъ те повѣсти, како горакъ плодъ носе непослушность и самовольство!

53. Благодарность Мойсеова.

У Мойсеовыма є прсима срдце отъ радости играло видећи народъ свой избавлѣнъ, кой є юче смрть само и гробъ предъ собомъ гледао. Душа се Мойсею благодарносћу къ Богу запламти. Желіо є и Ісраильтяне такође на ту благодарность побудити, пакъ стане съ ньима хвалити Творца овако:

„Да славимо Бога, Кой насъ є славно избавіо! Коняника є съ конѣмъ заєдно погрузіо у море!"

„Снага є моя Господъ, Онъ є пѣсне мое хвала! Богъ є спасеніе мое, Господъ є Богъ мой! Бога ћу славити; Онъ є отцева моихъ Богъ; Нѣга ћу преузносити!"

„У рату є Господъ крѣпакъ, име Му є Свемогућь; кола Царева и силну войску Царску бацыо є у море, најяче Войводе врг-нуо є на дно у море као каменѣ!"

„Господе! мышца се Твоя высокославно показа; десница Твоя скруши непріятеля; силна снага Твоя уништи противнике Твое, и сви се развѣяше као плева!"

„На Твой задай слежесе вода и валови се укоче као зидъ! Рече непріятель: Идемъ у потеру за ньима, стићићу ихъ, оплѣнити, ярость мою надъ ньима искалити, мачъ ћу мой обнажити, и све ихъ до єднога уништити! Ал' задува вѣтаръ Твой, море непріятеля прогута, и онъ се загнюри на дно као олово!"

„Господе! тко є Теби раванъ међу крѣпкима? тко є тако высокославанъ као Ты? тако светъ као Ты? тако страшанъ као Ты? тако славе достоянъ као Ты? тако силанъ чудесы као Ты? Ты руку простре — ньи море прогута!"

„Славно си провео Тобомъ избавлѣный народъ! Свемогућство га Твое води у свете Твое обытельи. О води га и посади на Твоіой наслѣдной планини, на мѣсту, гдѣ ћешь међу ньима Ты Теби, о Господе, приуготовити светыню, кою ће утврдити Твое руке!"

„Господъ ће Царемъ быти отъ вѣка до вѣка!"

Драга Юносте! како є то славна хвале пѣсна! како ли є то красна благодарности пѣсна! О да и мы Божіе свемогућство и штедроту у свыма благодѣяніяма Божіима исто тако живо признаемо, исто тако Богу свагда благодаримо, исто Га тако хвалимо и славимо — као Мойсей!

54. Манна.

Ісраильтяни послѣ чуднога тога прелазка свога по црвеноме мору дођу у нѣку пребелику и страшну пустыню, гдѣ є све безплодно и наго было. Нигдѣ ньиве, нигдѣ колебе. И ту — о да страшне неволѣ! — ту имъ нестане хлѣба! Помыслите само, Любезни, такву несрећу! Толико стотина тысућій людій, а ни залогая хлѣба!

Ако є икада, сад' є было време положити сву свою надежду на Бога, Кой имъ є толико путій помогао. Ал' они умѣсто тога почну роптати на Мойсеа и Аарона, говорећи имъ: „О да се и мы коіомъ срећомъ подависмо у мору као Египтяни! Ахъ, Египте, Египте! у теби намъ добро бяше; у теби сѣдисмо кодъ котлова пуныхъ меса, и имадосмо доста хлѣба! А васъ двоица изведосте насъ отуда амо, да отъ глади сви — оволикій народъ — у пустыньи овой помремо!" Мойсей имъ на то рекне: „Вы то не ропћете на насъ двоицу, но на самога Бога! Опетъ ћете свемогућство Божіе чуднымъ начиномъ искусити. Сутра ће вамъ съ неба Богъ послати хлѣба."

И заиста сутраданъ виде Ісраильтяни сву поляну покрывену ситнымъ бѣлымъ зрневлѣмъ, кое кад' окусе, увѣресе, да є тако сладковкусно као хлѣбъ медомъ намазанъ. Зачућени повикну: „Манху?" кое у нашемъ єзыку значи: „шта є то?" Мойсей имъ рекне: „То є хлѣбъ, кой вамъ Богъ съ неба дае.

Доклѣгодъ се у пустыньи узбавите, свакій ћете данъ, осимъ Субботе, хлѣбъ тай налазити на земльи, и толико скупляти, колико вамъ є само за тай данъ потребно. За сутрашньій данъ не валя га оставляти; єръ ћесе кварити." Ісраильтяни назову хлѣбъ тай манна отъ рѣчи манху, као што већь рекосмо горе. — Мойсей заповѣди брату своме Ааронy сачувати ссудъ манне за споменъ.

Юносте! тко неће овдѣ радостанъ вопити: „Преблагій и милостивый Боже! Ты съ неба свакій данъ шалѣшь Ісраильтянма хлѣбъ; а и нама га исто тако чудно изъ землѣ даешь! Тамо раанишь ситнымъ манне црневлѣмъ за четрдесетъ година толико тысућій людій; а іоштъ ситніимъ пшенице зрневлѣмъ раанишь за толико вѣкова миліоне и миліоне Твоихъ створеня! Славно се Ты являшь и у маломъ, выткомъ и слабачкомъ житномъ класу; зато, кадгодъ лѣпе зелене усѣве или зрѣле, жуте као злато класове погледимо, свагда ћемо съ тронутымъ срдцемъ благодарно признавати, да є то све Твой благословъ; свакій ће насъ залогай хлѣбца опоминяти благодарности спроћу штедроте Твое, пакъ ћемо свакій нашъ залогай и дѣлити радо са сиротомъ!"

55. Вода изъ камена.

Изъ пустынѣ те доћу Ісраильтяни у другу, гдѣ опетъ воде нимало ніе было. Помыслите, Любезни, ову опетъ неволю: у жаркой

пустыньи быти, а ни капи воде не имати! Стане вриска дѣце отъ жеђи; свака бы мати радо сад' све свое сребро и злато за мало воде дала, да напои дѣте свое! Пакъ опетъ и у той новой страшной невольи не сѣћаюсе Ісраильтяни тражити отъ Бога помоћи, да да, не сѣћаюсе, да имъ є Богъ толико путій већь у неволяма помагао! Но почну опетъ роптати на Мойсеа, говорећи му: „Зашто насъ изведе изъ Египта, да съ дѣцомъ и марвомъ нашомъ помремо отъ жеђи овдѣ у пустыньи? Воде намъ дай!" Милостивый Богъ рекне Мойсею: „Изиђи предъ народъ, и удари палицомъ по каменитой стѣни!" Мойсей уради по заповѣсти Божіой, и наочигледъ цѣломе народу посукти вода изъ камена. Мало и велико ніе знало отъ радости шта да чини, гасећи страшну свою жеђь быстромъ хладномъ водицомъ.

Любезни! и вода є такође велико благодѣяніе Божіе, то видите изъ ове повѣсти, то и свакій жеданъ осѣћа и зна. По милости Божіой и за насъ истичу извори, быстри теку потоцы, и свѣжа водица се слива у кладезе. Благодаримо дакле Богу, кадгодъ се хладне водице напіемо! Дивна є милость Божія и у свакой росной капльицы, коя цвѣтку главицу подиже!

56. Препелице.

Ново незадовольство и новъ немиръ родисе међу Ісраильтянма; манна имъ дотужи

те зажѐле другихъ є̀ла. Посѣдаю предъ шаторе свое, стану ядиковати као размажена дѣца, и повичу крозъ плачъ: „Тко ће намъ меса дати? О како ли намъ сладка у Египту бяше рыба, како ли сладки краставцы, дынѣ, лубенице, лукъ бѣлый и црный! А саде намъ очи ништа друго не виде него све є̀днако манну те манну."

Мойсею падне нажао то ньихово ядикованѣ, представи неволю ту свою Богу у молитви, и Богъ му рекне: „Кажи народу, да самъ погледао на тугу нѣгову, и да ћу му дати меса толико, да ће му се огадити." Мойсей отговори: „Шестъ стотина тысуѣій душа є̀ са мномъ; тко ће му сувыше меса дати? та на то бы нуждно было имати читаве стоке и силна стада оваца." На то рекне Богъ Мойсею: „Заръ се рука Моя скратила? таки ћешь видити, да ће се рѣчь Господня извршити."

Силанъ вѣтаръ на заповѣсть Божію дигнесе, и натера преко мора амо грдно множство препелица. Сва пустыня данъ хода унаоколо покрыесе препелицама, кое су сбогъ дебльине свое тежко летиле, найвышше два текъ хвата надъ земльомъ. Народъ ихъ є̀ васданъ хватао, читаву ноћь и сутраданъ, те нахвати ихъ прекомѣрно много.

Ал' іоштъ и не повѐду све, іоштъ имъ, што 'но рѣчь, месо за зубма бяше — и казнь Божія веће се появи на ньима. Много и лакомо су є̀ли, те се разболу, и много ихъ по-

умире. Мѣсто, на комъ су тіи погребени, назовесе гроблѣмъ лакомства.

Любезни! єдва є коя казнь Божія ужаснія отъ те, коя стиже онога, кой є лакомъ и неумѣренъ у єлу и пићу. Лакомство, неумѣреность и сладострастіе многога су рано подъ црну землю отнела, па бы се и тыма надгробно написати могло: „Овдѣ є гробъ лакомства!" О Любезни! сѣћайтесе гробова лакомства, па будите умѣрени и трезвени у свачемъ, као што Богъ хоће и заповѣда!

57. Десетъ заповѣстій Божіихъ.

Трећега мѣсеца послѣ излазка свога изъ землѣ Египетске стигну Ісраильтяни до Сінаная планине. На ту се планину попне Мойсей, и пріими ту отъ Бога овай налогъ: „Кажи дѣцы Ісраилѣвой овако: Видилисте, шта самь у Египту васъ ради чиніо, како самь васъ отуда као на орловы крылы изнео. Ако се вольи Моіой покорите унапредакъ, то ћете вы изъ свію другихъ народа быти Мои одабрани сынови. Цѣла є земля Моя; али ипакъ вы ћете онда быти Мое освећено Царство, Мой светый народъ." Мойсей сообшти ове Божіе рѣчи Ісраильтянма, на кое они сви єднодушно повикну: „Хоћемо; све, штогодъ Богъ заповѣда, то ћемо мы радо и свесрдо чинити и испунявати!"

Мойсей заповѣди Ісраильтянма, да се два дана држе у свакой чистоти, одѣло свое оперу, и готови буду, трећій данъ предъ

Schindler del. Bl. Höfel. sc.

Десять заповѣдей Божіихъ.

Самога Бога изићи. Тако и буде. Осване трећій данъ; у зору почне са свію страна тутньити, и страшни громови стану рыкати. Найгусћій црнъ облакъ падне на планину; снажанъ трубе гласъ зазвони. Народъ се уплаши, а Мойсей га изведе подъ планину. Гласъ трубе све се већма и већма разлеже. На ѥдаредъ се утиша све, и Богъ изъ облака проговори ясно:

„Я самь Господъ Богъ твой, Кой самь те избавіо изъ робства Египетскога; да имашь почитовати Мене ѥднога Бога твога!"

„Ни кога другога да не почитуешь тако, као Мене ѥднога!"

„Не употреблюй име Мое лагкомыслено!"

„Светкуй Субботу! шестъ дана ради, а у седмый отпочини и ты, и слуга ти и скотъ твой!"

„Почитуй отца и матерь, да дуго и срећно поживишь на земльи!"

„Не убій!"

„Не учини прелюбе!"

„Не укради!"

„Не свѣдочи лажльиво!"

„Не жели ничега туђега!"

На савъ овай Божій изъ облака гласъ Ісраильтяни су укочени отъ страха подъ планиномъ стаяли. Мойсей имъ рекне: „Не бойтесе! Божія ѥ воля то, да будете добри люди." Сви се на то обѣћаю и завѣре, Богу покорни быти. Отъ тога времена све ѥднако

до данасъ светкую Іудеи сваке године за споменъ овога случая праздникъ.

Драга Юносте! заповѣсти Божіе єсу за све люде путъ къ честности и срећи. Дѣте, н. пр., кое по смыслу заповѣстій овыхъ Бога искрено люби, родителѣ свое почитуе, никоме зла не чини, никога не вара, свагда истину говори — заслужуе, да га сви люди любе, и већь є пошло стазомъ быти добаръ човѣкъ. А напротивъ: Лажа є, као што и самъ признати мора, заслужіо, да га сватко презире. Убійца се не може ни звати човѣкомъ, єръ є подобанъ дивіему звѣру. Упытайте сами себе, Любезни, ваше ће вамъ собствено срдце казати, да є то све тако. Видите дакле, Божіе заповѣсти нису ништа ново; єрбо су изъ нашега срдца изваћене. Совѣсть наша — тай Божій светый гласъ у нама — све оно говори намъ и налаже, што є тамо на Сінаю гласъ Божій народу Ісраильскоме обявіо. Богъ є тамо безъ сумнѣ зато текъ говоріо, єрбо нису хтѣли люди слушати гласа совѣсти свое.

Заповѣсти су Божіе и путъ къ срећи нашой. Тко по заповѣстма тыма не живи, тай и себе и друге люде несрећныма твори. Животъ, честь и иманѣ другога, то све нѣму нимало свето ніе. А самъ є немиранъ у совѣсти и са самымъ собомъ незадоволянъ. Напротивъ: тко се по заповѣстма Божіима влада, тай свободно погледа на небо, у срдцу є увѣкъ весео, совѣсть му никада ништа не прибацуе. О како бы срећно и пресрећно

было оно Царство, гдѣ бы свакій се по Божіима заповѣстма владао! Ту бы по свуда миръ, редъ и слога владала, ту бы право пріятельство и истинита срећа цвѣтала!

Любезни! паштитесе дакле вѣрно испуњавати заповѣсти Божіе, колико ихъ годъ за сада іоштъ разумѣти можете. У слѣдующима повѣстма іоштъ ћете ихъ ясніе познати и све се већма увѣравати, да су заповѣсти те све и лѣпе и добре, и да насъ управо къ срећи нашой и спасенію нашему воде.

58. Нѣке уредбе за домоводство.

Ісраильтяни су были люди ратари и пастыри. Да бы имъ и ове просте дужности быле свете, даде имъ Богъ на то выше особито лѣпыхъ уредба, међу коима су и слѣдующе:

„Кад' воћку тресешь, не отреси ю савымъ; послѣ вінобере не пабирчи — остави то сиротама и удовицама."

„Кад' жанѣшь, не скупляй свакій и послѣдныій влатакъ — остави то странныма, сиротама и удовицама, пакъ ће ти Богъ благословити свакій посао.

„Кад' подъ єсень све плодове соберешь, онда седмодневный праздникъ светкуй. Првый данъ начини колебу отъ листнатога грања, и у той сѣницы проведи тыхъ седамъ дана весело предъ Господемъ. Тако ће ти се

потомцы споминяти, да самь те Я изъ Египта извео и у колебама чувао."

„Десету часть свію плодова отъ њиве, винограда и врта, као и првенце оваца и говеда принеси Господу, и држи предъ Њимъ веселе ужине, на кое ћешь сироте сазывати."

„Сваке треће године отнеси на отрећено мѣсто особитый десетакъ отъ свію плодова земныхъ, да сироте, удовице и странни, кои међу вама живе, отъ тога добыти и насититисе могу. Тако ће Богъ благословити свакій трудъ твой."

„Не квари нит' подсѣцай воћке ни у самомъ ратованю; съ њихъ се плодъ єде, а осимъ тога дрво є, кое ти ніе кадро учинити пакости."

„Не прежи вола узъ магарца, єръ тако пада тежко слабіему вући. Кад' ти скотъ врше, не мећи му на уста засторакъ."

„Тко кладезъ свой не покрые, па упадне у нѣга туђь скотъ, право є да плати за тога скота."

„Кад' говече или овцу ближнѣга твога нађешь у полю гдѣ блуди, дужанъ си отвести му скота тога."

„Нађешь ли птичіе гнѣздо, у комъ мати на яйма или птичићама сѣди, не узимай и матерь, но само яя или птичиће, а матерь пусти. Тако ћешь быти срећанъ и дуго поживити."

Юносте! єзгра тыхъ уредба Божіихъ у томъ се состои, да буде човѣкъ благъ и питомъ. Спроћу растѣнія, воћке, птице

валя да будемо милостиви, колико дакле спроћу людій — браће наше!

59. Уредбе спрамъ сирота.

Осимъ красныхъ овыхъ за землѣдѣлце уредба даде Богъ Ісраильтянма іоштъ и упућенѣ, како треба да се владаю спрамъ сирота и свію бѣдныхъ людій, кои страдаю. Упућеня та тако су лѣпа и управо човѣчна, да ће васъ заиста, Любезни, тронути, кад' ихъ чуете. Послушайте нѣколико отъ ньихъ:

„Удовице и сироте не вређай! Ако имъ у чемъ нажао учинишь, па се оне мени потуже, то ћу саслушати тужбе ньихове и напустити ратъ на тебе, како да погинешь, а жена да ти остане удовица са сирочадма."

„Нѣмога не карай; слѣпоме не мећи ништа предъ ноге, да не падне преко тога; єръ валя ти се Бога бояти — Мене Господа! Предъ старцемъ устани и чествуй га — а то изъ страха отъ Господа Бога твога!"

„Не отпуштай слугу, а да му не дашь штогодъ съ гумна твога, или другога иманя твога, коимъ те є Господъ Богъ благословіо. Помысли, да си и самъ био слуга у Египту."

„Надничара, био ти онъ братъ или туђинъ, исплати таки онай данъ, а не отлажи до сутра; єръ є онъ и тако сиромахъ, и отъ тога живи. Ако ми се тога ради потужи на тебе, за грѣхъ ћу ти то узети."

„Страннога човѣка не вређай; єръ и самъ знашь, како є странноме, почемъ си

было тай у Египту. Ако страннъ у земльи твоіой живи, сматрай га као рођака свога, и люби га као самога себе."

„Осиромаши ли братъ твой, прихвати га се као укућанина безъ найма, и узайми му новаца безъ лихве и жита безъ твое корысти."

Юносте! и ове уредбе уче насъ, да намъ се свакога насилія клонити валя, и никоме нажао не чинити; но спрођу свакога любовни быти, и старатисе, да будемо подобни Богу, Кой є, као што намъ уредбе те Нѣгове слѣдоче, сама чиста любовь!

60. Златно теле.

Мойсей препоручи Аарону пазити на народъ, а онъ самъ попнесе по заповѣсти Божіой іоштъ єдаредъ на планину. Четрдесетъ дана и толико ноћій заостане ту безъ єла и пића. Међутимъ родисе у народу велика буна. Ісраильтяни сирѣчь зажеле по примѣру Египтяна ідоле, па рекну Аарону: „Устай, да идемо далѣ; начини намъ Богове, кой ће насъ водити! Тко зна, шта се съ Мойсеомъ на планини догодило." Ааронъ пристане на то, и рекне: „Донесите ми злата, да вамъ скуемъ Богове." Народъ покупи све свое и своихъ жена драгоцѣности и преда ихъ Аарону. Египтяни су кланялисе волу, кога су Апісъ звали; и Ааронъ дакле скуе отъ злата теле, коме се стану кланяти и изъ гласа ви-

кати: „О Ісраилю! ово є Богъ, кой те є изъ Египта извео!"

Драга Юносте! кога неће страхъ подузети, кад' чуе гадно ово преступленіе вторе Божіе заповѣсти? Колика є то неблагодарность: тако брзо благодѣянія Божія заборавити! — Но єсу ли само єдни Ісраильтяни на свѣту были, кои су тако лудо и неблагодарно поступали? И данъ данашньій такви су сви они, кои у богатству или ма у чемъ другомъ већу радость него у Богу налазе, и почитую те ствари выше него Бога. И тіи су дакле люди ідолопоклоницы, ако устма и говоре другчіе. О Любезни! чувайтесе тога ідолопоклонства!

Мойсей ніе о томъ ништа знао; но Богъ, Кой свако зло види и казни, рекне му: „Сиђисе съ планине; народъ тобомъ изъ Египта изведеный согрѣшіо є, и брзо се съ пута Мога уклоніо. Теле є отъ злата начиніо, па му се кланя. Зато самъ намѣріо искоренити ихъ сасвымъ као непокорне, самовольне и тврдоглаве люде; а тебе ћу учинити праотцемъ іоштъ већега народа." Добрый Мойсей овако се Богу помоли: „Ахъ, Господе! не казни народа, кой си тако славно изъ Египта извео! Опрости му тай великій грѣхъ; опоменисе вѣрныхъ поклоника Твоихъ Авраама, Ісаака и Іакова, коима си обѣћао дѣцу умножити као звѣзде на небу, и дати имъ землю, да владаю надъ ньомъ свагда!" Молитва ова родолюбивога Мойсеа буде повольна Богу.

Мойсей сиђесе съ планине носећи у руцы двѣ камените дасчице, на коима є было написанъ законъ десетословія. Кад' приступи ближе къ стану, па опази теле и около нѣга народъ, разлютисе и разлупа обадвѣ дасчице о стѣну, а теле сатре у млево, прахъ отъ тога бацы у воду, и заповѣди Ісраильтянма пити ту воду. Аарону рекне: „Шта ти є скривіо народъ, те си му помогао, да тако страшанъ грѣхъ учини?" Сви, кои су се кланяли телету, буду погублѣни. Найпослѣ рекне Мойсей свыма Ісраильтянма: „Смртно сте согрѣшили; но ипакъ идемъ на планину, не бы ли намоліо Бога, да вамъ страшанъ грѣхъ тай опрости." И заиста попнесе съ томъ намѣромъ на планину, и помолисе Богу овако: „Боже! народъ є согрѣшіо; опрости му! или ако му опростити нећешь, а Ты избриши мене изъ кньиге живыхъ!" На то му отговори Богъ! „Онога ћу Я да избришемъ изъ кньиге живыхъ, кой грѣши противу заповѣстій Моихъ. Иди ты само, и води народъ куда самь ти рекао; а данъ ће осванути, кад' ћу Я грѣхъ тай казнити." Послѣ тога даде Богъ Мойсею нове закона дасчице, кое онъ цѣломе скуплѣноме народу торжествено покаже, и свеусрдно препоручи, да се собствене свое среће ради по заповѣстма тыма Божіима строго управля и влада.

Видите, Любезни, како се Мойсей гнуша ідолопоклонства! како усрдно люби народъ свой — готовъ за нѣга умрети! Гну-

шайтесе тако и вы зла, и любите друге люде као и Мойсей!

По заповѣсти Божіой даде Мойсей начинити ковчегъ отъ дрвета и украси га богато златомъ, да се у томъ чуваю дасчице Закона, Манна, палица Ааронова. Касніе додане су быле и Мойсеове кньиге. За ковчегъ тай начинѣнъ є быо особитый шаторъ врло лѣпо украшенъ. Будући є заповѣстма Божіима као завѣтъ међу Богомъ и людма установѣлѣнъ, зато се ковчегъ тай назове „Кивотъ Завѣта" а шаторъ „Скинія Свидѣнія." Скинія се ова дѣлила на двѣ части, отъ коихъ єдна была є много већа, и именоваласе „света" а друга маня „света светыхъ." Цѣла скинія окружена є была великомъ оградомъ. Кад' є Ааронъ прву жертву у ньой Богу принео, савъ народъ отъ радости ніе знао шта да чини; падне лицемъ на землю, и благодари Богу свесрдномъ молитвомъ.

Юносте! радость, страхопочитаніе, и благоговѣйнство єсу осѣћаня, коима се Богу кланяти валя.

61. Промотрителъи.

Ісраильтяни проведу већь цѣлу годину дана у пустыньи, гдѣ су и прву Пасху праздновали. Сад' дођу до планина, отъ коихъ се започиняо предѣлъ Ханаана. Ту отбере Мойсей дванайсторицу изъ свакога колѣна по єднога, и пошлѣ ихъ да промотре, каква є земля та, и како бы се найлагше освоити могла.

Међу тыма први су были Навинъ и Халевъ. Дванайсторица та ходали су четрдесетъ дана по Ханаану, доклѣгодъ добро не промотрише сву землю, коя имъ се особито допадне, єрбо є заиста отвећь плодоносна была. Нѣколико плодова понесу съ собомъ, да тако увѣре Ісраильтяне о плодоносію Ханаана. Кад' се врате међу свой народъ, кажу му овако: „Ханаанъ є благословена земля; но освоити га нећемо моћи. Градови су тамо врло тврди и высокимъ зидомъ опасани; а жители су тамо све сами юнацы."

На ове рѣчи дигнесе у народу плачь а сутра данъ страшна буна, у коіой се єднако викало: „Ахъ, што не остадосмо у Египту! болѣ ће быти, да се сад' таки натрагъ вратимо, него да подъ мачемъ Ханаанскихъ юнака изгинемо! Ни корачая далѣ; но да бирамо войводу, кой ће насъ опетъ у Египетъ отвести!"

Навинъ и Халевъ стану тѣшити народъ, опоминяюћи га, како є Богъ толико путій имъ свемогућство свое дѣломъ посвѣдочію. Ал' разяреный народъ неће ни да слуша, но стане спрематисе каменѣмъ ихъ потући. Наєдаредъ явисе Божія слава надъ скиніомъ свидѣнія, и Богъ рекне Мойсею: „Четрдесетъ дана были су промотрителы у Ханаану, четрдесетъ ће дакле година морати народъ Ісраильскій блудити тамо амо по пустыньи, и осимъ Навина и Халева неће ни єданъ отъ свію оныхъ, кои су изъ Египта изишли, видити землѣ Ханаанске." Мойсей по заповѣ-

сти Божіой сообшти то Ісраильтянма овако: „За невалялство ваше Богъ вамъ ову казнь отређуе: тѣлеса ће ваша у овой пустыньи иструнути; ни єданъ отъ васъ, окромъ Навина и Халева, неће у обѣћану землю ући. Дѣца ће ваша, коя іоштъ не знаю разликовати добро отъ зла, наслѣдити землю Ханаанску. Вы ћете осѣтити, шта то значи, кад' Я руку Мою скинемъ съ васъ. Вратитесе опетъ къ црвеноме мору!"

Она десеторица, кои су съ Навиномъ и Халевомъ проматрали Ханаанъ, и народъ на буну дигли, буду предъ цѣлымъ народомъ явно погублѣни. Сви, кои су изъ Египта изишли, мало по мало изумру у пустыньи.

Тако є казніо Богъ народъ, кога є изъ свію прочихъ народа избрао быо, коме є за любовь толика чудеса чиніо, коме є неброена благодѣянія указао. А казніо га є зато, што га ни благодѣянія ни казни поправити не могоше. О, тко се неће, имаюћи тай примѣръ предъ очима, отъ свега срдца гнушати неблагодарности, неповѣренія и непокорности Богу, а особито побуне и непослушанія спроћу началства и власти?!

62. Мойсеови яди.

Мойсею се разжали гледати, како великій народъ ньимъ изъ Египта изведеный стотинама тысућій людій пада, гине и умире! Гледи, како цѣо народъ опетъ постае земля,

а дѣца тога народа као новъ народъ рађаюсе, цвѣтаю и прирасћую. Дубоко у души своіой осѣти Мойсей, да є све на земльи суєта и да га нестае, а само Богъ и онай, кой извршуе волю Божію, да остаю вѣчно. Усладкой той радости своіой запои Мойсей:

„Господе! пребыванѣ наше єси само єданъ Ты отъ рода до рода. Пре, него што су планине постале, пре, него што є свѣтъ створенъ, Ты си отъ вѣчности до вѣчности!"

„Ты обраћашь люде у прахъ, и велишь: Ходи сад' опетъ ты, новый роде човѣчій. Тысућа є година у Твоима очима као ючерашньій данъ, као найманя частица ноћи."

„Животъ човѣчій прохуи као буица, извѣтри као санъ; люди вену као трава, коя у ютру зеленисе и цвѣта, а у вече се покоси и осуши; године су наше као паучина!"

„Животъ намъ трае седамдесетъ, найдуже осамдесетъ година; што є выше, то є трудъ и болесть! Брзо пролази намъ животъ као да лети. Ахъ, Боже! учини, да броимо дане наше, па да се опаметимо!"

„Благій Твой погледъ, Господе, Боже нашъ, управи на насъ! Господе! благослови намъ све, штогодъ у име Твое узрадимо!"

Любезни! ето колики су Мойсеови яди за паданѣмъ живота човѣчія! Можебыти гдѣкое васъ мысли: Заръ треба да и дѣца краткость живота на памети носе? О треба, треба заиста! И дѣца могу умрети; то знате и сами. Мыслите дакле о смрти, али не очаявайте, но паметни будите, т. є. учитесе зара-

на, да се не осланяте на оно, што ніе постояно заувѣкъ, него тражите спасеніе у єдномъ само вѣчномъ Богу, па се животомъ добро и управо ползуйте. Тако ћете и у смрти живити. А кад' намъ є животъ, тако рећи, єданъ текъ данъ, то є дѣтиньство найлѣпша часть дана — ютро животу. Посветите, Любезни, златно ютро то живота вашега Богу пакъ вамъ онда смрть, кад' приспѣ, неће быти страшна, него ће вамъ быти пріятна и умилна, као утруђеноме посленику красно и тихо вече лѣпога дана!

63. Послѣднѣ Мойсеове рѣчи.

Мойсей остари сасвымъ; часъ му се смрти приближи. Осѣћаюћи край живота свога сазове дѣцу Ісраилѣву и посовѣтуе ихъ са смртне постелѣ свое овако:

„Я морамъ у пустыньи овой умрети, нити ћу прећи преко Іордана. Вы ћете отићи тамо и наслѣдити красну ону землю. О будите свагда Господу Богу послушни!"

„Богъ васъ є избавіо изъ Египта, гдѣ сте страшне муке подносили. Отцева вашихъ было є само седамдесетъ душа, кад' су се у Египетъ доселили; а сад' васъ є Богъ умножіо као звѣзде на небу. Богъ васъ є преко велике и страшне пустынѣ провео, гдѣ капльице воде нема, гдѣ звѣрови дивіи и люте гуе смрћу дышу. Богъ вамъ є хлѣбъ съ неба слао, и изъ камена воду извео. Сад' васъ води Богъ у землю, преко кое тече медъ и млеко.

Има ли дакле кой међу вама, кой признати неће, да васъ є Богъ као добаръ Отацъ дѣцу свою отрааніо?"

О признайте! време є већь, признайте, и пріимите свесрдно ову истину: „Господъ Богъ вашъ єсть надъ свыма Господама Господъ, великій Богъ, свемогућь, Кой не гледи на лица, мыта не пріима, брани сироте и удовице, странне милуе, свакога раани и пои."

Ісраилю! шта друго иште Господъ Богъ Твой отъ тебе, него да Га почитуешь, путемъ Нѣговымъ да ходишь, свымъ срдцемъ и свомъ душомъ да Га любишь! Заповѣсть ова, кою вамъ даемъ, нити є высока за васъ нити є далеко отъ васъ; но сасвымъ є близу васъ, у устма є вашима, у срдцу є вашемъ зато, да ю лагше познати, признати и испунявати можете. Ако Бога любили будете, то ћете задуго владати надъ земльомъ, кою є Богъ дѣдовма вашима Авраму, Ісааку и Іакову обѣћао.

Драга Юносте! шта бы се могло къ бесѣди издышућега Мойсеа друго іошть додати, него то єдно, да отъ любови наше къ Богу и наша такође сва срећа и спасеніе наше завыси!

64. Мойсеова смрть.

Богъ рекне Мойсею: „Попнисе на планину Нававъ, да видишь съ нѣ землю, кою ћу дати дѣцы Ісраилѣвой, пакъ ћешь онда,

кад' ю видіо будешь, умрети. Мойсей отговори: „Боже! Ты си Господъ живота свію людій; избери само човѣка, кой ће послѣ мене быти войвода народу, да не остане народъ за мномъ као овце безъ пастыра."

Тако се Мойсей свагда о народной текъ срећи стара выше него за себе самога!

Богъ му рекне: „Навинъ Моимъ духомъ дыше; узми нѣга, предай му войводство, метни на нѣга руке твое, изведи га предъ Првосвештеника и цѣо народъ, па га прогласи за войводу умѣсто тебе, препоручи свему Ісраилю покорность спроћу нѣга."

Мойсей учини тако, као што му є Богъ заповѣдіо, и рекне Навину: „Не очаявай, но буди утѣшенъ; ты ћешь народъ овай у Богомъ обѣћану дѣдовма нашима землю увести и међу Ісраильтянма ю подѣлити. Богъ ће съ тобомъ быти, и крѣпка мышца Нѣгова неће те оставити."

А народу рекне Мойсей овако: „Богъ ће умѣсто мене дати вамъ Пророка, тога слушайте! А тко му не буде послушанъ, тай ће истреблѣнъ быти изъ народа."

Послѣ тога попнесе Мойсей на планину Нававъ, откуда му Богъ цѣо предѣлъ Ханаанскій покаже и рекне: „Видишь, то є земля, кою самь обѣћао Аврааму, Ісааку и Іакову. Сад' си ю видіо очима, но у ню ући нећешь."

Овымъ милымъ на лѣпый Ханаанъ погледомъ услади Богъ Мойсею смрть, и онъ таки затымъ умре тихо и блажено.

Тко є Богу, као Мойсей, вѣрно служіо, и о срећи се ближньихъ своихъ тако неутруђено бринуо, тай умире тихо и блажено као и Мойсей!

Тако исто великима и славныма чудесама, као што су она была, коима є Мойсей Ісраильтяне изъ Египта извео, Навинъ ихъ сасвымъ уведе у Ханаанъ. Цѣло єстество покори Богъ заповѣстма Навина, те су Ісраильтяни свуда безъ сваке препоне пролазили. Рѣка се Іорданъ раздвои, и они прећу преко нѣга сувомъ ногомъ. Стѣне Іеріхона, поглавите тврдынѣ Ханаанске, срушесе на гласъ трубе Ісраильтянске. Жители Ханаански, кои су у злочинству сваку мѣру претерали были, буду Навиномъ у отсудной битки побѣђени. Сунце и мѣсецъ послуже, те Навинъ совршену побѣду одржи!

Тако се покаже Ісраильтянма и овдѣ Богъ као Онай, Кой имъ є отцеве изъ Египта извео, и чудесы засвѣдочи Свое свемогућство, а наказаніемъ невалялыхъ Хананаца Свою правду!

СУДІЕ.

65. Званіе Гедеоново.

Ісраильтяни станесе у Ханаану, но и у томъ богатомъ и красномъ предѣлу брзо заборавe благодѣянія Божія, и почну грѣшити противу заповѣстій Божіихъ. Богъ ихъ казни зато тымъ, што є допустіо, да ихъ Мадіани надячаю и своіой власти покоре. Мадіани су за седамъ година єдно за другимъ долазили у време жетве, и као скакавцы нападали на Ісраильтянске ньиве, и толико ихъ є было, да нити ньи нити камиле имъ ньихове човѣкъ изброяти ніе могао. А куда су они прошли, туда є све потрвено, упропасћено, уништено, отнешено или отерано было. Єдва су се Ісраильтяни коегдѣ по пећинама отъ бѣснила ньиховога сачувати могли. Послѣ те седмогодишнѣ патнѣ свое осѣте Ісраильтяни, да имъ єданъ само Богъ помоћи може, па почну просити милости отъ Бога. Преблагій Богъ услыша ихъ.

У Ефрати, маломъ и незнатномъ градићу, живіо є у то време нѣкій младъ човѣкъ именемъ Гедеонъ. Къ овоме се єдаредъ сврати непознатъ путникъ, и рекне му: „Богъ съ тобомъ, Юначе!" Гедеонъ му отговори: „Да є Богъ съ нама, не бы намъ Мадіани тако досадити могли. За любовь нашихъ отцева

чиніо є Богъ у Египту чудеса, а насъ є сасвымъ занемаріо." Путникъ му отговори на то: „Теби ће Богъ снагу дати, те ћешь освободити Ісраильтяне отъ Мадіана." Милостиво обѣћанѣ то пріими Гедеонъ благодарно, и принесе жертву Богу. Путника нестане испредъ Гедеона напрасно, чимъ се овай подпуно увѣри, да є срећу имао съ Ангеломъ Божіимъ лицемъ къ лицу бесѣдити.

Юносте! и ова повѣсть показуе намъ, да Богъ люде, кад' грѣше, казни, а кад' се покаю и поправе, опетъ любовно пріима. Изъ повѣсти ове и то такође очигледно видимо, како Богъ смирене подиже и за велика дѣла употреблюе, а горделиве и высокоумне тымъ начиномъ посрамлюе.

66. Гедеонова побѣда.

Приспѣ опетъ време жетви, и Мадіани по своме обычаю нападну на ньиве Ханаанске. Гедеонъ затруби, да се скупе Ісраильтяни на войску. Но нѣгова войска та бяше спрамъ Мадіанске тако малена, да ніе смѣо ударити на непріятеля. Колико се онъ уплашіо быо, толико войска нѣгова іоштъ и већма. У той невольи помолисе Гедеонъ Богу овако: „Господе! ако намѣраваш рукомъ моіомъ избавити Ісраиля, а Ты учини, да роса само на руно ово падне, земля пакъ остане свуда унаоколо сува; онда ћусе увѣрити, да ћешь заиста мномъ избавити Ісраиля." Тако и буде; Гедеонъ нађе у зору руно оро-

шено, а землю сву суву. На то се опетъ онъ помоли Богу овако: „Господе! не гнѣвисе на ме, я бы іоштъ єдно знаменѣ просіо; нека сад' руно остане суво, а сва земля около нѣга росомъ омокрена." И ово се тако догоди, и Гедеонъ се сутраданъ зоромъ увѣри, да му є Богъ и сад' молбу испуніо.

Изъ ова два очигледна знаменя увѣренъ, да є Богъ управо ньимъ избавити Ісраиля заключіо, отиде Гедеонъ съ войскомъ своіомъ зоромъ іоштъ на изворъ Арадъ, откуд' прегледи сву Мадіанску войску. Ова є была неброена. Богъ рекне Гедеону: „Много имашь войске; нећу да се понесе послѣ Ісраиль и помысли, множство га є нѣгово избавило отъ Мадіана. Разгласи међу ньима: „Свакій, кой се бои силе Мадіанске, нека се врати кући." Гедеонъ разгласи то по войски своіой, на кое двадесетъ и три тысуће войника разиђусе, куд' є кой хтѣо; а у читавой войски остане ихъ само десетъ тысућій. Богъ опетъ рекне Гедеону: „Іоштъ є много войске у тебе; отведи ю на изворъ, пакъ свакога, кой рукама буде піо, метни на єдну, а оне, кои клечећи успію, на другу страну." Гедеонъ уради тако, да ихъ є само триста рукама воду зайтало, а други су сви поклецали, рукама се на землю наслонили, главу на воду сагнули, и тако воду устма изъ извора сркали. На то рекне Богъ Гедеону: „Съ овыхъ ћу триста людій избавити Ісраиля; друге разпусти."

Отъ своихъ триста войника састави Гедеонъ ноћу три чете; свакоме момку даде

трубу и празанъ землянъ крчагъ, у комъ є упалѣна свѣћа сакрывена была, и рекне имъ: „Пазите на ме; што я будемъ учиніо, то да свакій васъ учини!" Затымъ приближесе лагано све три чете къ стану Мадіанскоме, и обколе га съ три стране у глуво доба ноћи. Мадіани су сви као мртви спавали. Гедеонъ уђе у станъ међу ньи, затруби, удари крчагомъ о землю, дигне ужежену свѣћу, и повикне высокимъ гласомъ: „Мачъ Господань и Гедеоновъ!" У тай истый махъ учине и сви нѣгови войницы тако. Неописаный страхъ нападне на Мадіане, скоче буновни отъ сна, и съ якомъ разбѣгнусе куд' кой.

Тако лагкимъ начиномъ избави Богъ Ісраильтяне отъ найвеће несреће, кою су грѣхомъ на се навукли были, и то избави ихъ таки, како су се покаяли, поправили, и тымъ заслужили, да ихъ спасе.

И свакоме грѣшнику, кой се у бѣди и невольи нађе, повѣсть ова каже: **Поправисе, и положи сву надежду на Бога, пакъ ће те Богъ избавити!**

67. Гедеонови сынови.

Видећи Ісраильтяни, да є Гедеонъ побѣдіо Мадіане сасвымъ, зажеле благодарити му зато особитымъ начиномъ, па му рекну: „Буди намъ Царъ, послѣ тебе сынъ твой, а послѣ овога унукъ твой!" Смиреный Гедеонъ отговори: „Нити ћу я нити сынъ мой нити унукъ мой царствовати надъ вама; Самъ

Господъ Богъ нека є Царъ вашъ отсад' па до вѣка."

Гедеонъ є отъ выше жена своихъ имао седамдесетъ сынова, и ни єданъ отъ ньихъ не усхтѣ Царемъ быти осимъ єднога само Авімелеха, кой є врло гордъ и славолюбивъ быо. Послѣ смрти отца свога отиде у Сихемъ, откуд' му є мати родомъ была, па рекне роѣакма своима и жительма града тога: „Или ћете, да седамдесетъ людій сви сынови Гедеонови надъ вама владаю? или да имате єднога само Господара? Но не заборавите, да самь я роѣакъ вашъ." Сихемцы га као роѣака свога драговольно пріиме, и даду му седамдесетъ сребрняка, а онъ скупи съ тымъ новцемъ нѣколико бездѣлника и скитница, те отиде съ ньима у Ефрату у домъ отца свога, и поубія — о чія се овдѣ душа сгрозити неће! — сву свою браћу! Наймлаћій отъ ньихъ именемъ Іоатамъ срећно нѣкако утече. На то Сихемцы прогласе Авімелеха Царемъ своимъ.

Кад' чуе то Іоатамъ, а онъ се попне на планину Сихемску, и стане викати отуда овако: „Сихемцы! послушайте ме, пакъ ће и васъ Богъ услышати! Дрва се єдномъ скупе, да изберу Цара себи, и рекну најпре маслини: Буди намъ ты Царъ! Маслина отговори: Шта? да я оставимъ мастанъ сокъ мой міо и Богу и людма, па да Царъ будемъ надъ дрвама? — Позову смоковницу: Ходи ты и буди намъ Царъ! а она имъ отговори: Нећу я сладакъ мой плодъ оставити и царовати

надъ вама. — Сад' се яве дрва лози віновой: Буди намъ ты Царъ! Ова се такође не усхтѣ тога пріимити, и рекне: Да я оставимъ сладко віно мое, кое весели срдца людій, па да надъ дрвама владамъ? — Дрва рекну трнякy: Ходи, буди намъ ты Царъ! Трнякъ имъ отговори: Ако обистине желите, да царуемъ надъ вама, а вы ходите у присѣнку мою; ако ли се само притварате и не говорите истину, то нека изађе изъ мене ватра и попали све кедре Ливанске! — Сихемцы! — продужи Іоатамъ говорити — єсте ли дакле вы съ отцемъ моимъ Гедеономъ поступали честно и право? Єсте ли му наградили заслуге нѣгове? Онъ васъ є са опасносћу живота свога избавіо изъ руку Мадіана, а вы му поубіясте сынове,и изабрасте за Цара Авімелеха убійцу зато, што вамъ є рођакъ. Ако є то честно и право, а вы срећни были съ Авімелехомъ и онъ съ вама! Ако ли є неправо и безчестно, то знайте, да ће изъ Авімелеха ватра изићи, и Сихемце прождерати, а и изъ Сихемаца ће ватра изићи и упропастити Авімелеха."

Любезни! шта мыслите о томъ, што Іоатамъ наводи дрва да су међу собомъ говорила? Тко є кадгодъ чуо, да дрва могу говорити? Но вы сте безъ сумнѣ већь слушали за таке повѣсти, кое се съ томъ намѣромъ измышляваю, да се наука каква — особито дѣцы и простыма людма — болѣ яснымъ учини. Таке измышлѣне повѣсти именуюсе б а с н е! Ово є єдна отъ найстаріихъ и найкраснійихъ

басній. Она учи, како є лѣпо быти смиренъ, а како є гадно быти гордъ. Смиреный, кой отъ срдца тежи добаръ быти, и само у добрыма дѣлма радость налази, нити тражи споляшнѣ сяйности, подобанъ є благородныма у овой повѣсти воћкама, кое су пуне сладкога сока, найдрагоцѣніи плодъ носе, па отискую отъ себе и само царско достоинство. Напротивъ тога гордельивый, кой нема унутрашнѣ доброте, изъ штеславія све чини, подобанъ є сувоме трню, кое или никакавъ или опоръ плодъ носи, боде, лагко се запали, често велику несрећу узрокуе, пакъ іошть хоће да Царъ буде.

То намъ исто каже и повѣсть Гедеона и нѣговыхъ сынова, кои су у той дрва басни тако живо представлѣни. Смиреномудреный Гедеонъ, овай великій народа свога благодѣтель, и нѣгови добри сынови подобни су благородныма воћкама. Гордый братоубійца Авімелехъ подобанъ є трню. Коме желите вы подобни быти? Любезни мои!

68. Смрть Авімелеха.

Авімелехъ є три године мирно царовао, а послѣ омрзну на нѣга и сами нѣгови Сихемцы. Нѣкій странъ човѣкъ именемъ Гаалъ дође у Сихемъ, и іошть већма ихъ побуни.

Єдномъ у ютру, кад' се сунце рађало, стаяо є Гаалъ предъ градомъ на враты; узъ нѣга быо є и градоначалникъ Зевулъ. У тай истый махъ се силазіо Авімелехъ съ войскомъ

своіомъ съ планине. Томъ приликомъ рекне Гаалъ Зевулу: „Погледай, коликій то народъ иде съ планине; тко су тіи люди?" Зевулъ му отговори: „Ты не видишь добро; дрва планинска бацаю сѣнъ, а теби се чини, да су главе людске." Гаалъ на то рекне: „Нема ту тога; то є войска! гле колика и оандѣ изъ долине иде чета, а ено и отъ онога тамо великога раста єдне!" Зевулъ поносито му рекне: „Гдѣ ти є твой дугачакъ єзыкъ, те сад' не зипарашь: тко є Авімелехъ, да му служити морамо? Ето видишь Гаале! то є онай народъ, кой си ты презирао; иди сад' предъ нѣга, ако си юнакъ!"

Ал' се Гаалъ не уплаши те поносите претнѣ, него скупи Сихемце, и съ ньима сложно упустисе у бой противу Авімелеха, надяча га, освои и разори градъ. Єдна часть Сихемаца склонисе у нѣкакву велику дрвену кулу. Авімелехъ умакне на планину, отсѣче у шуми сѣкиромъ грану, метне ю на раме, и рекне своима людма: „Што видите да самь я урадіо, учините и вы то исто таки!" На махъ отсѣку свакій по єдну грану, и пођу тако сви съ гранама. Свуда около куле побацаю гранѣ и запале га, и тако сви у кули погину у дыму и ватри. Изъ Сихема отиде Авімелехъ у Тивісъ градъ, кой є близу Сихема био, и усхтѣ и овдѣ упалити кулу, у коіой є такође сакрывеныхъ людій было. Кад' є подъ куломъ томъ ватру подмећао, бацы єдна жена съ куле на нѣга великій уломакъ жрвня, сгоди га у главу и сдрузга му мозакъ. И у самомъ

издысаю не остави га гордость, но повиче на момка свога: „Извуцы мачъ, те ме убій, да не говоре за мномъ по смрти: убила га жена!" — Момакъ га пробурази.

Тако падне братоубійство Авімелеха на нѣгову главу. Дотлѣ га є довела гордость нѣгова; држао є себе за найвећега юнака, а тога надяча ето жена! Богъ казни злочинце преко злочинаца. Авімелехъ и Сихемцы сложесе, те поубіяю Гедеонове сынове; а сад' ето опетъ упропасти Авімелехъ Сихемце, и Сихемцы упропасте нѣга, као што є и предсказао Іоатамъ.

69. Рутино вѣрно шріятельство.

За живота Гедеонова, кад' су Мадіани отъ Ісраильтяна марву и раану отимали, буде гладь и велика скупоћа у земльи Ханаанской. Тога ради Еліменехъ нѣкій са женомъ своіомъ Ноеміньомъ и два сына своя отселисе изъ Витлеема у нѣко село Моавско. Ту умре Еліменехъ, и на десетъ година за ньимъ умру и нѣгова обадва сына, кои су оженѣни были. Ноеміня остане саморана безъ мужа и дѣце. Слушаюћи, да се Богъ на народъ Ісраильскій смиловао и довольнымъ га хлѣбомъ благословіо, спремисе на путъ у Ханаанъ. Орфа и Рута, двѣ снае нѣне, пођу съ ньомъ; но кад' се мало поудале отъ села, рекне имъ Ноеміня: „Вратитесе вы кући, нека вамъ Богъ плати за велику любовь, кою сте мени и покойныма сыновма моима свагда

указывале. Срећне, Богъ дао, быле у наручію другихъ вашихъ мужева!" То рекне, и полюби ихъ обадвѣ. Ѣцаюћи и съ плачемъ отговоре іой оне: „Мы идемо съ тобомъ къ народу твоме." Свекрва имъ опетъ рекне: „Драге мое кћери! вратитесе вы; а и шта ћете са мномъ? я вамъ отсад' помоћи не могу; вашимъ бы страданѣмъ и мое текъ веће бывало. Мене є Богъ и тако яднымъ животомъ посѣтіо; богата самь дошла међу васъ, а сад' се сирота и оставлѣна опетъ натрагъ враћамъ." Снае іой се іопитъ већма заплачу на те жалостиве рѣчи; Орфа ю полюби у руку и вратисе, а Рута никако се не хтѣде разставити отъ свое свекрве. Ноеміня іой рекне: „Видишь, кћерко, єтрва ти се вратила кући, иди и ты съ ньомъ!" Рута іой отговори: „Кудгодъ ты, друга мати моя, пођешь, и я ћу тамо съ тобомъ; гдѣгодъ ты станешь, ту ћу стати и я. Твой є народъ и мой народъ, твой є Богъ и мой Богъ. Гдѣ ты умрешь, ту ћу и я саранѣна быти; єдна ће само смрть насъ двѣ разставити моћи. Зато молимъ те, не говори ми выше о разстанку!" Видећи Ноеміня, да іой є сна тврдо наумила ићи съ ньомъ, ућути, нити іой є выше о разстаяню споменути хотѣла.

Драга Юносте! може ли быти већа любовь? већа вѣрность? Тко неће тако красну душу высокопочитовати? тко іой не бы подобанъ быти желіо?

I. 7. Стр. 129.

Joh: Schindler. del: Joh: Boehm: Sc:

Боозово благодѣтелство.

70. Воозово благодѣтельство.

Ноеміна и Рута у дружству єдна съ другомъ дођу срећно у Витлеемъ. Доба є жетви было и Рута рекне свекрви: „Ако ти є повольно, я идемъ на њиве, да купимъ влаће за жетеоцма, ако гдѣ нађемъ тако душевнога човѣка, те ми то допусти.“ Ноеміна іой отговори: „Иди, кћери моя!“ Рута отиде и почне скупляти житно влаће за жетеоцма. Божія ю воля намѣрила была на њиву Вооза, човѣка врло богатога и честнога. Случайно дође и онъ самъ на њиву ту свою, назове Божію помоћь жетеоцма, и запыта ихъ: „тко є она жена, што влаће купи?“ Они му отговоре: „то є она Моавиткиня, коя є съ Ноеміньомъ дошла; молила є, да за нама купити смѣ влаће, и іоштъ отютросъ све єднако купи.“

Воозъ ю зовне къ себи, и рекне іой: „Кћери моя! не иди ни на чиіой другой њиви скупляти влаће, но само на моима њивама; држисе само мое челяди; я ћу слугама моима заповѣдити, да се не усуде увредити те. Кадгодъ ожеднишь, напійсе изъ ссуда, изъ кога и мои люди пію.“ Рута му се поклони и рекне: „Чимъ самь я то заслужила, да самь у очима твоима толику милость нашла — я туђинка?“ Воозъ іой отговори: „Чуо самь я све, колико си ты добра учинила свекрви твоіой послѣ смрти мужа твога. Нека ти Богъ то добро наплати!“ На то Рута рекне: „Доста ми є наплате со тымъ, што самь у твоима очима милость нашла. О како си ме

добротомъ твоіомъ утѣшіо! я самь маня отъ твое послѣднѣ служкинѣ, а ты опетъ тако пріятельски бесѣдишь са мномъ!"

У време ужине зовне Воозъ Руту: „Ходи съ нама ужинати!" Она сѣдне са жетеоцма, наситисе и узме нѣшто мало єла и за свою свекрву. Послѣ ужине устане, пакъ таки опетъ стане радити свой посао. Воозъ заповѣди слугама, оставляти влаће, и да се ни єданъ не усуди преке іой рѣчи реѣи. Рута є прилѣжно собирала до самога вечера, омлати свое влаће, и добые три мѣрице раане.

Юносте! Воозъ є имао добро срдце; съ маньима отъ себе разговарасе любезно, раани гладнога, пои жеднога, дѣли сиротама богато, и изъ учтивости тако нареѣуе, да то ни саме сироте не примѣте. А видите ли, Любезни, како є Рута послушна, трудолюбива, задовольна у своіой сиротыньи, тиха, благодарна! О Любезни! трудитесе и паштите быти тако добри као Воозъ и Рута!

71. Рута се уда за Вооза.

Рута отнесе скуплѣну раану свекрви, и даде іой што є отъ ужине за ню оставила. Ноеміня рекне: „Гдѣ си, кћерко, данасъ влаће собирала? благословенъ быо онай, кой се тако смиловао на те!" Рута отговори: „Човѣкъ, на кога самь ньиви собирала, зовесе Воозъ." Ноеміня радостно повикне: „То є сродникъ нашъ; Богъ му сваку срећу дао, кад' є тако добаръ и милостивъ! Свагда є онъ

добаръ бıо нашима за живота ньихова, а сада послѣ смрти ньихове чини ето и нама добро. Кћери моя! собирай свагда влаће на нѣговыма ньивама, на другой чиіой ньиви могао бы те ткогодъ увредити." Осимъ тога посовѣтуе ю іоштъ, како треба да се у томъ своmъ послу мудро влада. Рута отговори: „Све, штогодъ ми совѣтуешь и унапредакъ совѣтовала будешь, я ћу радо и свесрдно чинити."

Свакій данъ є Рута на Воозове ньиве отлазила, и за жетеоцма влаће купила, докъ найпослѣ сва раана на гумна се свезе. Кад' проће жетва, рекне Воозъ Рути: „Тебе є, кћерко, Самъ Богъ благословіо; не знамъ, или ти є лѣпше владанѣ или любовь, кою си свекрви твоіой указала. Сви люди за тобомъ говоре, да си добродѣтельна жена. Ако никоме не буде противно, я ћу те узети за мою жену."

Воозъ сообшти ту намѣру свою старѣшинама, кои се обрадую томе, и овако му честитаю: „Да Богъ благослови жену, коя у домъ твой улази, као што є благословіо Рахилю и Лію матере дѣцы Ісраильской. Жена твоя была да Богъ да узоръ свію добродѣтелыій, име іой се прославило у Витлеему!"

Тако се уда Рута за Вооза. Богъ іой даде сына, коме буде надѣнуто име Овидъ. Жене Витлеемске отнесу дѣте то къ Ноеміньи, честитаю іой и рекну: „Ево сына снае твое, коя те отъ свег' срдца люби, и выше ти радости чини, него што бы ти седамъ роће-

ныхъ твоихъ сынова чинити могли. Благословенъ Господъ, Кой ти є унука даровао, да те се у старости твоіой прихвати!" Ноеміня у радости узме дѣте на крыло, и благодари Богу на Нѣговой превеликой милости.

Ето, Любезна Юносте, како не оставля Богъ никада вѣрность, трудолюбіе и честность безъ награде. Изъ ове повѣсти и томе се учимо, да се найвећа женскоме полу красота состои у добродѣтельи, коя и найсиромашніе дѣте чини предъ Богомъ и людма достойніимъ любови, него да є златомъ и драгимъ каменѣмъ обасуто.

72. Илій и нѣгови сынови.

Првосвештеникъ Илій живіо є у Силому, гдѣ є ковотъ завѣта быо. Овамо є свакій доносіо првенце свога стада и стоке свое съ десеткомъ отъ свію плодова, и жертвовао ихъ Богу. Илій є имао два сына Офни и Фінееса. Обоица су была зла и неваляла дѣца не боећисе нит' срамећи ни Бога ни людій; жертве са самога су жертвеника крали и отъ людій силомъ отимали. Отацъ ихъ є доста совѣтовао и говоріо имъ овако: „Какве тужне гласове морамъ да слушамъ за васъ! зашто чините толика зла? цѣломе народу већь є додіяло ваше неваляло владанѣ, пакъ починѣ већь роптати явно. Престаните дакле чинити те покоре и соблазне, и злымъ примѣромъ вашимъ друге люде на грѣхъ наводити." Благимъ тако начиномъ често ихъ є совѣтовао

отацъ, али казнити ихъ, као што су заслужили, не усхтѣ, премда є видіо, да му синови презиру красне нѣгове совѣте.

У то време живили су мужъ и жена Елканъ и Анна, обое Богобоязльиви люди са сынчићемъ своимъ Самуиломъ, кога отведу и предаду Ілію Првосвештенику съ овомъ препорукомъ отъ стране матере: „За ово самь се дѣте дуго Богу молила, и Богъ є услышао молитву мою, те ми га є поклоніо; зато нека буде за цѣлога живота свога Богу посвећено, єръ є отъ Бога и измолѣно."

Малый Самуилъ остане кодъ Иліа служећи му, кад' є жертве людске Богу приносіо. Зли примѣри сынова Іліевыхъ не заразе Самуила ни найманѣ; онъ є растао како тѣломъ тако и душомъ, па буде драгъ и міо и Богу и людма.

Но ни добаръ примѣръ отъ Самуилове стране не поправи сынове Іліеве. Найпослѣ пошлѣ Богъ къ Ілію нѣкога нѣму сасвымъ непознатога светога мужа, кой му овако рекне: „Самъ Господъ Богъ то ти каже: Обѣћао самь ти, да ће изъ дома твога браћа твоя и сынови твои бывати заувѣкъ Свештеницы Мои; а саде то кажемъ: Тко Мене презире, тай мора и самъ презрѣнъ быти. Я ћу Мени другога вѣрнога Ми Свештеника избрати, кой ће све оно чинити, што є Мени повольно."

Любезни! казнь, коя є постигла послѣ неваляле сынове Іліеве, валя да уліе страхъ у срдце свакога невалялога дѣтета; но я се надамъ, да неће међу вама быти таквога не-

валялца, кой — ако се и не бы морао казни бояти — и самъ по себи не бы склонѣнъ био, подобанъ быти маломе доброме Самуилу, а не сыновма Иліевыма невалялыма.

73. Самуилова покорность и искреность.

Єдномъ спавао є Самуилъ у скиніи свидѣнія, гдѣ є ковотъ Завѣта стаяо. Златанъ свѣћникъ са седамъ свѣћа свѣтліо є предъ ковотомъ. Илій спавао є близу на другомъ мѣсту. Было є вечь предъ зору, кад' се зачуе гласъ: „Самуиле! Самуиле!" Онъ помысли, да га Илій зове; устане таки, отрчи къ Илію и рекне: „Ево ме, што ме зовешь?" Илій отговори: „Я те нисамь звао; иди, спавай!" Самуилъ легне, а нѣтко га опетъ повиче, као и пре. Онъ скочи, дође къ Илію, и рекне: „Сад' си ме заиста звао." Илій отговори: „Сыне мой! я те нисамь звао; иди, лези!" Самуилъ отиде и опетъ легне, па на трећій гласъ устане трећій путъ, отиде къ Илію и рекне: „Ево ме, што ме зовешь?" Илій дозна, да Богъ Самуила зове, па му рекне: „Иди, сыне, лези, пакъ, ако іоштъ єдаредъ чуешь гласъ, а ты рецы: „Говори, Господе! слуга Те Твой слуша." Самуилъ легне, а Богъ га опетъ зовне: „Самуиле! Самуиле!" Онъ отговори: „Говори, Господе! слуга Те Твой слуша." Богъ продужи бесѣду Свою: „Нѣшто ћу учинити у Ісраилю, да ће свакоме уши отъ тога запиштати. Освануо є данъ, да казнимъ Иліа и нѣгове сынове. Онъ є добро знао, да му се

сынови зло владаю, па ихъ опетъ ни прекимъ окомъ за то погледати а камо ли казнити ніе хотѣо. Тога самь се ради заклео не заглади-ти грѣхъ на вѣки ни дарма ни жертвама."

У ютру устане Самуилъ и отвори врата скиніе. Ніе се могао усудити, явити Илію о томъ, што му є Богъ казао. Но Илій га самъ упыта: „Самуиле сыне! шта ти є говоріо Господъ? не таи отъ мене!" Самуилъ приповѣди све и не затаи ништа. Илій, свагда Богу покоранъ, рекне: „Богъ є Господъ! нека буде, што є Нѣму повольно!"

Любезни! како є послушанъ быо Самуилъ! устае съ постелѣ триредъ на позывъ, и сасвымъ онако чини, као што му є старацъ рекао. Єсте ли и вы, Любезни, тако послушни као Самуилъ врстнякъ вашъ? Ахъ, колико има дѣце, коя се дваредъ и толико путій даю звати, докъ се єдва єдаредъ съ мѣста крену! Колико има и таке дѣце, коя се срде, кад' имъ се што заповѣди, кое имъ потежко пада урадити! О не будите никада подобни той непослушной дѣцы! Сѣћайтесе Самуила, особито кад' вамъ покорность хоће да дотешча, и угледайтесе на нѣга! Гласъ вашихъ родителя и учителя за васъ є гласъ Божій. Преко ньихъ опоминѣ васъ Богъ, да се отъ зла чувате, и само оно чините, што є добро и Богоугодно.

Іоштъ и искреность Самуила заслужуе споменута быти. Тежко му є было сообштити Илію оно, што є старца безъ сумнѣ морало опечалити; и опетъ му све искрено от-

крые. О Любезни! будите и вы тако искрени; кад' васъ родитељи за штогодъ пытаю, кажите имъ свагда све искрено, ма вамъ како тежко было истину казати, па ма се и саме казни бояли! Родитељи ће вамъ за искреность вашу опростити погрѣшку, па васъ само пріятељски любовно управити на добаръ путъ. Дѣте є оно већь пропало, кое є спрамъ своихъ родитеља и учитеља неискрено и лукаво; дѣтету томе нема већь выше помоћи ни спасенія.

74. Казнь Иліа и нѣговыхъ сынова.

Не само Иліеви сынови но и народъ было є Богу непокоранъ. Богъ га казни ратомъ и Філістімяни, дивій на ратованѣ свагда готовъ народъ, нападну на Ісраильтяне, побѣде ихъ, и четыри тысуће людій отъ ньихъ поубіяю на боишту, а остале узбію у станъ.

Старѣшине Ісраильски скупесе, и овако међу собомъ посовѣтую: „Зашто є допустіо Богъ, да насъ Філістімяни надячаю? Да донесемо кивотъ Завѣта изъ Сілоама овамо у станъ!" Два сына Иліева донесу кивотъ, кое развесели и охрабри Ісраильтяне. Філістімяни нападну опетъ, потуку Ісраильтяне сасвымъ тако, да ихъ є у бою тридесетъ тысућій людій мртвыхъ пало, а кой є живъ остао, тай се до куће ніе зауставіо. Кивотъ Завѣта падне непріятелю у руке; Офни и Фінеесъ остану мртви на боишту.

136a

Joh: Schindler. del. M: Pölzel. sc.

Казнь Иліа и нѣговыхъ сынова.

Илій є у то време сѣдіо предъ скиніомъ на враты забринутъ. Вељь є био у деветдесетосмой години живота свога. Гласоноша дотрчи у градъ, и каже све што се догодило. Савъ градъ се затресе отъ тежка плача. Илій, слушаюћи плачъ, запыта, шта є? Гласоноша му приступи и овако рекне: „Ісраиль є потученъ, обадва су ти сына погинула, кивотъ є у рукама непріятеля!" Како Илій чуе за кивотъ, таки се сгрува преко столице наузнако, пребіе леђа и умре.

Філістімяни задрже кивотъ Завѣта кодъ себе пуныхъ седамъ мѣсецій, и онда га своевольно врате Ісраильтянма; єръ су страшне бѣде и неволѣ наилазиле на ньи за то време, доклѣ є кивотъ кодъ ньихъ био.

Іошть васъ єдаредъ опоминѣмъ, Любезни! Будите родительма своима покорни! Ето видите, како страшно казни Богъ непокорну дѣцу а и оне родителѣ, кои не исправляю непокорну дѣцу свою!

75. Самуилова побѣда и жертва.

Народъ Ісраильскій падне сасвымъ подъ власть Філістімяна; страхъ се распростран по цѣлой земльи, нитко не може да постигне, зашто є Богъ тако велику несрећу послао на ньи. Кивотъ су Завѣта почитовали са крайньимъ страхомъ, онъ имъ є био светыня, био имъ є у рукама — пакъ опетъ имъ то све не поможе. Єсть истина; али є ньи

несрећа та зато постигла, што имъ страхопочитаніе то ніе было чисто и отъ срдца. Ковчегъ, у комъ су заповѣсти Божіе чували, Ісраильтяни су, истина, оковали златомъ, али заповѣсти те испунявали нису. Ето откуд' и зашто наиђе на ньи та страшна несрећа!

Самуилъ буде имъ избавитель. Онъ скупи малодушію преданый народъ свой, и покаже му, шта га єдно само спасти може. Ако се, рекне очаяныма Ісраильтянма, къ Богу отъ срдца обратите, и у свачемъ Божіима заповѣстма покорни будете; онда, и то само онда ће васъ Богъ изъ руку Філістімяна избавити.

Народъ цѣо тай данъ не окуси ништа отъ тежке жалости и усрднога покаянія. „Согрѣшилисмо Богу!" — повикну сви у гласъ и єднодушно. Самуилъ заколѣ ягнѣ и принесе га Богу на жертву, да бы се Богъ смиловао на народъ и помогао му. Господъ Богъ услыша молитву Самуилову. Доклѣ є іоштъ жертва горѣла, насрну Філістімяни и трећій путъ. Но Богъ страшно затутньи съ неба; отъ силныхъ громова уплашесе Філістімяни, нагну бѣжати, и не зауставесе до свое постойбине.

Тако докаже Богъ Ісраильтянма очевидно, да споляшнѣ Богопочитаніе безъ унутрашнѣ срдца доброте не ползуе ништа, и да истинито почитуе Бога само онай, кой заповѣсти Божіе вѣрно испунява.

Самуилъ узме каменъ и исправи га на краю предѣла Ісраильскога као смоменикъ. Кад' є Самуилъ подигао споменикъ тай, повикало му є изъ нѣга благодарно и весело срдце нѣгово: „Довдѣ намъ є Богъ помогао!"

ЦАРЕВИ.

76. Пастырче Давідъ.

Првый Царъ надъ Ісраилѣмъ быо є Саулъ, найблагообразніи и найлѣпшій човѣкъ у цѣломъ народу, своmъ главомъ вышшій отъ свію людій по Ісраилю. А покрай тога быо є іоштъ храбаръ и благодушанъ.

Али га достоинство Царско учини продрзльивымъ, срећа пакъ у воеваню граблывымъ. Побѣдивши Амаликитяне подигне себи побѣдный сводъ, а не Богу благодарности жертвеникъ; а што є годъ болѣ стоке кодъ Амаликитяна сграбити могао, то є све освоіо.

Пророкъ Самуилъ, видећи, да є Саулъ сишао съ пута Божіега, отиде къ нѣму, па му рекне: „Допусти ми, да ти кажемъ, шта ми є ноћасъ Богъ казао за тебе. Кад' си у твоима собственыма очима незнатанъ быо, онда те помаза Богъ на Царство. Зашт' не слѣдова єднако заповѣсти Божіой? него се даде на грабежъ, те учини тымъ велико зло предъ очима Господа Бога. Као што си дакле ты заповѣсть Божію погазіо, тако и тебе Богъ отбацуе отъ Себе, узима ти сирѣчь царство и дае га болѣм' отъ тебе."

Самуилово, као и свакога светога волѣ Божіе извршителя, срдце было є пуно любови, па є отъ тога доба єднако тужіо и уздысао за Сауломъ. Зато му рекне Богъ: „Доклѣ ћешь вечь тужити за Сауломъ? иди у Витлеемъ къ Іессею сыну Овідову; избрао самь за Цара єднога отъ сынова нѣговыхъ.“

Самуилъ учини по заповѣсти Божіой, принесе Господу Богу жертву, и зовне старца Іессеа са сыновма на ужину къ себи. Еліавъ, найстаріи сынъ, высокъ и лѣпъ човѣкъ, уђе првый у собу. Самуилъ помысли, то ће быти Помазаникъ Божій; но Господъ му рекне: „Не гледай на обликъ и высину; Я не судимъ по споляшности, као што люди чине; Я срдце сматрамъ.“

Отацъ зовне Аміна дава, и представи га Самуилу. Ни овога, рекне Самуилъ, ніе Богъ избрао. За тымъ изведе Отацъ Саму; и за овога рекне Самуилъ као и за Аміна дава. Сад' представи Самуилу Іессей све свое сынове наєдаредъ, а Пророкъ отговори: Ни єднога отъ овыхъ ніе Господъ избрао, и запыта Іессеа, єсу ли му овдѣ сви сынови? Іессей каже, да єсу сви окромъ найманѣга Давіда, кой є кодъ оваца. Самуилъ заповѣди, да се тай часъ пошлѣ по Давіда; єръ се не смѣ, рече, сѣсти за ужину, докъ и тай наймлађій сынъ не дође амо.

Іессей пошлѣ по Давіда, и кад' овай дође, буде и онъ представлѣнъ Самуилу, и тай часъ рекне Самъ Господъ Пророку: „Устай, помажи га, то є Избраный!“

Самуилъ узме рогъ свой съ улѣмъ, и помаже Давіда сред' браће нѣгове. Духъ Господань изліесе отъ тога дана надъ Давідомъ, и пребуде съ ньимъ.

Драга Дѣчице! у овой красной повѣстицы особито намъ лѣпо и ясно Преблагій Богъ показуе, како му є отвећь гнусна гордость и непослушность, а мила и повольна смиреность. Свака споляшность — найвећа лѣпота, слава юначства, а и сама найвышша честь предъ людма — у очима Божіима ништа є. Ніе Богу наймиліи онай, кой є найвећій и найугледніи, него онай, кой є найболый, пакъ ако ће и найманый и отъ людій найпрезрѣніи быти. Зна Богъ и за найсиромашніе пастырче у полю, и люби га и цѣни, само ако Му є послушно.

77. Давідъ кодъ своихъ оваца.

Да є Давідъ было младићь добаръ и благонадежданъ, видисе изъ тога, што га є Богъ на достоинство Царско позвао. Но то исто видисе и изъ владаня нѣговога дотлѣ. Истина до тога доба ништ' выше о нѣму не знамо осимъ тога, да є овце чувао. Ал' како є онъ и кодъ оваца Богоугодно проводіо свою младость, доказую свете пѣсне нѣгове, кое се зову „Псалми." Онъ є у самоћи своіой сматрао дѣла Божія съ найсрдечніомъ радосћу; и отъ радости пѣсне пѣвао на славу Творца, Кой є тако красно и добро створіо све, па пѣваюћи іоштъ и у гусле ударао. Гдѣкою

пѣсну отъ оныхъ, кое отъ нѣга имамо, можда є іоштъ у то доба саставіо; ал' ємачно и у оныма, кое є у старости сочиніо, она се налазе блажена осѣћаня, коя су му млађаный животъ сладила на отца свога ливадама кодъ оваца. Знамъ, да ће ти, мила Юносте, драго быти, чути кою Давідову пѣсну; примѣра ради ево ћу ти кою казати.

Пре свега мамило є Давіда къ почитанію Бога сматранѣ красоте небесне и рађаюћегасе сунца; при томъ є овако пѣвао: „Небеса проповѣдаю славу Божію, и горньій неба сводъ дѣла руку Нѣговыхъ. Данъ се дану отзыва, а ноћь ноћи. Нема рѣчи те, у коіой се не бы разумѣо тай ньиховъ гласъ; по свой земльи труби тай и орисе отконъ доконъ свѣта. Сунце свой юначкій путъ прелази весело, на єдномъ краю свѣта излази, па тече до края другога; нема тога, кой бы се сакрыо отъ жаркости нѣгове."

Давіду изъ дубльина срдце игра отъ радости, кад' пролѣћемъ види лѣпо и богато украшену землю, па благодаранъ слави благость Божію овако: „Боже! Ты радость чинишь свачему отъ исход' сунца до запад'. Ты посѣћуешь землю, напаяшь ю благодатномъ росомъ и кишомъ, те іой тако дарывашь изобилѣ. То Ты чинишь, што жито расте; землю приправляшь, бразде іой влажишь, па тако Тобомъ умегшана ньива избія класъ и влатъ. Благость Твоя меће вѣнацъ на лѣто. Све є пуно благослова Твога; пустынѣ су Тобомъ богате и красне, планине веселѣмъ

опасане; равно полѣ одѣвашь овцама, долине покрывашь пшеницомъ. — Све є весело, све пѣва и пои."

Давіду є сваштa у єстеству служило за науку. Отъ безазленога н. пр. ягнѣта, кое є радо и весело ишло за нѣговымъ гласомъ, учіосе онъ, да и нѣму валя радостно се покоравати гласу Божіем', и съ пунымъ повѣренѣмъ слѣдовати, пакъ онда не стрепити ни отъ саме смрти. Весео є пѣвао Давідъ: „Господъ є пастыръ мой; ништ' ми дакле оскудѣвати не може. На зеленомъ полю станіо ме є, кодъ воде спокойне отрааніо ме є; тихомъ стазомъ води ме, пакъ ако найпослѣ и поћемъ тамномъ смрти долиномъ, нећу се уплашити, єръ Ты си узаме, о Боже мой! жезалъ Твой и палица Твоя тѣше ме и храбре."

Само іоштъ єданъ примѣръ, съ каквымъ є сладкимъ и побожнымъ осѣћанѣмъ славіо Давідъ Бога, кад' бы ноћу кодъ скуплѣнога около себе стада свога на осуто свѣтлым' звѣздама небо погледао: „Господе Боже нашъ! — говораше онъ — како є славно име Твое на небу! Изъ уста младенаца и напрсчади свршіо си Ты хвалу Твою. Погледимъ ли на небо, кое є Твоихъ руку дѣло, на мѣсецъ и звѣзде, кое си Ты на дивномъ своду томъ утврдіо, онда помыслимъ: шта є човѣкъ, да га се Ты, Боже, сѣћашь, и сынъ човѣчій, да га се Ты тако пріимашь? Малко си га текъ иза Ангела метнуо, славомъ и чесћу си га увѣнчао, учиніо си га Господаромъ Твоихъ дѣла, све си му покоріо — стада животынѣ велике

имале, дивячь польску, птице воздушне, рыбе морске и штогодъ токомъ мора ходи. Господе Боже нашъ, да чудно ли є име Твое по васцѣломе свѣту!"

Драга Юносте! не чини ли ти се, као да краснодушнога юношу тога Давіда посред' стада нѣговога гледишь, како пунъ побожности очи на небо съ рукама кротко склоплѣныма подиже? О научи и ты отъ нѣга: „Бога изъ дѣла Нѣговыхъ познавати, дивити Му се, и славити Га!"

78. Пастырче Давідъ у Царевомъ двору.

Духъ Божій уклонисе отъ Саула; духъ малодушія обузме га, те постане снужденъ увѣкъ, тужанъ и неволянъ. Тко Божію изгуби наклоность, тог' остави и свака радость, па быо онъ колико богатъ, силанъ и у чести кодъ людій.

Саулу рекну дворяни нѣгови: „Господару! заповѣди само, пакъ ћемо ти потражити и наћи човѣка, кой вѣшто удара у гусле, можда бы те то разведрило и развеселило." — Саулъ отговори: „А вы потражите таквога вѣштака, и доведите га амо." — Єданъ отъ дворяна рекне: „Я самь слушао єдаредъ у Витлеему Іессеовога сына, кой особито вѣшто умѣ ударати у гусле, а и осимъ тога врло є разуманъ, лѣпота пакъ лица му тако сваком' пада у очи, да, ткогодъ га види, мора помыслити у себи: Самъ Господъ Богъ є узъ нѣга."

Саулъ тай часъ пошлѣ вѣстника къ Іессею по Давіда. Царскій позывъ овай особито обрадуе старца Іессеа. Давідъ буде представлѣнъ Цару, коме се съ погледа вечь допадне, и пребуде отсад' непрестано узъ Цара, удараюћи у гусле и пѣваюћи узъ ньи веселе и утѣшне пѣсне; а то є Цара яко задоволявало.

Любезна Юносте! и изъ ове мале повѣстице видите промысао Божій, кой є Давіда, сирото пастырче, за Цара опредѣліо, пакъ ето сад' га приближуе къ царскоме престолу, да се предуготови за высоко то станѣ. А можете и то такође примѣтити лагко отуда, како є лѣпо и полезно, доброме чему за младости се научити. Вѣштина ударати у гусле отвори Давіду приступъ у Царскій дворъ и къ самоме Цару. Свака лѣпа способность препоручуе човѣка и на ползу му быва, а и самом' нѣму радость причинява.

79. Голіатъ.

Філістімяни подигну опетъ войску противу Ісраильтяна, и Саулъ мораде имъ са своіомъ войскомъ на сукобъ изићи. Обадвѣ войске само є долина єдна разставляла. Изъ Філістімянске войске изиђе велика нѣка и страшна людина по имену Голіатъ, те се продере на Ісраильтяне: „Што сте дошли на бой? ево я самь Філістімянскій свободнякъ, а вы сте слуге Саулу; изберите єднога измећу васъ, да се са мномъ бори; надяча ли

онъ мене и убіе, то ће сви Філістімяни быти ваши робови; надячамъ ли и убіемъ я нѣга, то да се вы нама покорите."

Саулъ и сви Ісраильтяни, слушаюћи поругу ову, уплашесе яко. Но грдоба она Філістімянска єднако разбацуесе и виче: „Ево вамъ се я данасъ васданъ ругамъ, да изберете између васъ юнака, да куша срећу са мномъ; па камо га? дайте га амо!"

Три найстарія Давідова брата была су ту у войсцы, а Давідъ, кога Саулъ ніе хтѣо повести у ратъ, отишао є было опетъ къ овцама отца свога. Старацъ Іессей рекне Давіду: „Узми, сыне, овыхъ десетъ хлѣбова, те отнеси браћи твоіой у логоръ, и распытай, како се налазе." Давідъ, кой є отцу своме свагда послушанъ было, а и браћу свою срдечно любіо, порани и пође зоромъ у логоръ. Башъ кад' стигне у логоръ, дераосе у тай махъ Голіатъ по своме обычаю. Давідъ упыта: „Тко є тай, што се тако руга цѣлой войсцы єднога истинитога Бога? шта бы добыо онай, кой бы людину ту убіо, и скинуо срамоту са Ісраильтяна?"

Найстаріи братъ Давідовъ Еліавъ, чуюћи то, рекне: „А што си ты дошао овамо? на комъ си оставіо овце? позната є мени гордость твоя и суета; дошао си, да битку гледишь, є ли?" — Давідъ на овай непристойный укоръ отговори: „Изъ покорности къ родителю нашем' и по любови къ вама браће мое дошао самь и донео вамъ раану." — Богъ є видіо Еліавову злобу одавно, па є

зато смиренога Давіда предпоставіо гордељивоме Еліаву, бр̀ъ се Богъ гордоме противи, а смиреноме дае благодать.

Други люди около Давіда, премда нѣму сасвымъ непознати, лѣпымъ начиномъ кажу му: „Тко овога Голіата надяча, томе ће Царъ дати кћерь свою за жену съ великимъ іоштъ богатствомъ.“ Давідъ, Бога и отечество свое срдцемъ и душомъ любећи, рекне на то, да бы онъ имао волю съ Голіатомъ се тући. Та рѣчь Давідова дође и самоме Цару до ушію, те зовне Давіда предасе.

80. Бой Давіда съ Голіатомъ.

Давідъ, изишавши предъ Цара, рекне: „Овога се Голіата не треба страшити; ево я самь готовъ боритисе съ ньимъ.“ На то му отговори Царъ: „То ты чинити не можешь; та ты си іоштъ дѣте, шта ћешь ты, кукавче, съ ономъ грдобомъ и лютицомъ?“ — „Я самь, отговори Давідъ, лаву, кой ми овцу сграбіо бяше, изъ челюстій нѣговыхъ овцу отео, и лава умлатіо; неће ни овай гордељивый Філістімянинъ болѣ проћи. Господъ, Кой ме є избавіо изъ челюстій лавовыхъ, може и хоће избавити ме и изъ руку тога Філістімянина.“

„А ты иди, и Богъ нека буде съ тобомъ!“ рекне Царъ, обуче самъ Давіда у войничко сяйно руво, припаше му мачъ, и Давідъ пође. Пошавши малко осѣти, да му смета

руво то, па рекне: „Я нисамь вычанъ ходити у оваковомъ руву" па поскида све са себе, узме свою пастырску палицу, потражи и нађе петъ гладкихъ камичака отъ солѣ, спусти ихъ у свою торбицу, узме своју праћку у руку, те отиде тако предъ Голіата.

Голіатъ изиђе са оружіеносцемъ своимъ; но кад' опази Давіда, кой, као нѣжанъ младићь, нимало наликъ не бяше на юнака, презрѣ га, и рекне му: „Заръ самь я псето, да съ батиномъ на ме ударашь? ходи амо ближе, да нарааним тѣломъ твоимъ воздушне птице и звѣрове шумске!"

Давідъ му отговори: „Ты долазишь на ме са коплѣмъ и мачемъ, а я на те у име Господа Саваота Бога Ісраильскога, коме си се ты ругао; данасъ ми те даде Господъ у мое руке. Савъ ће свѣтъ признати, да є силанъ Господъ Богъ нашъ, Кога се снага не состои у коплю и мачу; у Бога є побѣда безъ оружія."

Голіатъ се дигне, те пође на Давіда; а и Давідъ се крене предъ нѣга, хитно се маши у торбу, узме камичакъ, метне га у праћку, и бацы га на Голіата, сгоди га башъ у чело тако, да му се камичакъ у чело забоде. Голіатъ се сгрува на землю наузнако, Давідъ притрчи, истргне му мачъ нѣговъ, и ньимъ отсѣче му главу. Філістімяни, видећи, гдѣ имъ найболыій юнакъ погибе, нагну бѣжати; а Ісраильтяни пуни побѣдне радости, дадусе у потеру за ньима.

Любезна Юносте! и овымъ догађаемъ слависе светый, праведный, свагда благій промысао Божій. Тако є; и ту опетъ видимо, да се гордоме Богъ противи. Богъ є то тако уредіо, да є надувеный Голіатъ, кой є узъ свою ячину пркосіо свакоме, и држао, да му нема равна на читавомъ свѣту, отъ младића надячанъ био. — Напротивъ смирене узвысуе Богъ. Богъ є то тако уредіо, да є Давідъ, кой є сву надежду на Бога полагао, и отъ Бога само тражіо помоћи, побѣдомъ и славомъ увѣнчанъ био. — Богъ савыя судбе людске, Онъ насъ крозъ савъ животъ као за руку води, Онъ є Давіда и тымъ малымъ случаемъ, што га є башъ као што треба у отсудный махъ у логоръ довео, къ престолу болѣ приближіо. Тко бы отпре рекао или вѣровати могао, да ће кадгодъ на глави пастырчета тога царска быти круна; а сад' се нитко томе не диви, што избавитель Ісраиля надъ Ісраилѣмъ царуе. Зна Богъ у обштой невольи и преко дѣтета помоћи; тко се дакле неће ма у каквой живота невольи радовати, да му є судба у тако милостивой руцы!

81. Іонатанъ, добрый Царевъ сынъ.

Послѣ побѣде свое надъ Голіатомъ буде Давідъ опетъ Цару представлѣнъ, кой га особито лѣпо и милостиво пріими. Іонатану, сыну Цареву, тако се омили Давідъ, да га є заиста любіо као свою ду-

Joh. Schindler del. J. Blaschke sc.

Іонаѳанъ добрый Царевъ сынъ.

шу, и за знакъ любови те свое даде му халину свою са себе.

Кад' Царъ изъ рата съ Давідомъ кући пође, народъ са свиралама, жене и дѣвойке съ пѣснама дочекивали су га свуда пѣваюћи: „тысућу є Саулъ надячао, али Давідъ десетъ тысућій." То Цара врло разсрди, те омрзне на Давіда сасвымъ. Сутраданъ већь нападне на Саула стара она невольность, и Давідъ стане ударати у гусле. Царъ счепа коплѣ, и бацы га на Давіда; но овай се срећно уклони и побѣгне.

Опетъ се заметне ратъ съ Філістімяны, и опетъ се Давідъ юначствомъ отликуе. Ради тог' іоштъ већма омрзне Царъ на Давіда, и явно стане говорити, да се има убити Давідъ. На то Іонатанъ му рекне: „О Царе! не учини грѣха тога на Давіду слуги твомъ; єръ ніе ни онъ теби сгрѣшіо; та штогодъ онъ ради, све се на твою срећу клони; и животъ є свой за тебе опасности излагао; убіо є Голіата; преко Давіда є Богъ избавіо све насъ Ісраильтяне. Та самъ си то очима гледао, и радовао си се томе; зашт' дакле да проліешь крвь невинну? зашт' убити Давіда, кой ти ніе на жао учиніо никад'?" — Ове рѣчи дирну Цара у срдце, те рекне: „Као што Богъ живи, неће умрети Давідъ," и Іонатанъ изведе Давіда опетъ предъ Цара.

Наскоро затымъ опетъ се Давідъ покаже у рату съ Філістімяны, а Цару опетъ зато падне туга на срдце. Давідъ узме по обы-

чаю гусле, да развесели Цара; но овай се опетъ бацы коплѣмъ на Давіда, кой се вѣшто сагне, те се коплѣ забоде у зидъ. Іоштъ те исте ноћи побѣгне Давідъ, и сакрыесе у пустыньи у пештеру.

Прође данъ два, а Царъ за обѣдомъ запыта: „Зашт' не долази сынъ Іессеовъ за трапезу?" Іонатанъ почне правдати Давіда; Царъ се на то разлюти и рекне: „Знамъ я, непокорный злоћо, да си ты нѣга побратиміо себи и майки твоіой на срамоту; знай, докъ є сынъ Іессеовъ живъ на свѣту, нема ни отъ тебе ни отъ царованя твога ништа. Тай часъ пошльи по нѣга, и доведи га амо; онъ мора погинути!" — Іонатанъ отговори умилято: „А зашто да погине? шта є скривіо?" — Царъ спопадне коплѣ, да га прободе; уплашенъ Іонатанъ скочи иза стола, истрчи наполѣ, и тай данъ ніе ни залогая окусіо выше.

Сутраданъ, текъ што зора заплави, отиде Іонатанъ у полѣ къ пештери, гдѣ є Давідъ сакрывенъ быо, єръ самъ онъ єданъ знао є, гдѣ є сакрывенъ Давідъ. Овай изиђе, и Іонатанъ му рекне: „Не иди выше за главу у дворъ." Ту се сад' обоица загрле, излюбе, исплачу, опросте и — разставе. На разстанку рекне іоштъ Іонатанъ: „Съ Богомъ ми остай; наше пріятельство, коимъ смо се єданъ другоме предъ Богомъ завѣрили, стои тврдо на вѣки!" — Іонатанъ вратисе кући, а Давідъ се даде далѣ и дублѣ у пустыню. Али га Царъ и ту тражити заповѣди, говорећи: „Ма да се и у землю завукао, опетъ ћу

га нађи." — Давідъ є блудіо по найдивльим' и найдальим' предѣлма у пустыньи; но Іонатанъ умѣо га є свуда нађи, тѣшити и храбрити надеждомъ у Бога.

Іонатанъ є огледало найблагородніега пріятельства; душа му є чиста отъ сваке гордости и зависти; пунъ є любови и вѣрности къ пріятелю своме; узимасе за нѣга, и брани га найкраснорѣчивіе; вѣранъ му є и у несрећи, долази му, тѣши га, и плаче съ њимъ; баца самъ свой животъ у опасность нѣга ради.

А Саулъ напротивъ тога жалостанъ є примѣръ злобе; гордъ є, завидльивъ, самъ себи несносанъ; душа му єднако мысли о убійству; срдце му кува гнѣвъ и ярость; мрзи на благотвора свога, враћа му зло за добро; отъ єда не може ни име да му изговори; онога, кой є за нѣга животъ свой у очевидну опасность бацао, хоће да убіе; што тысућама радость чини и веселѣ, то нѣга у тугу завыя.

У комъ се отъ ова два огледала ты огледашь? мила моя Србска Юносте!

82. Давідовое повѣренѣ у Бога.

Давідъ се сад' нађе у такой невольи, у каквой є кадгодъ могао човѣкъ быти. У цѣломъ Ханаану нигдѣ се ніе показати смѣо; ни съ кимъ живымъ састатисе ніе смѣо. Тамне шуме, у кое ни зрака сунчана продрети ніе могла, быле су му даню прибѣжиште;

ноћу спавао є у страховитым' пећинама на земльи и каменю. Са свію страна опасносћу смрти као мрежомъ и виговма био є умотанъ. Ту су гуе и зміе, ту лавови, вуцы и други дивіи звѣрови, ту потера Саулова. Тко ту не бы душомъ клонуо? тко ту не бы очаяо? Али Давідъ нити душомъ клоне, нити очае — него се нада у Бога. Повѣренѣ онъ то свое у Бога написао є у выше лѣпыхъ пѣсана; дай да чуемо найлѣпше:

„Тко подъ заштитомъ Всевышнѣга живи, тко у сѣнки Свемогућега почива — тай вели Господу: прибѣжиште и Богъ мой Ты си; у Тебе се уздамъ!"

„Онъ те избавля изъ вигова смрти и отъ свега, штогодъ има текъ страшно. Онъ те крылма Своима покрыва, подъ коима си безбѣданъ; вѣрность Нѣгова ти є заклонъ и заштита. Не треба да стрепишь отъ опасностій ноћныхъ, ни отъ стрѣле, коя даню лети, ни отъ преваре, коя тамомъ мили, ни отъ силе, коя усред' полдне прети. Нека бы тысуће теби на лѣво и десетъ тысућій теби на десно падале — до тебе неће допрети."

„У тебе се уздамъ, о Господе! па такимъ начиномъ живимъ безбѣдно у высини, куд' не допире несрећа; мука се не приближуе колеби моіой. Заповѣдіо си Ангелма Твоима чувати ме по свы путовы мои', на рукама носити ме, да ми се нога непотакне о каменъ."

„Самъ Богъ говори о човѣку: у Мене се узда, па ћу га избавити; почитуе Ме, помоћи

ћу му; зове Ме, па ћу га чути; кодъ нѣга самь у нужди му, па ћу га избавити и увести у честь; дугимъ ћу га насытити животомъ и дати му, да види спасеніе Мое."

Драга Юносте! како красно и трогателно описуе Давідъ ту нѣжный отеческій промысао Божій, и Божію вольну свемогућу помоћь! Како є было Давідъ у тысућостручным' неволяма и опастностма опетъ зато миранъ у души, спокоянъ, утѣшенъ! Уздаймосе и мы, као Давідъ, у Бога, па ће и нама у свакомъ случаю душа быти мирна! Али валя да и наше такође срдце буде тако чисто, тако невинно, као што є Давідово было, пакъ ћемо онда и мы моћи ослонити на Бога све повѣренѣ наше као и Давідъ.

83. Давідовъ послѣдныій састанакъ са Сауломъ.

Сви доякошньи Саулови труди и муке, пронаћи Давіда, быше узалудъ. То догрди већь Саулу, те съ три тысуће найодабранііихъ момака отиде самъ тражити га по пустыньи, и улогорисе на єдномъ брегу; посред' логора стаяо є Царевъ шаторъ, до овога шаторъ Авенире главнога войводе, а свуд' у наоколо шатори редомъ свію войвода; сва пакъ войска полегала туда и поспала. Давідъ и Авесса (єръ и Давіду се већь прилюбила чета отъ четыри стотине момака) дођу у логоръ до самога шатора

Царева. Саулъ у найдублѣмъ сну; коплѣ му чело главе у землю забодено, а пехаръ стои до нѣга. Авесса рекне: „Ето ти даде Богъ непріятеля у руке; сад' ћу га пробости и коплѣмъ за землю приковати!" Давідъ отговори: „Тога быти неће; єръ тко ће руку на Помазаника Божія метнути, а да не сгрѣши? Узми му текъ коплѣ и пехаръ, па да идемо одавдѣ." Тако и ураде, те отиду отуда, да ихъ нитко примѣтіо ніе; єръ Самъ Богъ мртвый є санъ навео на сву Саулову войску. Давідъ се попне на врхъ стрмените стѣне у то ноћно мрачно доба, и повикне изъ свег' грла: „Авенире! чуешь ли? отговори ми." Авениръ се продере: „Тко си? шта вичешь да Цара пробудишь?" Давідъ рекне: „И ты си ми валянъ ратникъ, коме у цѣломъ Ісраилю равнога нема, кад' тако славно Цара свога чуваш! дед' погледай, гдѣ му є коплѣ и пехаръ." И Саулъ се на ту вику пробуди, па рекне: „Давіде, сыне мой, ніе ли то твой гласъ?" Давідъ отговори: „Єсть, мой є ово гласъ, Господару мой и Царе! та зашто ме тако гонишь? Царе мой! шта самъ ти скривіо? заръ предъ лицемъ Божіимъ хоћешь невинну крвь да проліешь? а и каква бы то честь и слава была Цару, мене, кой се као кукавна яребица по пустыньи врземъ, гонити?" — Царъ отговори: „Сгрѣшіо самъ, ходи опетъ къ мени, и пребуди са мномъ, сыне мой Давіде! нећу ти выше на жао чинити, кад' ти є и у ове ноћи густомъ мраку животъ

мой тако міо и драгъ быо; врло самь лудо и неразумно досад' съ тобомъ поступао!"

Давідъ проговори: „Ево ти коплѣ и пехаръ, пошльи амо єдног' отъ момака, нека ти ихъ донесе; а Господъ нека плати свакоме по правди и вѣрности нѣговой. Као што є твой животъ сад' быо драгъ у моима очима, тако ће и мой такође драгъ быти у очима Господа Бога, Кой ће ме спасти отъ сваке бѣде и напасти."

Тако любовно поступа Давідъ спрамъ непріятеля свога, кой му о глави ради; не чини му нимало на жао, него є само радъ увѣрити га, да поштено о нѣму мысли и добро му жели, не бы ли се тымъ тако поправіо. — Лѣпо є то и заиста сваке любови достойно владанѣ Давідово; али се Саулъ свакій часъ у злу и добру мѣняо.

Мало времена затымъ настане опетъ съ Філістімяны ратъ, у комъ и самъ Саулъ люто ранѣнъ буде, а сынови му сви погину — и добродушный Іонатанъ. Изъ очаянія Саулъ се самъ собомъ прободе и умре. Тако му є страшанъ край животу быо, єрбо се ніе дао Богомъ, но гордосћу, зависћу и яросћу водити.

Давідъ, премда найлюћега непріятеля свога освобоћенъ сад', опетъ се не обрадуе Сауловой смрти; него є отъ жалости за Сауломъ и Іонатаномъ као и свыма такође у бою погинувшима читавъ тай данъ єдноудіо и плакао.

84. Навалъ и Авігеа.

Дуго време мораде се Давідъ у пустыньи бавити, и сви, кои су у невольи были, сдружесе съ ньимъ, те мало по мало нарасте чета та подъ поглаварствомъ нѣговымъ до четыри стотине момака. У Маону, малой варошицы близу пустынѣ те, живіо є у то време богатъ човѣкъ по имену Навалъ, кой є покрай свега свога великога богатства био тврдъ, немилостивъ и неваљо. Єдаредъ даде стрићи овце, и нареди томъ приликомъ велику гостбину. Сиромашакъ Давідъ, не имаюћи у пустыньи отъ чега живити, пошлѣ десетъ своихъ момака къ Навалу, да му поздраве веселу гостбину. Момцы, дошавши предъ Навала, рекну му по налогу Давідовом': „Поздравля те Давідъ любезно, и жели мира и теби и цѣломе дому твоме съ домашньима свыма, браћомъ нашомъ! Чулисмо, да твои пастыри, кои су у нашой пустыньи были, овце стригу. Мы имъ никада на жао учинили нисмо, никад' имъ иишта изъ стада нестало ніе; то ће и они сами посвѣдочити, ако ихъ запыташь. Учини сад' и ты нама любовь; кодъ тебе є сад' све весело, не отпусти дакле данасъ сасвымъ напраздно ни сына твога Давіда ни насъ слуге твое!"

Давідъ є био чувенъ по цѣлом' томе предѣлу; али се Навалъ претвори, да и не зна за нѣга. Но онъ, као и свакій лажа, то тако лудо изрекне, да се таки изда, да не само Давіда но и отца му врло добро

познае, а за отца Давідовог' момцы ни споменули нису. „Тко є тай Давідъ сынъ Іессеа? данашньимъ даномъ много се скитница врзу овуда, кои су отъ своихъ господара побѣгли. Отлазите далѣ одавдѣ! што бы я раану и пиће мое давао такима скитницама, за кое не знамъ, ни откуда су!" — Давідови момцы вратесе са стыдомъ натрагъ.

Навалова жена, по имену Авігеа, была є особито разумна, добра, а притомъ и чрезвычайно лѣпа. Єданъ отъ пастыра, кой мора да є было разуманъ и простосрдечанъ човѣкъ, отиде къ ньой, и рекне: „Давідъ посла момке свое изъ пустынѣ, да честитаю нашем' господару, а онъ ихъ предусрѣте врло непристойно; Давідови пакъ люди нама су и полезни и потребни бывали за цѣло оно време, доклѣ смо съ овцама у пустыньи бавилисе, и много путій стада намъ отъ крадльиваца и шумскихъ звѣрова отбранили. Промысли дакле добро сад' сама, шта ћешь радити. Я се боимъ, и яко се боимъ, да мужу твоме и свой кући твоіой велика предстои несрећа."

Авігеа брже болѣ узме двѣ стотине хлѣбова, двѣ двойке віна, петъ печеныхъ оваца, сто евеняка грозђа, и двѣ стотине вѣнаца смокава, потовари то све на магарце, и пошлѣ слуге съ тымъ къ Давіду у пустыню, пакъ послѣ усѣдне и сама на магарца, и похити за слугама. Мужу своме, кога є грубіянству врло се мудро укланяти умѣла, не сообшти засад' о томъ іоштъ ништа.

Десетъ момака, вратившисе у пустыню, приповѣде Давіду све, што имъ се догодило; а онъ се на то разяри, припаше мачъ, и рекне: „Я самь Навалу све, што є овдѣ у пустыньи имао, безъ сваке плате чувао; а онъ ми злымъ за добро враћа. Кад' є тако, неће му до зоре ни псета остати отъ свега, штогодъ има. Устайте, пашите мачеве, да идемо!" Съ четыри стотине оружаныхъ момака пође Давідъ. У путу га срѣтне Авігеа подъ бреговитомъ шумомъ. Како га опази, таки се сиђе съ магарца, поклонисе до землѣ, и рекне: „Ахъ, Господару мой! зло дѣло мужа мога узимамъ я на се, и молимъ те, послушай ме милостиво. Господару и Царе мой! презри луду Навала; єръ заиста є лудъ; а я нисамь ни видила момке, кое си ты послао. Па сад' Самъ Господъ хоће да устави крвь, кою си пролити науміо. Узми милостиво даръ овай служкинѣ твое, и подѣли га међу твоима людма; а мени опрости кривицу, коя сад' на мени лежи. Юнакъ, као што си ты, кой за народъ Божій ратуе, неће окаляти славе свое такимъ насиліемъ противу яднога непріятеля, кога презирати валя. Ако можда кадгодъ тко и на твой животъ насрнути усхтѣ, и теби ће онда Богъ сачувати животъ као найвећу драгоцѣность. Па кад' будешь Царъ надъ Ісраилѣмъ — као што ти є Господъ обрекао — неће ти тежко быти на срдцу, да си невинну крвь проліо. Богъ ће те онда благословити, па ћешсе сѣтити служкинѣ твое."

Давідъ на то рекне: „Слава и хвала Господу Богу, Кой ми те данасъ на сусрѣтъ посла! Благословена буди ты, коя ме удржа, те не пролихъ крвь.“ Пріимивши даръ рекне: „Вратисе куħи своіой съ миромъ; молбу самь, ето видишь, твою испуніо.“

Кад' Авігеа куħи доħе, нађе Павала за обѣдомъ — піяна, и опе́тъ му о свему, што є мало часъ было, не спомене ни рѣчи, єрбо є мудра была, не упуштатисе съ піянымъ у разговоръ. Сутраданъ, кад' се Навалъ истрезни, приповѣди му она све по реду. Отъ страха яви се окамени Навалъ и десетый данъ за тымъ догађаемъ умре. Неваляломе томе човѣку доħе главе неумѣреность и страхъ; Авігеа се уда за Давіда.

Юносте моя драга! пытамъ васъ: тко вамъ се болѣ допада? тврдица неблагодарный, неразумный, немилостивый, лакомый Навалъ? или благодарна, милостива, разумна, любезна Авігеа? — Давідъ у напраситой ярости своіой? или онда, кад' се таки драговольно ублажіо? Тко вамъ се болѣ допада, по томе се владайте! Што вамъ се не допада, то и не чините!

85. Давідове уредбе за явно Богослуженіе.

Послѣ Саулове смрти избере народъ Давіда за Цара; у Хеврону буде помазанъ, а у Іерусалиму си сазида великолѣпну Царску палату, те тако учини Іерусалимъ престолнымъ градомъ. Давідъ є бio добаръ

Царъ; онъ се отъ свег' срдца трудіо народъ свой добродѣтельнымъ и срећнымъ учинити. Изъ свога собственога искуства є знао, да люди безъ страха Божіега не могу быти добродѣтельни, а безъ добродѣтельи не могу управо срећни быти. Давідъ є и самъ имао срдце пуно побожности, любови, благодарности, надежде и покорности къ Богу; па су му та красна чувствованія была найяче побуде на свако добро, и у ньима є онъ свою найвећу срећу налазіо, па є зато стараосе и трудіо, усадити ихъ и у срдце своихъ Ісраильтяна. Таки кодъ Іерусалима бяше красанъ брегъ, права круна читавоме предѣлу томе. На брегу томе лежао є градъ Сіонъ; ту заповѣди Давідъ сазидати станиште за Кивотъ Завѣта, кой потомъ пренесе амо съ найвећимъ торжествомъ. Готово савъ Ісраиль скуписе на ту славу; Царъ, као и Свештеницы, у бѣло обученъ, князеви Ісраильски у порфири, Свештеницы у найсветчаніим' одеждама, тридесетъ тысућій оружаныхъ и неброено множство народа пратили су Кивотъ; слава неописана! Єдна отъ найлѣпшихъ пѣсана, коима є Давідъ обучити хтѣо народъ о намѣри овога торжества, єсть ова:

„Земля є Господня и све, што є на ньой и у ньой; єръ Богъ ю є надъ морама основао и надъ валовма утврдіо. Али тко смѣ наступити на гору Господню? тко смѣ стаяти на овомъ мѣсту? У кога су руке невинне и чисто срдце, кой за суетомъ не грамзи, лукаво се никад' заклео ніе, да ближнѣга

превари — тога є Божій благословъ, тай пріима милость и помоћь отъ Бога Спасителя свога! Такавъ нека буде народъ, кой почитуе Бога, и предъ лице Божіе изићи жели!"

Ту ясно видимо красну цѣль свега споляшнѣга Богопочитанія, коме ништа друго темель быти не може него єдна само унутрашня светыня, чистота срдца, чистота нравій, срдце безъ свакога лукавства.

Друга красна пѣсна изражава радость Ісраильтяна у томъ и тыма подобныма торжествама:

„Ходите, да се веселимо предъ Господемъ, и радуемо стѣни нашега спасенія! Изићимо предъ лице Божіе съ благодарносћу; великій є Богъ нашъ Господъ! У руцы су Нѣговой сва блага дубльине землянске, высине планинске Нѣгове су! Нѣгово є море, кое є Онъ створіо, и сува земля, кою су руке Нѣгове начиниле; падаймо предъ Ньимъ и молимосе Нѣму; сузе радости пролываймо предъ Ньимъ, Кой насъ є народомъ учиніо! Єръ Онъ, Господъ, єсть Богъ нашъ; мы Нѣгове землѣ народъ, стадо, кое пасе Нѣгова рука Пастырска. Данасъ, кад' чуете гласъ Нѣговъ, не затворите срдце ваше као нѣгда у пустыньи!" —

Тако треба да почитаніе Бога — любовь, благодарность, повѣренѣ и покорность спрамъ Бога — найвећа радость народу буде. О да тако и нама буде, као што намъ и єсть, само у томъ изворъ найчистіе среће!

Давідъ принесе предъ Кивотомъ Завѣта Богу благодарности жертву, па онда благослови народъ, и подѣли многу милостыню. — Любима Юносте! дай да мы, као и Давідъ, и то особито у праздничне и веселе дане милостыню сиротама дѣлимо; єръ тко ніе милостивъ и любезанъ спроћу людій, тай не може искрено почитовати Бога. Кога срдце не боли, кад' ближньій му нужду трпи, тай и самъ не може отъ срдца весео быти. Добро другоме творити, то є правый праздникъ.

86. Псаломъ явнога Богослуженія.

Отъ пѣсній за явно Богослуженіе ову ћу вамъ єдну казати. Ісраильтяни су се скупляли свакога великога праздника на гори Сіону, и ту приносили Богу жертве благодарности и радости. Али су многи ихъ мыслили, да су тымъ доста учинили, ако су само споляшню жертву принели, држећи, да Богъ има корысть отъ ньиховыхъ дарова и жертвій не иначе но као и корыстолюбиви люди. За науку таковыма ова є пѣсна:

„Господъ Богъ Богова говори, и призыва землю отъ востока до запада; са Сіона се блиста сяйность Господства Нѣговога. Богъ нашъ долази, нити выше ћути; предъ Ньимъ пламенъ лиже, свуд' около олуй и буря; зове небеса отзго и землю отздо, да суди народу Своме. Чуй, народе мой, вели Онъ, Я говоримъ, Я противу тебе свѣдочимъ, Я самь Богъ твой! Не тужимъ те сбогъ жертвій

твоихъ нит' сбогъ дыма кадилнога, кой се непрестано къ Мени подиже. Нису волови то, што Я хоћу, нит' овнови твоихъ стада; та ніе ли Моя сва дивячь шумска са животыньомъ тамо на тысућу брегова; сваку птицу подъ небомъ Я познаемъ; гдѣгодъ се што миче, Мое є. — Да Мене гладь мори, не бы требало да теби то кажемъ; Мой є пуный свѣтъ; или заръ мыслишь, да Я говеђину єдемъ, и крвь овнову піемъ? — Нећу Я тога, нећу; но благодарность жертвуй Ми; чимъ си завѣтанъ, то Ми принашай. Кад' тако чинишь, онда Ме зови у невольи, пакъ кад' те избавимъ — слави Ме!"

„Грѣшнику вели Господъ: А што ты говоришь о закону Момъ? што завѣтъ Мой по усты носишь? кад' мрзишь на сваку пристойность, и рѣчи Мое ногама газишь! Крадца ли видишь, а ты се сдружишь съ ньимъ; безобразнике браћомъ зовешь. Изъ уста ти се злоба рои, єзыкъ ти є орудіе преваре. Сѣдишь, те ружишь ближнѣга, оговарашь и безчестишь рођенога брата твога. То ты чиняше, а Я ћутахъ, те си помысліо у злой памети твоіой, да самь Я као ты што си. Зато се ево сад' гласовито противу тебе тужимъ, и ставлямъ ти све грѣхове твое предъ очи. — Богозаборавцы! узмите то свойски къ срдцу, да васъ не покосимъ брзо, те да не буде никога, кой бы васъ спасао."

„Кой Ми благодарность жертвуе, тай Ме чествуе; кой пази на дѣло свое, тай ће угледати спасеніе Божіе."

Драга Юносте! споляшнѣ Богопочитаніе єсть нуждно, єръ право почитаніе и любовь къ Богу не дадусе сасвымъ затворити у срдцу, но продиру ванъ као и пламенъ. Почитаніе и любовь къ Богу, кою споля показуемо, може и друге такође около насъ люде на то побудити и упалити подобно ватри, коя све до себе пали. Но ако споляшньима текъ знакма Бога почитуемо и любимо, а почитанія тога и любови у срдцу нимало не осѣћамо — то є онда Богопочитаніе то наше люска безъ єзгре. Ево вамъ то исто у примѣру: Добро дѣте, кое срдечно почитуе и люби отца свога, донесе у пролѣће првый цвѣтакъ отцу. Тай поступакъ валяло бы да и другу му браћу и сестре нѣгове побуди на любовь къ отцу своме. Но ако є дѣте то отцу непокорно, пакъ бы му цвѣтакъ тай текъ зато дало, да се улаже, па да му отацъ на погрѣшке нѣгове не гледи — бы ли онда могао цвѣтакъ тай отцу радость учинити? Тако су исто и споляшни знацы Богопочитанія, као и тай цвѣтакъ. Покорность Божіой вольи єсть єдно право почитаніе Бога; безъ покорности те свако—свако друго Богопочитаніе споляшнѣ и све жертве не помажу ништа.

87. Давідовъ грѣхъ.

Давідово царованѣ было є врло срећно; готово сви непріятельи нѣгови были су побѣђени; савъ Ісраиль любіо га є и почитовао; прошло є оно време, кад' є страдати

морао зато, да у добродѣтельи ояча; живіо є сад' у миру, веселю, изобилію.

Ал' управо у томъ сад' опетъ видити можемо, како опасно често быва велика срећа. У несрећи бяше Давідъ красне душе човѣкъ; срећа наведе га на страшно зло дѣло. Цареви у оно доба мало ког' пролѣћа нису на войску ишли; но Давіду се то неугодно учини. Настане пролѣће, и Давідъ пошлѣ у ратъ войводу свога Іоава съ войскомъ, а онъ остане у Іерусалиму. Свагда послѣ обѣда имао бы быо обычай отпочинути, а предъ вече ходати по крову двора свога, откуд' се надалеко видити могло. Ово є послѣднѣ онъ врло радо чиніо, као безпосленъ човѣкъ, кой неће да ради, него коекуд' зазява. Єдаредъ падне му ту у очи нѣка особито лѣпа жена по имену Вирсавіа. Мужъ іой се звао Уріа, човѣкъ особито честитъ и храбаръ войникъ. Премда є Давідъ по обычаю ондашньихъ времена выше жена већь имао, опетъ зажели и лѣпу Вирсавію освоити. И сама мысао та већь є была грѣхъ; но онъ злу грѣху придода іоштъ и горій. Пошлѣ Урію съ писмомъ къ Іоаву у войску; у писму є стаяло ово: „Намѣсти Урію у бою сасвымъ напредъ, гдѣ є найвећа опасность, пакъ онда га изненада остави самога тако, како ће морати погинути." Іоавъ тако и учини, те Уріа погине. Вѣстникъ отнесе гласъ у Іерусалимъ, да є непріятель Урію убіо у бою. Давідъ сад' безъ сваке препоне узме Вирсавію, као удовицу, себи за жену.

Любезна Юносте! не морате ли се дивити, да є Давідъ, кой є досада заиста кротакъ быо, кой се и спроћу самога непріятеля, убити га намѣравшега, онако великодушнымъ показао, сад' наєдаредъ у толико Бога заборавіо, да є тако страшно зло своме найвѣрніем' слуги учиніо! Знайте: Богъ є овай ужасанъ примѣръ ради потомства забѣлежити дао — не за обрану погрѣшака нашихъ, него да се тыхъ чувати учимо. О како ли є слабо и трошно срдце човѣчіе! како ли яко бдити надъ ньимъ валя! како се мало смѣмо осланяти на кротость и добродѣтель нашу! Посклизнуо Давідъ и пао; да шта ли може съ нама быти, ако непрестано на опрезу не будемо?

Узъ то видимо іоштъ и оне стѣне такоѣе, о кое се добродѣтель Давідова скрушила. Безпослица, неумѣреность, вѣтрогонясто звѣранѣ, власть чинити све штогодъ хоће, заборавъ, да є Богъ свуда и на свакомъ мѣсту — увалише Давіда у велико зло. Юносте! изъ несмотрености Давідове учимосе памети, радоме и прилѣжноме раду, умѣрености, укроћаваню страстій, вольной покорности спроћу старіихъ, и непресѣчноме мышлѣню на Бога!

88. Давідово покаяніе.

Преступленіе Давідово буде врло неповольно Богу, те пошлѣ Пророка Натана къ нѣму, кой му рекне: „Было у вароши єдной

два човѣка, єданъ богатъ, а другій сиромахъ. Богатый є имао велико стадо оваца и голему стоку, а сиромашакъ нигдѣ ништа осимъ єднога ягнѣшцета, кое є купіо био и самъ изъ руке отрааніо; съ ньимъ и дѣцомъ нѣговомъ є расло, отъ ньиховыхъ залогая єло, и изъ ньихове чаше пило, и спавало на прсима ньиховыма, миловано отъ ньихъ свію као сестрица и кѣерка єдиница. — Богатоме дође путникъ гостъ, па му жао буде свога ягнѣта изъ толикога стада и свога телета изъ толике стоке; него отиде къ сиромашку, и отме му нѣгово ягнѣшце, те га заколѣ, да почасти госта свога."

Давідъ помысли, то є тужба противу насилія надъ сиротыньомъ, разярисе и повиче: „Као што Богъ живи, тай, кой є то учиніо, мора умрети!" — Натанъ на то рекне: „Тай си ты!" Као стрѣла ударе те рѣчи Давіда у срдце; у приповѣдки той види самъ свой страшанъ грѣхъ, и занѣми. Натанъ настави говорити: „Тако вели Господъ, помазао самь те, да Царъ будешь надъ Ісраилѣмъ, теби самь дао палату Цара, Господара твога, и выше жена нисамь ти отрекао; покоріо самь ти не само колѣно Іудино него и свы' дванайстъ колѣна цѣлога Ісраиля, пакъ ако ти свега тога іоштъ ніе доста, и выше ћу ти ко томе придодати. Зашто си дакле презрѣо рѣчь Господа Бога, и предъ очима Нѣговыма толико зло учиніо? Урію си мачемъ непріятельскимъ убіо, и жену му отео. Кад' є тако, неће отсад' ни отъ твое куће мачъ отступи-

ти; жене ћу ти твое испредъ твоихъ очію поузимати, па ихъ другима подавати; изъ твое собственне ћу куће подигнути несрећу на те!"

Дрктаюћи рекне Давидъ: „Сгрѣшіо самь противу Господа Бога;" а Натанъ на то: „Кад' се каешь, Богъ ће ти опростити грѣхе!"

Любезна Юносте! зашт' тако брзо опрости Богъ преко Натана Давіду грѣхе? Та и Саулъ рече: сгрѣшіо самь! пакъ опетъ му не опрости Богъ преко Самуила. Видите! Богъ не гледи на рѣчи, него на срдце; Саулъ се каяо грѣха устма текъ, а у Давіда было є срдце пуно каяня, и то, што є усты изрекао, изъ срдца є изишло. Та срдца свога осѣћаня изразіо є онъ іошть и у особитой тужной пѣсни, коя и данъ данашньій свѣдочи о дубокомъ нѣговомъ каяню, а и насъ такође трогателно учи, овако се съ покаяніемъ Богу обраћати: „Помилуй ме, Боже, по великой Твоіой милости, и по множству штедроте Твое очисти беззаконіе мое; єръ признаемъ беззаконіе мое, и грѣхъ мой непрестано ми є предъ очима. Теби єдноме сгрѣшіо самь, и предъ Тобомъ зло самь учиніо; сбогъ грѣхова моихъ не отврати лица Твога отъ мене, но очисти грѣхъ мой! О Боже! створи срдце чисто у мени, обнови духъ правый у мени; не отбацы ме отъ лица Твога, не отузми отъ мене Духа светога Твога. Учини, да опетъ осѣтимъ радость спасенія Твога, оснажи ме опетъ духомъ крѣпости и великодушія Твога,

да и я онда грѣшнике на Твое изводимъ путове, да се нечестиви къ Теби обрате. Боже! Ты си спасеніе мое, избави ме отъ грѣха, нека єзыкъ мой благодарно слави доброту Твою; єръ жертвій нећешь, иначе дао бы ихъ Ти; жертва, коя се Теби допада, єсть каюћесе и смирено срдце, ту Ты жертву, о Боже, не отбацуешь!"

Колико є то у Давіда покаяніе! колико гнушанѣ отъ грѣха! колика искренна тежня за поболшанѣмъ! И опетъ — опетъ — не остави га Богъ безъ казни; пріими га, истина, милостиво, но ипакъ напусти на нѣга многе туге и жалости, као што ћемо мало часъ примѣра ради нѣшто отъ тога навести. Тако тымъ ето учимосе, да се Богу зло дѣло и на ономъ човѣку не допада, кой є иначе Богоугоданъ, и да грѣхъ, ма га мы послѣ колико оплакали, текъ не остае сасвымъ безъ вредоносныхъ послѣдица.

89. Авесаломъ отметникъ.

У Давіда є было выше сынова, отъ коихъ су найзнатніи Авесаломъ и Соломонъ. Авесаломъ є быо найлѣпшій човѣкъ у цѣломъ Ісраилю; отъ стопе ножне до темена главе не бяше му мане; коса му є была сувыше лѣпа и дугачка. Зоромъ излазіо є предъ градъ, пытао свакога, куд' иде, и кад' бы десіо кога, кой є пошао Цару на тужбу, тога бы онъ о свему подробно испы-

тао, пакъ бы му рекао: „Ты имашь сасвымъ право, али у двору нема правде; да самь я судія, я бы свакоме право судіо.” — Кад' му є тко на те благе рѣчи изъ благодарности до землѣ поклонитисе хтѣо, онъ бы га прихваћао и не допуштао, да тога чини, но загрліо бы га и полюбіо. Тако є са свакимъ радіо, кой є къ Цару хтѣо, те га сви люди у волю добыю.

По нѣкомъ времену приступи Авесаломъ къ Цару отцу своме, и рекне: „Я бы ишао у Хевронъ, да жертвуемъ Богу, чему самь завѣтанъ.” Тымъ се хтѣо Авесаломъ предъ отцемъ показати као послушный сынъ, кой безъ отчина дозволѣня ни найманѣ што неће да учини. Осимъ тога іоштъ Хевронъ є быо мѣсто, гдѣ є Давідъ помазанъ быо за Цара, па є Авесаломъ и тымъ се улагати хтѣо, као да му є изъ тога узрока мѣсто то наймиліе. — Царъ му отговори: „Иди у име Божіе.” Авесаломъ отиде у Хевронъ, принесе Богу жертву, и — састави уроту противу отца свога. Дозволѣнѣ само є зато измоліо отъ отца, да се не бы овай досѣтіо злой нѣговой намѣри. И саму ће жертву зато текъ быти принео, да се не бы породило подозрѣванѣ какво, а и да тымъ начиномъ выше другова скупи. Іоштъ пре тога вечь є быо онъ свое люде потайно по свему Ісраилю распослао, и свуда разгласити дао: кад' чуете трубе гласъ, онда повичите; Авесаломъ є постао Царемъ у Хеврону! — Народъ са свію се страна слегне амо, и сви сложно

саставе уроту, те тако Авесаломъ добые силу привръженика, и буде посвуда за Цара проглашенъ.

Драга Юносте! ніе ли Авесаломъ тай при свой своіой милокрвности споляшньой найневаляліега быо срдца? — Ето и ту опетъ видите, ни лѣпота, ни богатство, ни умѣшство допастисе свакоме — не могу човѣку праву цѣну дати, него єдно само честно, благомыслено и безазлено срдце. О Юносте! за тымъ тежите, да вамъ умилятость ваша предъ людма, покорность ваша родительма, молитва ваша къ Богу свагда изъ срдца извире; єръ безъ тога и єдна и друга и трећа быле бы све суште лажи, притворство, лицемѣрство — грѣхъ. А чувайтесе и отъ тога такоће, човѣку зато поклонити повѣренѣ, што є лѣпъ, богато обученъ и сладко говори; єръ то є све єдна текъ споляшньость и привидность — єдва и погледа достойно.

90. Давідово бѣгство.

Кад' у Іерусалиму дочуе Давідъ за Авесаломову уроту, а онъ онда рекне своима людма: „Устайте да бѣжимо, єръ ће иначе Авесаломъ обсѣсти градъ, и све насъ жителѣ градске мачемъ поубіяти." Тако Давідъ тай часъ дадесе пѣшке у бѣгство, а савъ народъ за ньимъ. Не далеко отъ Іерусалима заустависе, и ту дочека Іакова, Авессу, Еттея и све свое вѣрне съ войскомъ отъ

шестъ стотина людій. Кад' Еттея, кой є юче текъ у нѣгову службу ступіо, међу ньима опази, падне му тежко на срдце, па рекне: „Зашт' идешь и ты съ нама? вратисе натрагъ, та ты си отъ юче текъ у моіой служби, новый Царъ неће теби зла учинити; ако я морамъ бѣжати, ты не морашь; вратисе къ браћи своіой натрагъ, и нека ти Богъ буде милостивъ, као што си ты мени био вѣранъ." — Тако се Давідъ и у несрећи своіой брине за туђу срећу; да красна, да благородна примѣра!

Еттей отговори: „Као што Богъ живи, и као што ты, Царе мой, живишь, кудгодъ ты, Господаръ мой и Царъ пођешь, тамо ћу и я слуга твой, было къ смрти или было на животъ." — Давідъ отговори: „А ты дакле ходи съ нама." Савъ народъ, видећи тай красанъ вѣрности примѣръ, заплачесе отъ милина.

Юносте! не допада ли се и вама та толика вѣрность слуге?

Царъ пређе преко потока Кедрска и савъ народъ съ Првосвештеникомъ Садокомъ и свымъ прочимъ Свештенствомъ, Ковчегъ Завѣта носећимъ. Съ найсрдечніомъ преданошћу вольи Божіой рекне Царъ Садоку: „Носи Ковчегъ Завѣта опетъ у градъ натрагъ; ако ми Богъ буде милостивъ, опетъ ће ме Онъ отвести кући, и учинити, да тамо Ковчегъ Завѣта нађемо. Ако ли є Божія воля иначе заключила, я іой се покоравамъ, нека се на мени єдномъ изврши; али вы идите

съ миромъ у градъ." — Они се врате кући натрагъ, а Давідъ се попне на брегъ и даде у плачъ. За знакъ највеће туге и жалости замота главу идући босоногъ, кое и савъ народъ учини.

О како є то страшно, кад' дѣца отцу своме таке сузе натераю, као Авесаломъ своме отцу!

91. Семей и Верзеллій.

Давідъ се упути къ пустыньи; ту изиђе предъ нѣга човѣкъ рода Сауловога по имену Семей, кой се стане на Давіда и слуге нѣгове каменѣмъ бацати, псујући и грдећи овако: „Наполѣ, наполѣ крволоче! то ти є сад' отмаштеніе крви Саулове и нѣговыхъ сынова; отео си, истина, царство, али ето сад' и отъ тебе є Богомъ отето и дато сыну твоме; сад' те притискоше злочинства твоя, крвожедный злоћо!"

Авесса бяше храбаръ юнакъ, вѣранъ у служби, съ највећомъ ревносћу за Цара свога. Али є, што се не може похвалити, быо лютица, и таки се за оружіе хватао. Онъ се на грдню Семееву разяри, па рекне Давіду: „Како смѣ ова мртва псина грдити мога Господара и Цара? сад' ћу му главу отрубити." — Но Царъ му рекне тихо и спокойно: „Видишь, мой роћеный сынъ выя ме да убіе; зашто дакле да то туђем' сыну за зло пріимимъ? пусти га, нека грди, Богъ тако хоће; можда ће погледати Господъ на бѣду моіо и

преобратити клетву Свою у благословъ." — Царъ пође мирно далѣ, а Семей єднако грди, грудвама и каменѣмъ за ньимъ се баца.

Любезна Юносте! како се лѣпо умѣде Давідъ у страданю своме владати! како вольно пріима то изъ руке Божіе, премда му то отъ зла човѣка долази! И мы валя у свакомъ нашемъ страданю да на Бога погледамо, Божіой вольи, коя ипакъ само оно хтѣти може, што се на наше добро клони, да се исто тако покоравамо. То ће намъ и найтеже страданѣ лагкимъ учинити.

Давідъ съ народомъ отиде преко Іордана у пустыню, гдѣ сасвымъ ништа не бяше. Верзеллій, честанъ старацъ, съ іоштъ двоицомъ донесу Цару и нѣговыма людма постелѣ, поняве, лонце, жито, єчамъ, брашно, вариво, медъ, масло, овце и дебеле теоце. Добри ови люди мыслили су: народъ є у пустыньи; безъ сумнѣ є и гладанъ и жеданъ и уморанъ.

Драга Юносте! ту заиста ни пытати не треба, кой вамъ се отъ та два човѣка болѣ допада? Семей — кой као найневаляліе дериште поступа, и натученъ злобне и сурове радости бѣдноме се човѣку руга — или Верзеллій, кой бѣднога любовно прихваћа, и отъ свега, штогодъ има, драговольно, не чекаюћи да се зато моли, другоме у нужди дае? И найманьій отъ васъ види ту велику разлику. — О да васъ свакій по разликованю томе и радити потрудисе — добро,

кое му се на другомъ допада, чинити, а зла, кое му се на другомъ не допада, клонитисе!

92. Авессаломова смрть.

Давідъ уреди войску свою и раздѣли на три части, надъ єдномъ постави Іоава, надъ другомъ Авессу, надъ трећомъ Еттея, и свакоме отъ ньихъ заповѣди предъ цѣлымъ народомъ овако: „Сачувайте ми младога сына мога Авессалома!" — А овай є већь бьо прешао преко Іордана са своіомъ великомъ войскомъ, и стигао отца у шуми Єфремовой, те ту буде бой, и войска Авессаломова побѣђена. Самъ Авессаломъ наиђе на Давідове момке, па стане бѣжати на своіой мазги, коя надре крозъ шуму покрай и исподъ грдныхъ дубова, те се Авессаломъ међу гранѣ єднога дуба дугачкомъ и густомъ своіомъ косомъ тако заплете, да мазга измакне исподъ нѣга, а онъ остане высећи међу небомъ и земльомъ. То види войникъ єданъ Давідовъ, и каже Іоаву, кой му рекне: „Зашт' ниси га убіо, па бы ти я сад' петдесетъ сребрняка дао." Добросрдечный и честный войникъ отговори: „Да бы ми и тысућу сребрняка на данъ изброіо, опетъ я руке мое не бы метнуо на сына Цара мога; єръ Царъ є и теби и Авесси и Еттею заповѣдіо, да смо сви чули, овако: сачувайте ми младога сына мога Авессалома." Іоавъ є другчіе мысліо о томъ невалялому сыну Царевомъ, па узме три копля, похити

къ дубу, и заводе ихъ у неблагодарно Авессаломово срдце, а момцы Іоавови, видећи, да се Авессаломъ іоштъ миче, смлате га сасвымъ. Затымъ даде Іоавъ трубомъ знакъ, да є край битки. Мртво Авессалома тѣло буде у дубоку єдну ямурину у шуми бачено, и гомиломъ каменя извышеномъ затрпано. Ткогодъ є послѣ шумомъ пролазіо и страшанъ тай гробъ видіо, томе є морало на умъ пасти: „поштуй отца и матерь, да срећанъ будешь, и да дуго поживишь на земльи."

Давідъ међутымъ сѣдіо є чекаюћи край боя. Вѣстникъ му донесе гласъ, да є Авессаломъ убіенъ. Давіду хтѣде да пукне срдце отъ жалости, и све єднако якао є: „Ахъ сыне мой Авессаломе! сыне мой Авссаломе! Богъ бы дао, да самь я умѣсто тебе умро! о Авессаломе, сыне мой! мой сыне Авессаломе!

Какву то особито велику жалость изражаваю рѣчи те! како є яко любіо Давідъ невалялога сына свога! — Тако є родительско срдце; па башъ зато и єсть то тако великій грѣхъ уцвѣлити родительско срдце.

93. Давідовъ повратакъ.

Савъ народъ Ісраильскій прилюбисе сад' опетъ наново Давіду тако свойски, као да бы цѣо народъ быо єданъ єдиный човѣкъ, и Цару се пошлю отборницы, кои га у име цѣлога народа натрагъ позову. Давідъ се на позывъ тай опетъ натрагъ крене. Кад'

приспѣ на рѣку Іордань, изиђе предъ нѣга Семей, кога се злоба и грубіянство преобрази сад' у страхъ и трепетъ. Онъ се — обична судба свакога єзычнога оговарала — сад' нађе сасвымъ у власти онога, кога є мало пре онако бездушно грдіо. Падне на колѣна предъ Царемъ, и рекне: „Господару мой и Царе! заборави све увреде, кое самь ти учиніо онда, кад' си изъ Іерусалима излазіо; признаемъ страшну мою грѣхоту, но прости ми; та ево самь я данасъ првый, кой самь ти на сусрѣтъ изишао." — Авесса лютица повиче: „Шта? Семей живъ да остане, кой є Помазаника Господнѣг' грдіо?" — Али су благородна срдца увѣкъ готова опростити, и Давідъ рекне Авесси: „Шта се то тебе тиче? зарь хоћешь да ме на зло наведешь? данасъ да ткогодъ у Ісраилю погине? мыслишь ли, да я не знамъ, да самь данасъ опетъ Царемъ постао надъ Ісраилѣмъ?" То рекне Царь Авесси, пакъ се онда окрене къ Семею съ овыма любезныма рѣчма: „Семее! нећу те дати погубити."

Верзеллій, старацъ отъ осамдесетъ година, дође — съ веселіимъ заиста срдцемъ неголи Семей — на Іордань, да и онъ отпрати Цара у градъ. Давідъ, пунъ благодарности, рекне му: „Ходи къ мени; старе твое дане валя кодъ мене у Іерусалиму да проведешь у свакомъ миру." Верзеллій отговори: „Доклѣ може животъ мой іоштъ потраяти, да се селимъ къ Цару у Іерусалимъ? данасъ ми є осамдесетъ година; не прохтѣва

ми се већь выше ни єло ни пиће, нит' осћћамъ сласть ни горчину; ніе већь выше за мое уши гласъ пѣвача и пѣвачица; па зашт' да будемъ Цару на досаду? Такве награде не тражимъ; іоштъ ћу те мало пратити, пакъ онда молити, да ме пустишь, да кодъ мое куће умремъ и у гробницы покрай моихъ родителя саранћнъ будемъ."

Тако є тай любови достоянъ старацъ поредъ особите доброте и некорыстолюбивъ быо; тако є добро знао, да є све подъ небомъ све сама суета, данасъ єсть а сутра га нема, но єдна само любовь и почитаніе Бога да вѣчито трае. Дай, Боже, да и мы такође старцу томе подобни будемо!

Кад' Царъ съ цѣлымъ народомъ преко Іордана пређе, онда загрли Верзелліа, полюби га, благослови и отпусти у своя си.

94. Псалми Давідови.

Отъ овыхъ светыхъ пѣсана нѣколико сте већь чули, любезна моя Юносте, али су те тако лѣпе, да не можемо повѣсть о Давіду свршити, а да баръ нѣколико іоштъ мѣста изъ ньихъ овдѣ не наведемо. Најпре да видимо, како красно и славно Давідъ свойства Божія представля; пре выше тысућолѣтія то є онъ написао, па іоштъ до данасъ ни єдна уста наймудріихъ людій лѣпше што не казаше.

О свемогућству Божіемъ вели онъ: „Небеса постадоше на Божію рѣчь, задаемъ

уста нѣговыхъ толика силна стада звѣздій. Бога се има бояти савъ свѣтъ, отъ Нѣга стрепити свакій житель землѣ; єръ што Богъ рекне, то буде, што Онъ заповѣди, то є таки ту."

О свезнаню: „Кой є око саставіо, Тай заръ да не види? Кой є уво намѣстіо, Тай заръ да не чуе? Онъ, Кой є човѣку промотренѣ дао, зна и саме мысли човѣчіе, зна брой звѣзда, и назывлѣ ихъ сваку именомъ."

О свудсутству: „Господе! Ты ме провидишъ и познаешь; сѣдимъ ли, стоимъ ли, то Ты знашь. Ты видишь мысли мое изъ дальине. Ил' ходіо ил' лежао я, Ты си узаме, сви путови мои предъ Тобомъ су ясни, пре него што рѣчь моя на єзыкъ ми дође, Ты ю одавна знашь. Куд' да идемъ, Господе, отъ Духа Твога? куд' да бѣжимъ, Господе, отъ лица Твога? попнемъ ли се на небо — Ты си тамо; сиђемъ ли се у бездну — и тамо си Ты; подигнемъ ли се на крылы зоре, и станимъ ли се на послѣднѣмъ краю мора — и тамо ће ме рука Твоя наћи — и тамо ће ме десница Твоя досегнути. Рекнемъ ли: Нека ме покрые тама, ноћь нека ми даномъ буде у похоти моіой; шта ће ми помоћи то? ни тама ме не сакры отъ Тебе — Теби є и сама ноћь тако свѣтла као и данъ — свѣтлость и помрчина Теби є свеєдно. Уписани су были сви дани живота мога іоштъ пре, него што є и єданъ отъ ньихъ быо."

О благости: „Као што є небо отъ землѣ высоко, тако тврдо стои благость Божія

на свыма, кои Га се бое; као што є востокъ отъ запада далеко, тако удалюе Богъ кривицу нашу отъ насъ. Као што отацъ милуе дѣцу свою, тако милуе Богъ оне, кои Га се бое. Животъ є човѣка као трава, прецвѣта као цвѣтъ у полю; дуне л' вѣтрићь на нѣга, већь є прошао, и не зна му се ни мѣста више. Но милость є Божія отъ вѣчности и остае до вѣка на оныма, кои се Бога бое."

Сад' да чуемо нѣколико примѣра изъ науке Давідове о благонравію; нѣке є добрый Царъ тай отредіо управо за младежь, но и други су красни, усрдни и поучителни за свакога.

„Ходите, дѣцо — вели Царъ Давідъ — ходите къ мени, послушайте ме, да васъ научимъ страху Божіему. Тко дуго живити и срећне дане имати жели, нека Мене слуша: устегни єзыкъ твой отъ зла, чини добро, тражи мира и иди за ньимъ! Очи Господнѣ мотре на праведне, а уши на молитву ньихову; али се погледъ Божій гнуша злочинаца; и споменъ ньиховъ брише Богъ са землѣ. Кад' праведни Бога призывлю, Онъ ихъ саслуша и избави изъ сваке нужде. Господъ є близу оныма, кои су сокрушени срдцемъ; смирене духомъ избавля. Праведанъ често страда много, али га Господъ избави отъ неволѣ сваке."

Побуђенѣ къ надежди у Бога: „Богъ є наше прибѣжиште и крѣпость — помоћь у невольи и нужди; па се зато не боимо, ма се и земля тресла, и планине на

дно мора падале; нека бруе валови и нека бѣсне, да се и планине отъ бѣснила ньиховог' задркћу — Богъ є съ нама, мы посрнути нећемо, Богъ є узъ насъ и помаже намъ башъ у свое време."

Совѣтъ и утѣшеніе страдаюћима: „Уздайсе у Бога, и чини добро; имай радость у Богу, па ће ти Онъ дати, што ти срдце иште. Ослони на Бога путове твое, и надайсе отъ Нѣга, пакъ ће ихъ Онъ исправити; яснымъ ће ти учинити право твое као што є сунце ясно, невиность ће обѣлоданити. Я самь быо младићь, па самь ево остаріо, а никад' нисамь видіо честита човѣка, да є быо оставлѣнъ, нити да су му дѣца просила хлѣба. Честитъ є свагда подашанъ и радо чини заямъ, па є опетъ на дѣцы нѣговой благословъ богатъ. Ако честитъ и посрне, неће пасти, Господъ га држи за руку."

Побуђенѣ на благотворство: „Благо ономе, кой се брине за сироте; Богъ га избавля изъ нужде у свое време, држи га, дае му дугъ животъ и срећу, помаже му у болести и намѣшта му постелю."

Обликъ Богопочитателя: „Благо човѣку, кой нейде за совѣтомъ безбожника, не наилази на путъ грѣшника, нити се съ оговараломъ дружи, него радость свою налази у закону Божіемъ, и данъ ноћь томе се учи. Онъ се зелени као дрво край извора поточнога, плодъ доноси у свое време, и лисће му не опада никада. Али нису тако безбож-

ницы, нису; него су као прахъ, кой се свакимъ вѣтромъ развѣюе."

Драга Юносте! упамтите добро рѣчи те Давідове; доћиће време, кад' ихъ не бы дали за све благо овога свѣта. Те ће вамъ рѣчи улити у срдце радостну надежду у Бога, свето страхопочитаніе свудсуштности Божіе, совршено гнушанѣ отъ грѣха, найячу утѣху у невольи.

95. Давідова смрть.

Давідъ остари сасвымъ; край му се живота приближи. Нѣму не бяше то доста, што є за цѣлога живота трудіосе славити име Божіе, и утврђивати срећу людій; но желіо є то исто іоштъ и послѣ смрти свое чинити. Красне уредбе за будућность, коима є смрть свою прославіо, заслужую споменъ овдѣ Добрый Царъ тай имао є у срдцу своемъ двѣ нарочите желѣ, кое бы радъ было іоштъ пре смрти свое видити испунѣне. Желіо є сазидати Господу Богу великолѣпный храмъ, пакъ онда друго: да єданъ отъ сынова нѣговыхъ буде му наслѣдникъ царскога престола. Прву желю наложіо є Пророку Натану; а за другу овако се састарао; предъ смрть свою скупи сирѣчь све Князеве и Боляре државе не съ народомъ, и у томъ великомъ Собору рекне:

„Браћо моя и народе мой! послушайте ме: Хотѣо самъ за Кивотъ Завѣта — подножіе Божіе — домъ сазидати, и заиста самъ

сву грађу быо приправіо; но Богъ ми рекне: „То быти не може; нећешь ты имену Моме домъ зидати, єрбо си ты войникъ и крвь си пролывао; послѣ толике проливене крви не можешь Ми домъ зидати. Но твой сынъ Соломонъ има домъ Мой и препрате Мое сазидати; єръ нѣга самь за сына Мога избрао, и хоћу да му будемъ Отацъ; Царство ћу му, ако уредбе Мое и заповѣсти, како сад' тако и у будућность, испунявао буде, утврдити на вѣки." — Предъ Богомъ и васцѣломъ обштиномъ Ісраильскомъ опоминѣмъ васъ, учите и испунявайте све заповѣсти Божіе. То ако усчините, добра ће ова земля остати ваша и вашега потомства на вѣки. — А ты, сыне мой Соломоне, почитуй Бога и служи Му цѣлымъ срдцемъ вольно; єръ Богъ испытуе сва срдца, провиди све мысли душевне. Ако Бога устражишь, наћићешь Га; ако ли Га оставишь, и Онъ ће тебе отбацыти наувѣкъ. И будући є тебе Богъ изабрао, да светилиштный домъ сазидашь, а ты се мужествено узми посла тога и довриши га!"

Затымъ даде Давідъ сыну своме Соломону чертежъ храма и силно благо за посао тай. Ево видишь, рекне му; колико самь сиромахъ быо, опетъ самь благо ово за зиданѣ храма Божіег' саставіо и уштедіо; и бакаръ, гвозђе, дрва, каменѣ приправіо самь.

Сад' рекне цѣлой Скупштини, да осимъ тога преданога блага и онъ отъ свое стра-

не прилаже на тай конацъ три тысуће талента найчистіега злата и седамъ тысућій талента найчистіега сребра. Тымъ даде примѣръ и другима говорећи: „Кой васъ хоће отъ свое стране што приложити, тай нека чини то данасъ, и жертвуе Господу Богу."

Князеви, Боляри и народъ по могућству пођу за тымъ примѣромъ драговольно.

Тако є дужность свакога Богопочитателя прилоге по могућству давати на уваженіе и пристойность споляшнѣга Богопочитанія.

Народъ се живо обрадуе толикима тако драговольныма прилогма, но Царева тога ради радость бяше найвећа. Предъ цѣлымъ Соборомъ овако Давідъ прослави Бога:

„Свагда и на вѣки хвалѣнъ буди, Господе! Боже отца нашега Ісраиля! Господе! величина, сила, господство, побѣда Теби су свойствена; Теби пристои хвала; све на небу и на земльи Твое є; Твое є, о Господе, царство; Ты си надъ свыма Царевма, богатство и слава Твоя су; Ты владашь надъ свачимъ; сила и моћь стое у Твоіой руцы. Теби дакле благодаримо, о Боже нашъ, и хвалимо Твое Господнѣ име! Шта самь я, шта є мой народъ, да бы мы све ово Теби посветити могли? та ово є све отъ Тебе, мы Ти дакле текъ враћамо оно, што смо изъ Твое руке пріимили. Мы смо, као што су и сви отцеви наши были, путницы текъ и странцы предъ Тобомъ; дани су наши на земльи као сѣнка, нема овдѣ останка за насъ.

Господе Боже нашъ! сви ови прилози, кое смо скупили на то, да светоме имену Твоме домъ сазидамо, изъ Твое су намъ дошли руке; но я знамъ, да Ты, Боже мой, срдца испытуешь, и искреность любишь, зато самь Ты по усрдію моме све ово добровольно и радостно жертвовао, гледаюћи іоштъ притомъ, како и народъ Твой такоће овдѣ скупљѣный съ врло великомъ радосћу жертве Ти приноси. О Господе, Боже отцева нашихъ Авраама, Ісаака и Ісраиля! утврди таке мысли у ньима на вѣки, да буду свагда тако пуни страхопочитанія къ Теби. Подай и сыну моме Соломону честно срдце, да храни законъ Твой, заповѣсти и уредбе Твое, и да ихъ испунява, пакъ онда да и домъ Твой, за кой самь я трошкове саставіо, сазида и доврши!“

Савъ народъ по примѣру Давідову поклонисе и помоли Богу, и чрезвычайно велику принесе Господу жертву; Царъ, Князеви, Боляри и цѣо народъ свеобшту часть држаше тай данъ у радости и веселю найвећемъ.

Соломонъ буде помазанъ за Цара; сви Князеви и Боляри рукуюсе съ ньимъ и поклоне му се радо и весело. Тако уреди Давідъ предъ свою смрть дѣла државна и преда сыну своме. На смртной постельи своіой іоштъ єдаредъ рекне Соломону: „Я сад' отлазимъ на путъ свію смртныхъ; буди утѣшенъ; ослонисе на заштиту Господню; држисе тврдо путова Божіихъ, свію заповѣстій и обреда, као што у закону Мойсеовомъ напи-

сано стои, пакъ ћешь онда у свачемъ, што будешь предузимао и чиніо, мударъ быти, и Богъ ће сва она обѣћаня на теби испунити, коя є мени учиніо."

Єдно велико обѣћанѣ Божіе, кое є Давіду и на самомъ умрломъ часу особиту заиста утѣху чинило, заслужуе, да га овдѣ споменемо. Богъ му є обѣћао наслѣдника, кой ће се сынъ Давідовъ звати, а Царство ће му ипакъ быти вѣчито. О овомъ вѣчитомъ Цару и нѣговомъ величественомъ Царству Давідъ є много прорекао; та пророчества нѣгова касніе ћемо на своимъ мѣсту навести.

Давідъ заспи на вѣки — сытъ живота, сытъ богатства, сытъ славе, и буде саранѣнъ у Сіону.

96. Царъ Соломонъ.

Опоменама отца свога вѣранъ Соломонъ любіо є Бога, и у пріиманю владе принесе му жертву. Господъ му се ноћу яви у сну и рекне: „Моли, шта хоћешь, па ћу ти дати." Соломонъ отговори: „Ты си отцу моме, слуги Твоме, велику учиніо милость зато, што є честно се владао, и ту велику милость Твою продужуешь спроћу нѣга и послѣ смрти нѣгове тымъ, што си му дао сына, кой сад' на престолу нѣговомъ сѣди. Господе и Боже мой! Ты си мене, слугу Твога, умѣсто отца мога поставіо Царемъ; али самъ я іоштъ младићь и незналица. Дай ми дакле, слуги Твоме, срдце на науку склонѣно, да

могу народу Твоме право судити, и разазнати, шта є добро шта ли зло; єръ тко бы иначе могао судія быти надъ овако великимъ и силнымъ народомъ!"

Ово се Богу допадне, те рекне Соломону: „Будући то молишь, а не дугъ животъ и богатство: то даемъ ти, што си моліо, срдце тако мудро и разумно, да ти међу Царевы нигда равна ніе было, нити ће послѣ тебе быти. Но іоштъ ћу ти и то дати, што просіо ниси — богатство и честь; пакъ ако заповѣсти мое, као твой отацъ, држао будешь, преко свега тога іоштъ ћу ти и дугъ животъ дати." На то се пробуди Соломонъ, и тай часъ отиде те принесе кодъ Кивота Завѣта жертву благодарности и радости, и нареди тай данъ велику часть.

Міо санъ овай споминѣ: мудрость — ту се разумѣ нарочито ясно познаванѣ нашихъ дужностій; надъ томъ мудросћу нема веће мудрости осимъ те: вѣрно испуњавати дужности свое, а то є добродѣтель. Мудрость и добродѣтель валя да намъ буду найвећа желя срдца нашега, као што и єсу то два найвећа Божія дара; молимо се Богу свакій данъ за та два дара, и не заборавимо никада, да ће ихъ они добыти и имати, кои се отъ свег' срдца и изъ свію сила паште за тыма тежити, и са свое стране све дужности вѣрно испуњавати.

97. Мудрый Соломоновъ судъ.

Къ престолу Соломоновом' могао є свакій приступити. Єдаредъ дођу двѣ матере предъ нѣга, отъ коихъ єдна му рекне: „Господару! я и ова жена живисмо заєдно у єдномъ дому, и свака насъ имадосмо дѣте напрсче. Никога не бяше другога у кући осимъ насъ двѣю. Ноћасъ умре дѣте ове жене; єрбога є сама у сну тѣломъ своимъ притисла и тако угушила. Кад' се пробуди и види, шта є урадила, а она се къ мени у момъ спаваню прикучи, узме мое дѣте, а свое мртво мени подметне. У зору се пробудимъ я, и нађемъ мртво дѣте узаме; ал' кад' сасвымъ сване, и я болѣ промотримъ, видимъ умѣсто мога нѣно дѣте." — На то друга жена рекне: „Ніе тако, као што ты кажешь, ты лажешь; твое є дѣте мртво, а мое є живо." — „Ніе, викне она прва; ты лажешь; твое є дѣте мртво, а мое є живо." — Царъ прекине имъ свађу овыма рѣчма: „Ова вели, мое є дѣте живо, а твое є мртво; а она вели, ніе тако, него твое є дѣте мртво, а мое живи; донесите ми мачъ амо!" Донешенъ буде мачъ и Царъ рекне: „Разсѣцыте живо дѣте пополе, па подайте єдну полу овой а другу полу оной." — На то се правой матери за дѣтетомъ своимъ тако разжали, да повиче: „Ахъ, не чини тога, Царе мой! болѣ подай іой живо дѣте цѣло; само ми дѣтета не убійте за Бога!" — Друга пакъ жена рекне: „То є право; нека ніе ни мое ни

твое; нека се разсѣче на поле." — То є то, што є Царъ желіо, ту управо любовь матерню хотѣо є искушати, и по томе природноме знаку распозна онъ праву матерь, те сад' рекне: „Не чините дѣтету зла, но подайте га живо овой овдѣ; ово є права дѣтету томе мати." — Овай се Соломоновъ судъ разгласи по цѣлой држави, и свакъ живый са страхопочитаніемъ дивіосе мудрости Цара свога. Осимъ тога іошть є и то мудрости Соломоновой найвећу честь приносило, што є држава, догодъ є Соломонъ живіо, на миру безъ свакога рата была, те є свакій спокойно животъ свой проводіо, и отъ плода трудова своихъ у миру рааніосе.

Драга Юносте! ніе ли вамъ се съ почетка учиніо судъ Соломоновъ врло неразсуданъ и свирѣпъ? а сад', кад' се свршіо, не дивите ли се и сами съ радосћу мудрости нѣговой? Тако быва често съ Божественномъ мудросћу, коя се кадкад' съ почетка чини тамна, неразумна, єръ не можемо у дубльину нѣну да проникнемо. Зато намъ валя съ почетка вѣровати, докъ не докучимо, како є ясна, чиста и Божественна.

98. Притче Соломонове.

Любезни! кад' бы вамъ тко сребрнъ таньиръ пунъ златныхъ ябука дао, не бы ли се томе дару особито обрадовали? А Соломонъ каже: „Као златне ябуке на сребрномъ таньиру, тако су мудре рѣчи у свое време

изговорене." Да хоће срећомъ таку вамъ учинити радость слѣдующе притче, кое су све особито лѣпе и поучителне, а и управо за васъ су све скроене:

„Кой уво свое затвори, да законъ не слуша, тога є молитва гнусна."

„Милостивъ быти и добро чинити, то се већма Богу допада, него жертва."

„Тко уво свое затвори, кад' сиромахъ отъ нѣга проси, тай ће и самъ викати: помагай! али га неће нитко саслушати."

„Тко се на сироту смилуе, тай Творца свога почитуе; тко сироту угнѣтава, тай Творца свога бесчести."

„Душа, коя богато благосиля, та ће быти богато благословена."

„Тко сиромаху радо удѣли, тай неће осиромашити; а тко очи свое отъ просяка отврати, тай ће трпити неволю."

„Тко се на сироту смилуе, тай Богу дае новацъ подъ лихву."

„Честитъ є и спроћу скота свога милостивъ; а нечестивога є срдце свирѣпо."

„Мударъ сынъ радость є отцу своме, а лудъ є туга и срамота матери своіой."

„Тко отцу своме и матери своіой зла жели, томе ћесе угасити свѣћа онда, башъ кад' буде у найгусћой помрчини."

„Што дѣте научи, то старацъ твори."

„Тко отъ своихъ родителя што узме, па рекне: то ніе грѣхъ — тай є другъ разбойникма."

„Чини, што валя, па ће ти здравлѣ быти тврдо, бесѣда твоя умилята, ходъ твой поузданъ, и спаванѣ ти сладко; єръ Богъ є узате, и чува те."

„Понизность иде предъ чесѣу, а гордость предъ падежомъ."

„Хвалиша, кой не држи, што є обѣћао, подобанъ є вѣтру и облаку, кои не даю кише."

„Тко се на свое богатство ослони, тай се осуши као цвѣтъ опалѣный; а тко се на правду осланя, тай се зелени као младый листакъ."

„Гдѣкой є сиромахъ кодъ богатства своега; а гдѣкой богатъ у сиромашству своме."

„Болѣ мало съ правдомъ, него много съ неправдомъ; болѣ мало са страхомъ Божіимъ, него много блага съ немиромъ; болѣ таньиръ варива съ любвомъ, него печенъ волъ у мрзости и сваћи."

„Тко неправду сѣе, тай жанѣ якъ."

„Нека бы неправедный хлѣбъ и быо вкусанъ, али ће найпослѣ уста быти пуна сытнога шлюнка."

„Добро є срдце тѣлу за здравлѣ; зависть є гной у костима."

„Гдѣ є много рѣчій, ту рѣдко проће безъ грѣха."

„Тко се съ мудрыма дружи, мударъ ће быти; а тко се съ лудама дружи, и самъ ће быти тай."

„У брзомъ ходу лагко се ногомъ потакне."

„Много меда єсти нездраво є."

„Лѣнивче! иди къ мраву, па се научи мудрости отъ нѣга; онъ нема владателя, нема учителя, пакъ опетъ у време жетве скупля раану, да има отъ чега преко зиме живити."

„Путъ лѣнивца иде крозъ трняке; путъ Богобоязльивца єсть раванъ и гладакъ."

„На беспосличара нападне оскудица, као хитный за ньимъ пѣшакъ, и сиротыня као оружана потера."

„Тко смокву чува, тай єде съ нѣ плодъ."

„Тко грѣхе свое затаи, томе ніе добро; а тко ихъ исповѣди и скине са себе, тай ће быти помилованъ."

„Као што се сребро и злато у ватри чисти, тако ће Богъ срдце у жалости и невольи искусити."

„Нечестивый є буря, коя брзо прохуи, па є и нестане; благочестивъ стои на вѣки као непокретна стѣна."

„Нечестивый бѣжи, ма да га нитко и не выя; праведникъ є неустрашенъ и храбаръ, као младый лавъ."

„Путъ праведника єсть као зоре свѣтлость, коя све то выше расте и постане даномъ; путъ нечестивога єсть као вечерньій сумракъ, кой све то тамніи быва и претворисе у ноћь."

„У найманѣмъ страданю губи нечестивый духа моћь, праведникъ и у самой смрти остае утѣшенъ."

Соломонъ є и то такође рекао: „злато и бисеръ велику имаю цѣну; али су притче

194a

Schindler del. Gerstner sc.

Соломонов храмъ.

мудрога іошть скуплѣ." То се, Любезни мои, заиста потврдити може о преднаведеныма притчама. Сачувайте их дакле у срдцу вашемъ, и управляйте животъ вашъ по ньима, пакъ ћете тако съ ньима богатіи и срећніи быти, него безъ ньихъ ма у коликомъ богатству!

99. Соломоновъ храмъ.

Као што є Соломону отцемъ нѣговымъ налогъ датъ, тако и сазида онъ Господу Богу великій и великолѣпный храмъ. Сви зидови овога были су палмовым' дрвама и свакояким' цвѣтовма отъ злата скованыма украшени. Олтаръ, десетъ свѣћника съ обадвѣ стране, сво посуђе и кадіонице — све є то было отъ найчистіега злата; мѣста ту ниси могао наћи, гдѣ не бы злата было. Кад' буде зданіе готово, скупесе сви Князеви, Старешине и цѣо народъ Ісраильскій съ Кивотомъ Завѣта отъ Свештеника ношенымъ, и у храму на мѣсто светилиште названо поставлѣнымъ. Два велика Ангела отъ злата разширила бяху крыла своя надъ Кивотомъ. Великолѣпна жертва буде Богу принешена. Царъ предъ очима цѣлога народа приступи къ светилишту, клекне, дигне руке къ небу, и помолисе Богу овако:

„Господе Боже Ісраилѣвъ! Єданъ Ты єси истинитый Богъ; осимъ Тебе нема Бога ни на небу ни на земльи! Ты слуге Твое, кои Те отъ свег' срдца любе, придржавашь вѣр-

но и милостиво. Испуніо си обѣћанѣ Твое оцу моме дано, да ће сынъ нѣговъ Теби домъ сазидати. Али тко смѣ и помыслити, да Богъ управо на земльи живи? та и небо и свію небеса небо не могу Тебе обухватити, да камо ли овай домъ мномъ сазиданый. Но опетъ зато, о Господе мой и Боже мой! погледай милостиво на молитву и сузе Твога слуге, не отвраћай очію Твоихъ отъ дома овога данъ и ноћь; услыши молитву слуге Твога и народа Твога, кад' што просе отъ Тебе на овомъ мѣсту — услыши ихъ тамо горе у обыталишту Твомъ на небу, и буди имъ милостивъ! Затвори ли се небо, те сбогъ грѣхова ныиховыхъ не буде кише, а они Ти се онда помоле на овомъ мѣсту, покаюсе и обрате отъ своихъ грѣхова: о! услыши ихъ на небу, и опрости имъ, слугама Твоима и народу Твоме Ісраилю, грѣхе ныихове; упути ихъ опетъ на правый путъ, коимъ валя да ходе — па имъ онда подай опетъ благодатну кишу! Настане ли гладь у земльи, появи ли се куга, отруе ли се воздухъ, запале ли се жита на ныивама, наиђу ли скакавцы и гусенице, насрне ли непріятель съ войскомъ, обколе ли градове, или наиђе ли на ныи каквагодъ нужда, неволя или болесть: койгодъ онда изъ васцѣлога народа Ісраильскога помоћи отъ Тебе у молитви успроси, съ тугомъ осѣти, како му є удручено срдце, па руке своє у до му овомъ къ Теби подигне — о! услыши му молитву тамо горе на небу, мѣсту обыта лишта Твога, и буди му опетъ милостивъ, по дай

му и учини му, као што заслужуе, и као што Ты, Кой Єданъ срдце свію людій познаешь, срдце му расположено нађешь — да се свагда Тебе бои, доклѣгодъ узживи у земльи овой, кою си Ты отцевма нашима даровао. — Ако туђинъ, кой ніе отъ народа Твога Ісраиля, издалека амо дође имена Твога ради, па се на овомъ мѣсту помоли — услыши га на небу, мѣсту обыталишта Твога, и учини све, што туђинъ отъ Тебе проси, да сви народи на свеленной признаду име Твое и науче, Тебе се бояти, као што чини народъ Твой Ісраиль!"

Сад' устане Соломонъ и благослови цѣлу обштину Ісраильску говорећи: „Благословенъ буди Господъ, Кой є по обѣћаню Своме миръ дао Ісраилю, те се тако могаше све ово довршити. Отъ свію красныхъ обѣћаня Нѣговыхъ, преко слуге Му Мойсеа учинѣныхъ, не остаде ни єдна рѣчь неиспунѣна. Буди Богъ съ нама и унапредакъ, као што є съ отцевма нашима было; да не остави насъ никада, и не скине руке свое съ насъ; да приклони срдца наша къ Себи, па да свуд' по путу Нѣговоме ходимо, и све заповѣсти, обреде и уредбе Нѣгове испунявамо. Господъ Богъ нашъ нека свагда пріими молитву мою данашню, коликогодъ путій повторавалась буде овдѣ, и да свагда пошлѣ милость слуги Своме и народу Своме Ісраилю, како да бы сви народи свеленне признали: Онъ є Господъ Богъ, окромъ Нѣга нема Бога! Срдце наше нека є съ Ньимъ совршено соєдинѣно увѣкъ, да по закону Нѣговоме жи-

вимо, заповѣсти Нѣгове испунявамо, као што смо данасъ ево учинили!"

Ето видишь, Юносте, на што су храмови и цркве, кое мы домове Божіе называмо. Богъ наравно не потребуе куће на земльи, али мы потребуемо домове Божіе, да у ньима учимосе, Бога познавати и волю Нѣгову творити, да скупа благодаримо Богу на благодѣяніяма, и у свыма нашима бригама скупа се Богу молимо. Тко у цркву иде, а изъ нѣ не изиђе болый — покорніи Богу, благодарніи Богу у срећи, съ ячимъ повѣренѣмъ на Бога у несрећи, любезніи и миролюбивіи спроћу людій — тай є залудъ быо у ньой.

100. Соломонова смрть.

Соломонъ є не само мудросћу, него и словомъ такоће и богатствомъ надвысіо све друге Цареве на свѣту. Осимъ храма сазидао є іошть и палату Царску неописане лѣпоте. Престолъ му є быо читавъ отъ саме слонове кости златомъ извезене; съ обадвѣ стране стаяло є на степены доле дванайстъ великихъ лавова, а узъ самъ престолъ горе два іошть већа лава, сви отъ самога злата. Служительи су му были найбогатіимъ рувомъ одѣвени. Сво посуће было му є отъ злата. Іерусалимъ є утврдіо яко, многа зданія у нѣму изнова подигао; многе друге нове вароши основао, сва мѣста у држави зидомъ оградіо. Цареви и народи

изблиза и издалека дивили су му се, страхопочитаніе му свое показывали и дарове доносили. Ал' као што су прве године владања Соломонова славне биле, тако му є край жалостанъ био. Сяйность га заслѣпи, чувствена увеселенія разнѣже му срдце, и отврате га отъ Бога. Противу изричне Божіе заповѣсти узме множину странскихъ жена, кое му сасвымъ искваре срдце, и найпослѣ у старости нѣговой наведу на ідолопоклонство. Мудрый онай нѣгда Соломонъ — тко бы то могао био вѣровати? — сазида храмъ ідолскій! — Богъ му наговѣсти, да ће царство отъ нѣговыхъ наслѣдника отето быти, и єдно имъ само колѣно остати сбогъ онога Давіду Богомъ учинѣнога обѣћаня. — Отсад' стане падати слава Соломонова; буне и уроте откидаше му отъ царства читаве предѣле, претећи и престолъ му затрести. Мегканый животъ учини га пре времена старымъ, и самъ примѣти, да ће скорымъ умрети, па сад' топрвъ почне судити о суети сваке славе овога свѣта. У єдной кньиги, кою є по свой прилицы предъ смрть написао, вели онъ: „Велика самь дѣла предузимао, домове зидао, віограде садіо, вртове за увеселеніе подизао; имао самь слуге и служкинѣ, неброене стоке и стада оваца; сабрао самь сребро, злато, благо безъ броя; држао самь пѣвачице, ишао самь за свакоякимъ веселѣмъ, кое се текъ измыслити може; све, што су ми очи само зажелиле, то самь я мени набавіо, никакву

радость срдцу моме отрекао нисамь — — па глед' сад', све то бяше суета! све души мука! ништ' не нађохъ сталнога подъ сунцемъ!"

Што Соломонъ ту рѣчма рече, о томъ снажніе свѣдочи смрть нѣгова. Онъ умре, тѣло тако силнога нѣгда Цара лежи посред' све славе нѣгове блѣдо, нѣмо, хладно, укочено! — Круна, престолъ, благо, слуге, сво великолѣпіе нѣгово — укратко сва слава свѣтска шта му поможе?

Жалостный край живота Соломоновог' дае намъ ту важну науку: Кад' помыслимо, како є нѣгда овай Соломонъ добаръ быо, како се смирено Богу моліо, да му мудрость даде, какве є славне притче написао, како се срдечно у храму Богу моліо, како є мудро владао — — пакъ онда кад' у мыслима къ мртвом' нѣговом' тѣлу приступимо, и сѣтимосе, како є жалостно скончао, у какве се лудости и пороке заглибіо — о моя драга Юносте! не мора ли намъ срдце пуно быти туге и жалости, и не морамо ли са сузама вопити: О Боже! блага дакле и увеселенія свѣта овога не само да су суетна, него су іоштъ и отвећь опасна, и могу насъ у највећу несрећу свалити! Тако и найячій разумъ и найпространія наука не могу насъ отъ неразсудности и порока сачувати, како се на чувствена увеселенія отдамо, пустимо, да намъ у срдцу нашемъ ничу страсти, съ невалялыма людма дружство вежемо. Тако намъ дакле добродѣтель наша и срдца спокойство никад' нису безъ бѣде, развѣ кад' намъ є срдце наше

са свымъ чисто отъ сваке страсти, и Єдноме само Теби прилюбисе, о Боже!

Не можемо, Любезни, повѣсть Соломона болѣ окончати, него рѣчма, коима є онъ самъ размышлѣня своя о суети свега на свѣту довршіо, говорећи: „Єзгра сваке мудрости єсть: Бойсе Бога, и држисе Њговыхъ заповѣстій; то свакій човѣкъ може, и то га чини топрвъ совршенымъ. А сва дѣла, па и сама она, коя у найвећой потаи бываю, Богъ ће предъ судъ Свой довести, была та добра или зла."

101. Цѣпанѣ Царства.

Послѣ смрти Соломона постане сынъ му Ровоамъ Царемъ. Овай не усхтѣ слушати старе искусне Совѣтнике отца свога, него се поведе за млађима, кои су съ ньимъ отрасли. Надъ народомъ владао є сувыше строго и гордельиво. Отацъ мой — говоріо є онъ — бычемъ васъ є казніо, а я ћу скорпіяма. На то се десетъ колѣна народа Ісраильскога отметну Ровоама, и саставе ново Царство, кое назову Ісраилѣмъ; а Ровоамово Царство состоялосе изъ єднога текъ колѣна Іудина, зато се и назове царство Іудино, єръ Веніаміново колѣно тако є было малено и незнатно, да є у Іудино колѣно брояно.

Тако быва увѣкъ гордость и бѣсноћа младости казнѣна; тако никоме іошть ніе жестина и свирѣпость донела сладкога пло-

да; тако се увѣкъ каяла юность, што ніе слѣдовала совѣту старыхъ людій, кои выше искуства и зрѣліег' разсуѣеня имаю.

Отсад' дакле буде народъ Ісраильскій на два Царства раздѣлѣнъ; Іерусалимъ остане престолнымъ градомъ Царства Іудина, а Ісраильскога Самаріа. Дѣоба ова имала є најжалостніе послѣдице; обадва Царства водила су међу собомъ најлюће ратове. И Іудини и Ісраильски Цареви, ако ихъ мало число изузмемо, сви су были неваляли. Народъ падне у незнанѣ, порокъ и грѣхъ; право Богопочитаніе клоне сасвымъ; обшта срећа исчезне. Ето тако се распростире невалялство, као бѣсна ватра, све већма и већма около себе на све стране. Да бы се народъ поправіо, слао є Богъ отъ времена на време Пророке, кои отъ тога доба постану важніи него Цареви. Зато ћемо и мы у осталой повѣсти народа Ісраильскога нарочито о Пророкма бесѣдити.

ПРОРОЦЫ.

102. Иліа на потоку Хорату.

Отъ свію Пророка ніе ни єданъ толико чиніо, да право Богопочитаніе и чистоту нравій опетъ поврати, колико є чиніо Иліа, кой є правый другій Мойсей быо. У нѣгово време владао є надъ Ісраилѣмъ Ахаавъ, найгорій Царъ отъ свію и пре и послѣ; подъ ньимъ буде ідолу Ваалу капиште сазидано, и народъ на ідолопоклонство наведенъ. Пророкъ Иліа изиђе предъ Цара Ахаава, и рекне му: „Као што є истина, да Господъ Богъ Ісраилѣвъ живи, предъ коимъ я стоимъ; тако є истина, да ни киша ни роса неће дотлѣ пасти на землю, доклѣ я не рекнемъ.“ Ахаава не поправи претня та нимало; шта више, стане гледати, како ће Илію потайно смакнути. Иліа ніе за то знао, но Богъ му рекне: „Бѣжи одавдѣ, и сакрысе тамо, гдѣ потокъ Хоратъ утиче у Іорданъ; гавранма самъ заповѣдіо, да ти раану доносе, а воду пій изъ потока.“ Иліа се покори, и тай часъ отиде на Богомъ си назначено мѣсто, гдѣ є потомъ удалѣнъ отъ свію людій живіо у тихой дивіой пустыньи. Но по нѣкомъ

времену осушисе потокъ, єръ већь више у предѣлу кише не бяше. Богъ му помогне у невольи той, и рекне: „Устай, па иди у Сарепту Сідонску; тамо ћу заповѣдити удовицы нѣкой, да те раани.” Иліа се опетъ покори, устане и отиде. Кад' близу града Сарепте дође, опази жену, коя є туда сувади купила, а то є была она удовица, ко коіой га є Богъ послао. Иліа бяше врло жеданъ, па рекне жени, да му донесе воде у крчагу. Она пође драговольно, а Иліа викне за ньомъ: „Донеси ми, молимъ те, и комадићь хлѣба.” Она му отговори: „Живъ Богъ на небу, хлѣба ти немамъ, осимъ єдну само прегршть брашна и нѣшто мало уля у чванцу; зато самь ево и дошла амо, да скупимъ сувади, те да умѣсимъ и испечемъ то мало брашна за се и за сына мога; кад' то поєдемо, не остае намъ друго, него отъ глади умрети.” На те рѣчи ударе іой сузе. Али и ньой у крайньой нужди дође Богъ у помоћь у найболѣ време. Иліа рекне: „Не бринисе, но отиди и уради, као што рече; али отъ тога мало брашна испецы найпре хлѣбчићь за мене, и донеси ми га амо; пакъ онда пецы за тебе и сына твога, єръ тако говори Господъ: брашно у ковчегу твомъ никад' се умалити неће ни улѣ у чванцу дотлѣ, доклѣ Господъ опетъ земльи кишу не пошлѣ.” Жена отиде, и съ пунымъ повѣренѣмъ на Бога учини све, као што іой є Иліа казао.

Иліа се усели у кућу удовице те, коя му послѣ нѣкога времена исповѣди: „При-

знаемъ, да си ты Божій човѣкъ, и да є све, што Богъ преко тебе говори, сушта истина.“

Овдѣ намъ то примѣтити валя, да є Сарепта была ідолопоклоничка варошь, и удовица та ідолопоклонка. Па зашто пушта Богъ на цѣо Свой великій правовѣрный народъ и у нѣму ємачно тысуѣу сирота удовица гладь? а шалѣ Пророка Свога управо къ ідолопоклонки? Видите, Любезни! та є ідолопоклонка была кротка, услужна, трпѣльива у невольи, у Бога се уздаюћи. Правовѣрни у оно доба нису такви были. Зато є хотѣо Богъ очевидно доказати, да є ідолопоклонка, сирота презрѣна просякиня, коя изъ горке неволѣ исподъ туѣихъ плотова иверѣ купити мора, само ако є кротка и добронравна, Нѣму повольнія, него цѣо правовѣрный ал' иначе сасвымъ невалялый народъ. Не треба дакле да се тымъ задовольимо, што се правовѣрни зовемо, а іоштъ манѣ да се тымъ гордимо, и иновѣрне презиремо; єръ ако по вѣри нашой не узживимо, Богу ће много повольніи быти иновѣрцы, неголи мы.

103. Илійно чудо.

Три године и шестъ мѣсецій протекло є већь, откако ни облачка на небу видити не бяше, ни капльица кише или росе землю не покваси. Тко неће ту страшну несрећу себи представити моћи, кою Пророцы овако описую: „Сва пуста земля у црно се завыла; вінова лоза и безъ лисћа а камо ли гроздова;

смоквенице и маслинице безъ свакога сока; по цѣлым' шумама нигдѣ листка; о жетви ни помысла нема; житне сипарнице праздне; кошеви изѥрилисе и попадали, ѥръ никоме већь выше не быше отъ потребе; марва рыче ужасно, овце блее страшно, ѥръ нигдѣ травке загрызти, купине свуд' као ватромъ опалѣне; сва врела поточна усанула сасвымъ!"

Ахъ, да ужаснострашне несреће, кад' Богъ людма ма текъ ѥдно благодѣяніе Свое укине. Ѥдва већь ѥдаредъ и Ісраильтянма се сад' отворе очи, те виде, тко ѥ Тай, Кой росу, кишу и благословену жетву дае, и запытаю опетъ за Бога. Иліа пріими Божію заповѣсть, отићи къ Ахааву, и казати му, да ће Богъ послати кишу на землю. Иліа отиде; Ахаавъ Царъ, кад' га опази, рекне му: „Ты ли си то тай, што толику несрећу навлачишь на Ісраиля?" Иліа отговори: „Не я, но ты и домъ отца твога узрокъ сте толикой несрећи, ѥръ заповѣсти Божіе погазисте, и за Вааломъ потекосте! Пошльи слуге, и сазови савъ народъ Ісраильскій къ мени на Кармилъ планину, па нека іоштъ и четири стотине и петдесетъ Пророка Ваалових съ народомъ дођу." Ахаавъ учини тако. Кад' се сви скупе, проговори Иліа: „Зашт' тако дуго храмляте на обадвѣ ноге? ако ѥ Господъ Богъ, а вы се држите Нѣга Ѥднога; ако ли ѥ Ваалъ, а вы се држите тога!" — Народъ не знаде, шта да отговори, боећисе можда, да, Бога уполе се држати, толико готово

значи, као и сасвымъ Га оставити. — Илiа продужи говорити: „Я самь єданъ єдиный овдѣ Пророкъ Господань, а Вааловыхъ има четыри стотине и петдесетъ. Доведите намъ два вола, па нека они єднога изберу, на комаде изсѣку, на дрва метну, али дрва да не запале. Я ћу другога вола узети, на дрва га метнути, но ова ни я нећу запалити. Послѣ нека призову они свога бога, а я ћу мога, па кой Богъ съ ватромъ отговори, тай да буде Богъ нашъ.“ Савъ народъ у гласъ повиче: „То є найболѣ, то є право!” На то Илiа рекне Пророкма Ваала: „Радите вы найпре, єръ васъ є выше.” Они узму вола, заколю га, и продерусе: „Ваале, послушай насъ!” Тако су викали отъ ютра до полдне, скачући и на колѣна падаюћи около жертвеника. Ал’ ни откуда гласа ни отговора. Кад’ већь превали полдне, стане имъ се Илiа ругати, говорећи: „Вичите већма; та Ваалъ є богъ, може быти да се съ кимъ разговара, или є отпутовао кудгодъ, или спава, те га валя пробудити.” Iдолови Свештеницы на то се стану iоштъ већма дерати, и по обычаю своме ножевма бости, да имъ є крвь текла. Викали су тако и дералисе до самога вечера; али ни откуда гласа ни послушанiя.

Сад’ рекне Илiа народу: „Ходите сви амо къ мени;” и народъ се савъ скупи около нѣга, а онъ узме дванайстъ каменя по числу колѣна народа Iсраильскога, и метне ихъ у жертвеникъ, хотећи тымъ наговѣстити, да имъ се валя свыма на почитанiе Єднога Истинитога

Бога сложити, уєдинити. Около жертвеника ископа широкъ и дубокъ єндекъ; метне дрва на жертвеникъ, искомада вола, и метне га на дрва, пакъ онда даде силну воду донети, и проліе ю на жертву и дрва, да є савъ жертвеникъ у води био, а и савъ єндекъ воде се напуніо. Сад' приступи Иліа къ жертвенику и помолисе: „Господе Боже Авраамовъ, Ісааковъ и Іаковлѣвъ! покажи данась, да си Ты Богъ у Ісраилю, а я слуга Твой; услыши ме, Господе, услыши ме, да народъ овай позна, да си Ты, о Господе, Єданъ Єдиный Богъ, па да имъ се срдца ньихова кь Теби опетъ обрате." На то падне ватра съ неба, и повєде жертву, дрва, каменѣ, излиже и саму воду у єндеку. Народъ, видећи то, попада лицемъ на землю и повиче: „Господъ є Богъ! Господъ є Богъ!"

Тако се опетъ врати народъ къ почитанію Истинитога Бога. Као што є Мойсей чудесы право Богопознаніе и Богопочитаніе основао, тако га Иліа чудомъ опетъ поврати. Люди чудеса єстествена, коя посведневно предъ очима гледимо, не сматраше, па зато благоволи Богъ чрезвычайны чудесы научити ихъ, да є Онъ Господъ єстества.

Иліа даде сад' Свештенике Ваалове поубіяти зато, што су као лажльивцы народъ на ідолопоклонство премамили. А Ахаава рекне: „Похити брже кући, єръ као да чуемъ већь тутню яке кише." Онъ пакъ самъ отиде на врхъ планине Кармила, падне на колѣна, приклони главу до землѣи и помолисе Богу.

Седамъ путій єдно за другимъ повторіо є молитву, и ту се докаже, шта и колико учинити може молитва Праведника. Наєдаредъ се дигне силанъ вѣтаръ, сво се небо завые у црне облаке, и буйна киша захуи са свію страна падати.

О како ли се сватко и свашта киши той обрадовало, и наново оживило! како ли се жедна земля напіе, и травно зеленило изъ себе мало по мало избіяти стане! О да и мы уза сваку прохладну и плодовиту кишу тога се сѣћамо, како є велико благодѣяніе Божіе киша!

Цѣла ова повѣсть опетъ намъ каже, како и сад' Богъ съ грѣшникма поступа. Найпре ихъ невольомъ затресе, затымъ ихъ поучи рѣчма и дѣлма мудрыхъ людій, найпослѣ имъ опетъ добро и радость чини. О тко да не цѣлива Отеческу Божію руку и онда, кад' казни!

104. Ахаава и Іезавелѣ грѣхъ и казнь.

Ахаавъ є имао и у граду Іезраелю палату, близу кое бяше виноградъ Навутеа граћанина Іезраельскога. Ахаавъ рекне Навутею: „Дай ми виноградъ твой, радъ самъ вртъ отъ нѣга направити, єрбо лежи близу мое палате; а я ћу ти платити или, ако волишь, купити другій виноградъ за овай." Навутей на то отговори: „Боже сохрани, да бы отчинство мое продао!" Ахаавъ се лютитъ врати у Самарію, легне у постелю лицемъ

къ зиду, и не усхтѣ єсти. Іезавеля, жена нѣгова, приступи къ нѣму, и упыта га, шта му є, те неће да єде? Ахаавъ іой приповѣди разговоръ свой съ Навутеомъ; а Іезавеля му рекне: „И ты бы ми славанъ Царъ быо, кад' бы му попустіо; устай, те єди, и буди добре волѣ; я ћу теби добыти тай віноградъ." Сѣдне па напише у име Ахаава писмо на Представнике Іезраельске, и запечати га Царевымъ печатомъ. У писму є томъ ово стаяло: „Огласите постъ и жалость, као што быва, кад' є тко велико беззаконіе учиніо; изведите на среду међу народъ Навутеа, намѣстите два невалялца, кои ће противу нѣга свѣдочити, да є грдіо Бога и Цара, пакъ онда га изведите и каменѣмъ утуцыте." Тако и буде; невинный Навутей буде каменѣмъ убіенъ, и пси му крвь полочу.

Како Іезавеля разбере, да є убіенъ Навутей, таки рекне Ахааву: „Сад' иди, па узми віноградъ Навутеовъ безъ крайцаре, кад' ти га ніе хтѣо продати; єръ не живи выше, умро є." Но Иліа Богомъ посланъ дође къ Ахааву у віноградъ, и рекне му: „Господъ говори, заръ ћешь као убійца да наслѣдишь ову землю? на ономъ истомъ мѣсту, гдѣ су пси крвь Навутеову полокали, и твою ће они крвь локати; а Іезавелю ће пси кодъ Іезраельскихъ зидина пождерати."

И то се сбуде; послѣ двѣ године за тымъ буде Ахаавъ у ратномъ бою тежко ранѣнъ, и на колы кући отнешенъ. Крвь му є изъ ране крозъ кола цурила, и пси су ю локали.

Тай истый данъ у вече умре Ахаавъ, и єданъ отъ слѣдующихъ Царева дође у Іезраель, а Іезавеля, чувши за долазакъ тай, набѣли и нарумени лице, косу очешля и накити, те се тако нагне на прозоръ, да гледи улазакъ Царевъ. Царъ ю опази, и повикне на свое около себе слуге: „Бацыте ю доле!" Тако и буде; крвь изъ нѣ попрска зидове палатне, а копыте коньске изгазе ю сасвымъ. Послѣ ужине заповѣди Царъ, да ю саране, али се не нађе отъ нѣ выше, осимъ главе изгрыжене, ногу и дланова; друго све већь су были пси прождерали.

Тако се испуне рѣчи Илијне; тако зла дѣла вуку и страшне казни такође за собомъ.

105. Еліссеева чудеса.

Богъ узме Илію вихоромъ отъ землѣ; на ватрены колы и коньи дигнесе къ небу. Наслѣдникъ му буде Еліссей, на комъ є духъ Илијнъ почивао, те є онъ многа славна починіо дѣла. Єдаредъ приступи къ Еліссею сирота удовица, и рекне му: „Умро ми є мужъ, а и самъ знашь, да се Бога бояо. Сад' ми дође займодавацъ, и хоће да ми два сына отведе къ себи за дугъ у робство." Еліссей іой отговори: „Шта имашь іоштъ у кући?" „Ништа выше", рекне она, „осимъ мало уля." „А ты иди," дода Еліссей, „узайми отъ свію сосѣда праздне ссудове, коликогодъ добавити можешь; пакъ онда уђи са сыновма твоима у кућу, затвори врата, па сипай

улѣ изъ крчага у праздне ссудове, и све ћешь ихъ напунити." — Удовица учини тако; сынови іой додаваше ссудове, а она ливаше улѣ у ньи. Кад' сви ссудови пуни буду, рекне она єдноме отъ сынова: „Дай амо іоштъ єданъ ссудъ," а сынъ іой отговори, „да нема выше ни єднога." Она приповѣди то Пророку, кой іой рекне: „Сад'иди, те продай улѣ, и плати дугъ; а што претече, отъ тога живи са сыновма."

Изъ ове мале повѣсти учимосе, спроћу бѣдныхъ удовица и сирочади не быти тврдосрдечанъ, као тай займодавацъ, него милостивъ и благодѣтеланъ, као Пророкъ. А уєдно и томе треба отуда да се научимо, да є дужность, дугове, како є могуће, таки платити.

Другій путъ буде гладь у предѣлу томъ. Сынови другихъ Пророка дођу къ Елісєю, кой заповѣди слуги, приставити великій лонацъ варива къ ватри. Єданъ отъ дошавшихъ изиђе наполѣ, потражити зеля, наиђе на єдно, кое є изгледало као вінова лоза, те набере, ако и ніе га познавао, пунъ скутъ бобица съ нѣга, донесе кући, изсѣцка и бацы у вариво у лонацъ. Кад' се изнесе кувано єло, и они почну єсти, повичу сви: „Божій човѣче! смрть є у лонцу." Елісєй рекне: „Донесите ми брашна амо!" Они донесу, Елісєй успе брашно у лонацъ, и рекне: „Сад' єдите, и не бойтесе отрова."

Различныхъ има отровныхъ зеля, бобица и гльива; ово валя сазнати, или баръ не єсти оно, што ніе познато. А има такође

много природныхъ средства, избавити люде, кои су отровомъ или другимъ коимъ случаемъ у живота опасность пали. И ова средства сазнати, єсть дужность, єрбо се тако гдѣком' човѣку у несрећи помоћи може, као што є и Пророкъ ту помогао.

Єдаредъ опетъ рекну Елиссею ученицы нѣгови: „Соба ова, у коіой сви заєдно живимо, врло є малена; мы идемо къ Іордану, да насѣчемо грађу, па свакій за се колебу да направимо." Пророкъ и самъ отиде съ ньима. Кад' су сѣкли дрва, падне єдноме сѣкира съ држаля у воду. Овай повиче: „Яо мени; пропаде сѣкира, а ніе моя, него самъ ю позаймio." Елиссей рекне: „Гдѣ є пала?" и младићь покаже му мѣсто, а Елиссей чудо учини, те сѣкира са дна рѣке исплива горе, и младићь ю рукомъ дохвати.

Гдѣгодъ само можемо валя да другоме помажемо, као и Пророкъ ето што чини; а валя и да туђу стварь тако свето чувамо, да пре и радіе сами штету какву претрпимо, него да другоме, ма и безъ наше кривице, штету учинимо, као ето што младићь тай чини.

Іоштъ єданъ случай є особито за дѣцу поучителанъ. Елиссей отиде єдаредъ у Ветиль варошицу, гдѣ предъ варошицомъ томъ нѣколико дерлади стану ругати му се: „Ћело, ћело, ходи амо!" Онъ ихъ погледи, наговѣсти имъ, да ће Богъ несташность ньихову люто казнити, и тай часъ изиђу два

медвѣда изъ шуме, те порастрзаю четрдесетъ и двое те неваляле дѣце.

Тымъ є Богъ показати хотѣо, како Му є врло неугодно, кад' се дѣца комегодъ сбогъ тѣлеснога каквога недостатка ругаю, и да ће дѣца та кад' тад' зло прођи. Любезни! не уподоблявайтесе той невоспитаной дѣцы.

106. Іоштъ єдно чудо Еліссеево.

Предѣлъ Ханаанскій граничіо є съ Царствомъ Сирскимъ. Нееманъ, врховный Войвода Цара Сирскога, бяше изреданъ човѣкъ и у великой чести кодъ Господара свога, єръ є преко нѣга Богъ Сирію у време глади избавіо. Войвода тай быо є особито храбаръ и врло богатъ, али є притомъ — као што се често какво такво зло нађе, кое є кадро сваку другу срећу огорчити — быо є прокаженъ, кое є іоштъ гора болесть него богинѣ, и готово є неисцѣлима. Єдаредъ надру нѣколико Сиряна у Ханаанъ и заробе малу єдну дѣвойчицу, кою Нееманова жена узме себи у службу. То дѣвойче, врло добре и милостиве нарави, рекне своіой Госпои: „Ахъ, да Господинъ мой отиде само у Самарію къ Пророку, заиста бы се излѣчіо." Жена каже ово мужу, а овай Цару, кой му допусти отићи. Нееманъ отиде съ многимъ понешенымъ благомъ и съ писмомъ отъ свога Цара на Цара Ісраильскога. У писму є томъ овако стаяло: „Кад' пріимишь ово пи-

смо, знай, да шалѣмъ слугу мога Неемана къ теби, да га отъ проказе излѣчишь." Царъ Ісраильскій, прочитавши писмо, разярисе, и повикне: „Заръ самь я Богъ, Кой може убити па опетъ оживити, те къ мени шалѣ овога човѣка, да га я излѣчимъ: видите ли, како хоће да заметне кавгу са мномъ." Еліссей пошлѣ къ Цару свога ученика, да му у име нѣгово каже: „Што се лютишь? пошльи човѣка тога къ мени, па ћесе увѣрити, да има Пророкъ у Ісраилю." Нееманъ дакле дође къ Еліссею съ коньи и колы, и заустависе предъ кућомъ. Еліссей пошлѣ слугу наполѣ, и яви му: „Иди, окупайсе седамъ путій у Іордану, пакъ ћешь излѣчитисе и чистъ быти." Нееманъ се на то разлюти и рекне: „Вальда бы пристойно было, да Пророкъ къ мени амо наполѣ изиђе, име Господа Бога свога надамномъ призове, проказу ми рукомъ додирне, и тако ме лѣчи. Заръ нису Авана и Фарфаръ, рѣке у Сиріи, болѣ него све рѣке у Ісраилю, па да се башъ у Іордану купати морамъ, ако ћу да оздравимъ?" Срдитъ отиде Нееманъ своимъ путемъ.

Овако накрайсрдца быти, велика є погрѣшка, и понайвыше се рађа изъ прикрывене гордости. Упамтите то, Любезни, и старайтесе съ кореномъ ю нѣнымъ, гордосћу, изъ срдца вашег' истребити.

Слуге Нееманове, кои су разумни и искренни люди были, и Господина свога сердечно любили, приступе къ нѣму и рекну му:

„Драгій отацъ! да ти є Пророкъ и мучніе што заповѣдіо, не бы ли требало, да ипакъ учинишь? да како ли не бы ту лагкость свршіо, и окупаосе?" На те рѣчи Нееманъ се утиша и ублажи; надяча гордость свою, а то є было лѣпо отъ нѣга, као што се и ніе послѣ каяо, да є тако урадіо. Та гордость накрай-срдца много є зла међу людма починила, па мало што ніе и Нееманa упропастила; али побѣда надъ ньомъ ево како га є усрећила:

Спустисе къ Іордану, окупасе седамъ путій, и буде сасвымъ чистъ отъ проказе. Кад' види, какво се то чудо съ ньимъ догодило, тай часъ се врати опетъ съ цѣломъ своіомъ пратньомъ къ Пророку, уђе му у собу и рекне: „Сад' видимъ, да заиста нема на цѣлой свеленной другога Бога окромъ Ісраильскога; молимъ те, узми овай даръ отъ мене слуге твога."

Лѣпъ примѣръ благодарности; найпре слави Нееманъ Бога, пакъ онда благодари словомъ и дѣломъ ономе, преко кога му є Богъ благодѣяніе учиніо.

Но Еліссей отговори: „Као што є Богъ живъ, предъ Коимъ овдѣ стоимъ, я не узимамъ ништа." Нееманъ га силомъ хтѣде наговорити, да узме; али онъ му то сасвымъ отрече, и рекне: „Пођи съ миромъ!"

Лѣпъ примѣръ некорыстолюбія; Еліссей могаше томъ приликомъ обогатитисе; али є нѣму мило, съ малымъ живити задовольно, много добра чинити, па не тражити выше ништа.

Но што у овой повѣсти за васъ, Любезни, особито лѣпо и трогателно быти мора, єсть та мала служкиня. Она є повѣренѣмъ своимъ у Бога и сажаленѣмъ своимъ къ людма првый узрокъ, што се силанъ Војвода тай отъ болести свое излѣчіо, и къ почитанію Истинитога Бога обратіо. Тако могу и дѣца, ако су Богобоязльива, много добра учинити.

107. Гіезіа.

Слуга Пророковъ, Гіезіа, ніе тако лѣпо мысліо као Господаръ нѣговъ. Шта? помысли онъ у себи, мой Господаръ не хтѣде ништа узети отъ овога Сирянина? идемъ за ньимъ, па ћу пріимити я, што ми даде. Што науми, то и учини. Нееманъ, опазивши слугу Пророкова, скочи съ кола, изиђе предъ нѣга, и упыта га: „Здраво ли є? и зашт' хитишь за мномъ?" Гіезіа отговори: „Здраво є; послао ме Господаръ мой, да ти кажемъ: два младића дођоше управо сад' изъ горе къ нѣму, обадвоица сынови Пророка горскихъ, дай да имъ отнесемъ отъ тебе даръ и по єдно светчано руво. „Нееманъ отговори: „Съ драге волѣ ево ти и вєћега дара, и два слуге, кои ће ти га понети." Гіезіа се у сумракъ врати кући, узме отъ оне двоице новце и хальине, отправи ихъ натрагъ, а ствари пріимлѣне посакрыва. Кад' послѣ тога изиђе предъ Еліссеа, упыта га овай: „Откуд' ты? Гіезіе!" Овай отговори: „Ниоткуд', нисамь ни изъ куће изишао." На то му рекне Еліссей:

„Заръ ты мыслишь, да душа моя ніе была узате, кад' є Нееманъ скочіо съ кола и изишао предате? то ли бяше доба, кад' є требало пріимити новце, да маслиняке и віограде купишь, волове и овце, слуге и служкинѣ стечешь? Проказа Нееманова прилѣпитисе има тебе и твога потомства на свагда." Тай часъ побѣли Гіезіа савъ као снѣгъ отъ проказе.

Силна є то, дѣцо, опомена за свакога, кой є тако неваляо, корыстолюбивъ, лажа и варалица, као Гіезіа.

108. Званіе Іоне.

Около тога доба живіо є и Пророкъ Іона. Овоме даде Богъ заповѣсть ову: „Устай, па иди у великій градъ Ніневію, те проповѣдай тамо; єръ є злоба грађана тамошньихъ преотела махъ." Іона устане, отиде къ мору, нађе ыческу лађу, плати за превозъ, и пође бродити по мору, да побѣгне отъ Бога. Али тко то може учинити? Богъ подигне велику бурю, море стане страшно бѣснити, свакій минутъ да пропадне лађа. Бродари уплашесе яко, побацаю све, што су имали, у море, само да олагшаю лађи, и свакій ихъ се стане богу своме молити, єръ и найневаляліега човѣка сама наравь нѣгова у нужди тера, отъ Бога помоћи просити. Єданъ само Іона ніе се смѣо Богу молити, єрбо га є совѣсть грызла. Немиръ совѣсти већма га устрави него бѣсноћа мора; дрктао є као дѣте, кое се грмля-

вине бои; спустисе сасвымъ доле у лађу, и легне спавати. Господаръ лађе наиђе на нѣга, па му рекне: „Што си ты легао те хучешь? устай, молисе Богу твоме — можда ћесе онъ смиловати, да не пропаднемо.”

Осѣћанѣ, да Богъ казни зло, лежи у срдцу свакога човѣка; бродари помысле, да међу ньима мора да є кой великій злочинацъ, па се договоре жребати, да тако дознаду онога, съ кога є толика несрећа наишла на ньи, и заиста баце — премда є то у томъ случаю было претерано и суевѣрно — жребія, а Богъ тако удеси, да жребіе падне на Іону. Сад' га сви упытаю: „Тко си? каквога си званія или заната? откуда? куда си пошао? и отъ кога си народа?” Іона отговори: „Я самь Ісраильтянинъ; Богу се кланямъ, Кой є створіо небо, землю и море; отбѣћи самь хтѣо отъ Бога.” По овоме послѣднѣм' видише сви, да є онъ зликовацъ у томъ, што ніе Богу покоранъ; уплашесе сви, па му рекну: „Зашто си то учиніо? и шта сад' съ тобомъ да радимо, не бы ли се море смирило?” Отважно и великодушно имъ отговори онъ: „Бацыте мене у море, пакъ ће се смирити, єръ и самъ празнаемъ, да є буря ова сбогъ мене.”

Колико є гадна непокорность Іонина, толико му є искреность, великодушіе и отваженіе лѣпо. Признае погрѣшку свою и исповѣда грѣхъ, готовъ є казнѣнъ быти смрћу за непокорность свою, само да не буде узрокъ и туђе смрти.

Бродари быше човѣчни люди, па не хтѣдоше тога чинити, него повеслаше наново изъ свію своихъ сила. Но найпослѣ, видећи, да имъ сва снага њихова никоимъ начиномъ не може помоћи противу страшнога бѣснила морскога, и да имъ валови свакій часъ єднако пропасћу грозише, склонесе учинити, као што имъ є Іона самъ совѣтовао, и помолесе Богу овако: „Ахъ, Господе, не упропасти насъ сбогъ овога човѣка, и не пріимай смрти нѣгове нама за грѣхъ, єръ Твоя є воля, да тако буде!" Узму Іону, баце га у море, и у томъ тренутку престане бѣснило морско.

109. Іона у утроби велике рыбе.

Богъ упути на Іону грдно велику рыбу морску, коя га прогута, и загнюрисе съ њимъ на дно морско; али га Богъ опетъ жива сачува и у самой утроби рыбньой.

Како му є ту было, можете мыслити, Любезни мои! А и самъ є Іона то намъ казао. „У страху момъ," говораше онъ, „призовемъ Господа, и Богъ ме услыша; у утроби гроба вичемъ, Боже, къ Теби, и Ты чуешь гласъ мой. Бацыо си ме у дубльину морску, валови ме загрлише, вртлози ме прогуташе! отбаченъ отъ лица Твога, ахъ, хоћу ли іошть єдаредъ само видити светый храмъ Твой! Вода ми є до саме већь душе продрла, бездна ме є обколѣла као высоке зидине, травурина морска высоко надъ гла-

вомъ ми расте, пропао самь исподъ темеля свію планина, излази на суво на вѣки су ми забравлѣни — пакъ опетъ ћешь Ты, о Господе Боже мой, животъ мой отъ пропасти избавити! Сад', о Господе, кад' ми душа изнемаже, сад' се Тебе сѣћамъ, и шалѣмъ ево молитву мою къ Теби увысь у храмъ Твой светый. Тко се на суету осланя, губи помоћь Твою; но я ћу Ты яснымъ благодарити гласомъ, жертву ћу Ти принети, коіомъ самь Ти завѣтанъ, єръ отъ Тебе, о Господе, долази свако спасеніе!"

Съ такомъ срдечносћу Богу се Іона моліо у утроби рыбе, коя га затымъ на заповѣсть Божію изблюе трећій данъ на сувой земльи, те молитву ту свою, кою ето чусмо, послѣ забѣлежи писмено.

Тако ужасно казни Богъ противнике свое! Тако чудесно чува оне, кои се покаю и поправе! Тако учи нужда, Богу се молити! Тако услыша Богъ молитву, коя изъ каюћегасе и поправлѣнога срдца извире!

110. Покаянія проповѣдь Іонина.

Богъ по другій путъ рекне Іони: „Иди у великій градъ Ніневію, и проповѣдай тамо, што ти я будемъ рекао." — Несрећа є Іону умудрила, вольнымъ и покорнымъ учинила. Тай часъ дигнесе и отиде у Ніневію, престолный градъ Ассирскій, три дана путованя унаоколо великій. Іона уће съ єднымъ даномъ путованя дубоко у варошь,

єднако викаюћи: „Іоштъ четрдесетъ дана, пакъ ће пропасти Ніневіа!" Жители се почну каяти, постити и сви се поизоблаче у руво покаянія, и самъ Царъ тако учини, кой іоштъ и то по цѣлой Ніневіи разгласити даде: ни люди ни марва — нитко ништа да не єде: време є обштега покаянія; єръ тко зна, да ли се неће умилостивити Богъ, и опростити намъ толика беззаконія наша, па да не пропаднемо.

Богъ є свагда склонѣнъ опростити, па се и на Ніневитяне покаявшесе смилуе, и не наведе на ньи по претньи Своіой пропасть.

111. Іонино негодованіе.

Кад' се сунце рађало, изиђе Іона изъ града; отъ яке тай данъ припеке читаво се разболе. Случайно наиђе на тыквеный бокоръ, направи себи узъ нѣга сѣницу тако, да є широко тыквено лисће покрыло му сѣницу. Ту сѣдне Іона у хладъ, да види, шта ће быти съ градомъ, и яко стане негодовати, што већь не пропада градъ. Іоштъ є быо, на жалость, суєтанъ и честолюбивъ, па помысли, да ће га люди држати за лажльивога Пророка. Честь дакле предъ людма милія му бяше неголи спасеніе людій! Тако се быо разсрдіо, да є Богу се овако моліо: „Ахъ, Господе! та то є оно, чега самь се я бояо, докъ самь іоштъ у отечеству момъ быо, па самь зато и побѣћи хтѣо. Добро самь знао я, да си Ты милостивъ, милосрданъ и ду-

готрпѣльивъ, па по благости Твоіой грѣхове прашташь. Молимъ Ти се, Господе! узми отъ мене животъ мой; єръ болѣ ми є умрети неголи живити!"

Тако тврдога срдца спроћу людій, и тако незадоволянъ са самымъ собомъ па іоштъ и са наймудріима и наймилостивіима уредбама Божіима кадаръ є быти у гордости своіой човѣкъ!

Но Богъ опамети Іону на найблажіи и найпріятніи начинъ. Бокоръ тыквинъ постане Іони сбогъ хлада свога отвећь міо; ал' сутраданъ у зору нађе га онъ увенутымъ; а кад' сунце огране, осушисе бокоръ сасвымъ. Сад' Іону, кой се никуда ніе имао у хладъ склонити, стане тако пећи сунце, да є готово у несвѣсть пао. Ето ти му повода желити умрети; „болѣ ми є," говораше, „умрети него живити." На то му Богъ рекне: „Є ли ти жао тыкве?" Іона отговори: „Жао ми є, да не маримъ умрети." „Видишь," рекне му Богъ, „теби є жао тыкве, коя є преконоћь израстла, а сутраданъ се осушила, а нит' си є ты усадіо нит' нѣговао — како ли да Мени не буде жао Ніневіе, тако велике вароши, у коіой преко сто двадесетъ тысућій людій живе, кои не знаю, шта є десно шта ли лѣво; па ко томе іоштъ толико животынѣ!"

О кад' бы сви люди тако любезни, тако човѣколюбиви были као Богъ! кад' бы невалялыхъ корыстолюбивыхъ сасвымъ нестало, коима є ближе къ срдцу зелѣ и скотъ,

отъ коихъ ползу имаю, него срећа другихъ людій, или се іоштъ и радую несрећи туђой, умѣсто да ихъ сажале, па ма и грѣшницы были! О добрый, благій Боже! учини, да будемо благи, добри, као што си Ты!

У цѣлой повѣсти о Іони опетъ намъ се явля милость и слава Божія; видимо ту: Богъ є Господъ свѣта; безъ Нѣга не быва ништа на цѣломъ свѣту; Нѣгова свудсуштна влада простиресе на свашто, надъ грдномъ рыбомъ китомъ и надъ црвомъ, надъ буріомъ морскомъ и надъ сѣнкомъ бокора; отъ власти Нѣгове ништа се уклонити не може. Богъ є свагда праведанъ, казни свакога, кой Му є непокоранъ, было тай язычникъ, или было Нѣговъ Пророкъ. Свагда є Богъ милостивъ, прашта истинито каюћемусе грѣшнику вольно и радо; све люде безъ разлике пригрлява любовно, милостивъ є и спроћу саме животинѣ; избавитель є свакоме, пріима молитву удрученога; изъ найужасніе неволѣ и бѣде, гдѣ свака човѣчія помоћь престае, изъ бездне, морске, изъ утробе страховитога звѣра іоштъ може избавити Богъ!

112. Исаіа.

Драги мои! Пророцы, о коима сте досад' чули, знаменити су особито сбогъ своихъ великихъ дѣла и чудесныхъ судбій. Ови, кои сад' слѣдую, єсу сбогъ своихъ мудрыхъ поученія іоштъ знаменитіи.

Као што се Иліа отъ другихъ Пророка

дѣлы отликовао, тако є Исаіа наставленіемъ и поученіемъ. Споляшнѣ Богопочитаніе Ісраильтянско бяше сяйно и великолѣпно — али унутрашнѣ зло и наопако. На то є говоріо Исаіа: „Чуйте, небеса! послушай и ты, землю! єръ Господъ бесѣди: Дѣцу самъ отрааніо велику, и — та устадоше на Ме! Волъ познае господара свога и осалъ ясле свога господара; а Ісраиль Мене не познае, и народъ Мой не мотри на Ме. Сви оставише Господа, презрѣше Га, туђе Га се и окрећу Му леђа! — Нашто Мени тма жертвій вашихъ? сытъ самъ Я сажижаня вашихъ овнова и лоя угоене марве ваше; нећу Я крви юнчіе, ягнѣѣіе, ярећіе. Кад' изиђете предъ Мене — тко то иште онда отъ вашихъ руку? Не улазите выше у преддворія Моя, не приносите выше те излишне жертве. А тамянъ? — гнусанъ Ми є тай. Субботе ваше и празднике не могу выше трпити као неваляла ваша скупляня; на празднике ваше мрзи душа Моя, нити ихъ могу выше трпити. Ма вы како разширывали руке преда Мномъ, Я васъ услышати нећу — єръ су вамъ крваве руке. Умитесе, очиститесе; уклоните Ми испредъ очію брзину вашу на зло; престаните грѣшити; учитесе добро творити; разбирайте, шта є добро; помажите другоме у невольи; отбраните сироту; заштитите удовицу: пакъ онда ходите амо, да се правдамо међу собомъ, и, ако вамъ грѣси буду были као црвена багрена, бѣли ће быти, као снѣгъ."

Многи Ісраильтяни увиде велико зло вла-

даня свога, и да ублаже Бога, почну постити и празднике славити — ал' ипакъ остану они, кои су и пре были — непоправлѣни люди. На то є бесѣдіо Исаіа: „То ли є постъ — вели Господъ — као што га Я желимъ, да се човѣкъ повасданъ мучи? Шта? — да покуньишь главу као трска, на врећу и пепео да лежешь — то ты постомъ зовешь, кой бы се могао Господу допасти? Ніе ли ово постъ, каквог' Я желимъ? освободисе ланца злобе, скини съ другог' теретъ, отпусти невольника свободнымъ, свакій ярамъ изломи; раздроби гладныма хлѣбъ твой, сиромаха путника уведи у домъ твой, нагога одѣни, не презри сироту: пакъ онда ћесе блистати свѣтлость твоя као зора, рана ће ти се брзо залѣчити, правда ће твоя преднячити, благоволеніе ће те Господа Бога пратити. Онда ћешь ты призвати Господа, и Онъ ће ти отговорити; ты къ нѣму вопити, а Онъ ће ти рећи: ево Ме!"

Многи Ісраильтяни правише онда ликове Божіе, па вѣроваше, да у тыма ликовма лежи свемогућство Божіе, или као да су управо ликови тіи Самъ Богъ. Исаіа зажели избавити ихъ отъ страшне те глупости, и научити вышшему и достойніему понятію о Богу — па зато имъ каже: „Тко прегршћу воду а педльомъ небо мѣри, сву землю съ три прста диже? тко управля Духомъ Господньимъ и кой га совѣтникъ упућуе? видите ли, да су народи предъ Ньимъ као каплѣ на ссуду? да острове распируе као пра-

шакъ? да сва шума Ліванска ніе Нѣму доста за жертвену ватру? сва дивячь за жертву? Сви су народи као ништа предъ Ньимъ — суетно ништа — и іоштъ манѣ него ништа. Коме то дакле хоћете да направите тай ликъ Бога? и какавъ ликъ Бога вы да начините? Заръ сасвымъ нећете да чуете и да знате? заръ вамъ ніе казано отискона? како то не увиђате изъ створеня свѣта? Онъ сѣди надъ округломъ земльомъ, и жительи су нѣни предъ Ньимъ тако малени и незнатни као скакавцы. Онъ разастире небеса као танку поняву. Коме дакле хоћете Мене да уподобите? вели Богъ. Отворите очи и подигните ихъ горе, па кажите, тко сотвори оне тамо звѣзде? Онъ ихъ изводи и брои стадо ньихово, зове ихъ сваку по имену! — А човѣкъ обара кедре, свалюе єле и дубове, пали ватру, грѣесе узъ ню, жари пећь, пече хлѣбъ, и што му дрва преко тога претече, отъ тога прави бога, ідола свога, клечи предъ ньимъ, моли му се, и говори: избави ме; єръ ты си богъ мой."

Може ли се величество Божіе и глупость ликопоклонства изразити силніе?

Любезни! и за насъ іоштъ єсу та наставленія Пророкова поучителна. Тко ихъ може читати, а да найдублѣ страхопочитаніе къ Богу не осѣти, предъ Коимъ є све друго малено? може ли ихъ, велимъ, читати, а да не увиди, да мы страхопочитаніе наше то не можемо болѣ показати — него чистымъ, светымъ владанѣмъ.

113. Іоштъ нѣка уподобленія Исаійна.

Наставленія Пророка Исаіе єсу права благайница лѣпыхъ и спасоносныхъ истина. — Ісраильтяни су около тога времена были врло удрученъ и жалостанъ народъ; Исаіа се трудіо наново ихъ оживити наукомъ, као што росомъ оживи увенутый цѣтакъ. Нечестивыма претіо є ненамолѣномъ строгосћу Божіомъ, и то съ тако снажныма рѣчма, кое су кадре и найзакованіега зликовца потрести као громъ съ неба. Штета бы за васъ была велика, кад' не бы, Любезни, нѣколико таквыхъ примѣра чули.

„Тако говори Господъ, Великій и Силный, Вѣчный и Светый: Небо Ми є престолъ, а земля подножіе ногама Моима; на высини и у светыньи живимъ Я — али и кодъ оныхъ, коима є снуждена душа и ожалосћено срдце, те имъ Я разведримъ душу и утѣшимъ срдце."—

„Благоволеніе Господнѣ мило є — као ясно сунце послѣ кише, животворно є — као роса у жетву. За свашто намъ є Господъ заштита и заклонъ — као хладовита сѣница на припеки сунчаной — као безбѣдный заклонъ отъ бурѣ и кише. — Подигните очи ваше къ небу, па погледайте на землю доле; небеса ће као дымъ проћи, земля ће као руво овештати, и жительи нѣни као муве поизумирати; но спасеніе Мое вѣчно ће траяти, нити ће правда Моя икад' престати! тако говори Господъ." — „Нек' се планине свалюю, нек'

брегови посрћу; Моя милость не попушта, и завѣтъ мира Мога не помичесе, вели Милосрдацъ Онъ, Господъ. — Вѣчный Богъ єсть Господъ, Кой є земльи краеве створіо — никад' се не умори Онъ, не сустане, и разумъ Нѣговъ єсть непостижанъ. Онъ уморныма снагу дае и немоћныма якость. Сустатисе и уморити могу младићи, витезови и юнацы посрнути и пасти — ал' кои се у Бога уздаю, тіи добыяю нову снагу, ново перѣ као орао; хите, трче, па се опетъ не уморе."

Тако бесѣди Господъ, Кой те є створіо, Кой те є саставіо: „Не бойсе, єръ Я ћу те избавити; именомъ те твоимъ називамъ, єръ Мой си ты. Ишао ты крозъ валове, Я самъ узате, рѣке те прогутати неће; ходіо ты по ватри, неће ти досадити пламенъ — єръ скупъ си ты у Моима очима, драгоцѣнъ, и любимъ те Я." — Тако говори Господъ, Спаситель твой, Светый Ісраилѣвъ: „Я, Господъ, єсамь Богъ твой, Кой те учимъ, шта ти є полезно, руководимъ те, коимъ путемъ валя да ходишь; о да се повинуешь Моима заповѣстма, струйно бы ти онда срећа ишла, и спасеніе као валови морски! — Вы, грѣшницы, подобни ћете быти дубу съ опалѣнымъ лисћемъ, врту незаливеноме. Снага ће вамъ постати кучинама, а свакій посао вашъ искромъ ватреномъ, да скупа исгору, и нитко ихъ не угаси. — Тежко оныма, кои зло добрымъ, а добро злымъ именую, мракъ са свѣтлосћу, а свѣтлость съ мракомъ замѣнюю; тежко оныма, кои сами себе држе

паметныма, и по своме су собственноме мнѣнію мудри; тежко піяницама и юнакма у пићу, кое ихъ опія; тежко оныма, кои по мыту раде и суде; коренъ ће имъ се преобратити у пепео, цвѣтъ ньиховъ развѣянъ ће быти као прахъ! — Нечестиви су као и бѣсно море, кое не мож' да мируе, него му валови избацую блато и гадъ. Мира немаю нечестиви, говори Богъ мой. — Чуйте Ме, вы правдолюбивцы и ты народе, кой носишь законъ Мой у срдцу! не бойтесе грднѣ людске, нит' се страшите отъ опаданя; єръ ће те, кои васъ грде и опадаю, изєсти моляцъ као хальину, и црвъ измрвити као вуну, правда пакъ Моя ће траяти на вѣки и спасеніе Мое и на потомству такоће отъ рода на родъ. — Свако тѣло єсть као трава, и свака нѣгова лѣпота као цвѣтъ у полю; трава се суши, цвѣтъ вене, кад' задай Господань преко ньихъ дуне. Заиста трава є овай народъ; трава се суши, цвѣтъ вене — али Бога нашега рѣчь трае на вѣки. — Веселитесе небеса! ускликни ты, о землю! удрите у пѣванѣ вы планине! єръ тако вели Господъ: Ако и мати дѣте свое заборавити може, да се не бы смиловала на собственнога свога сына — Я тебе заборавити нећу."

Ове Пророка рѣчи дужни смо сматрати као Божія изреченія; єръ овако Богъ говори преко Исаіе: „Као што киша и снѣгъ съ неба падаю, нити се выше натрагъ враћаю, него напаяю землю, зеленомъ ю и плодномъ творе, те доноси зрно за сѣме и

хлѣбъ за єло: тако ваља да буде свака рѣчь, коя изъ Моихъ уста изиђе — да се бесплодна къ Мени не врати, но оно да уради, што є Мени угодно, и на што самь ю послао.“ О да и на вама и у вама такође изреченія та Божія красанъ принесу плодъ, Любезна Юносте!

114. Іереміа.

Лѣпа та Исаіе изреченія заиста су васъ, Любезни, врло обрадовала; и жалостиве ће дакле тужбе Іеремійне у срдце васъ дирнути. Іереміа тако усрдно, тако снажно и трогателно опоминѣ на поправку живота, да бы се, као што обычно говоримо, и каменъ заплакао. Ево чуйте нѣга самога:

„Ужаснитесе, небеса! растопитесе отъ страха и жалости! Господъ говори: Народъ є Мой двояко зло учиніо — Мене є, врело воде живе, оставіо, и самъ себи водне изворе ископао — ямурине, у коима усише вода.” Тако свакій човѣкъ ради лудо, кой срећу свою у богатству, чести, сладострастію, а не у Богу, тражи.

„Занешеный народъ Мой Мене не познае; све су то несмыслена, неразсудна дѣца. Зло учинити, на то су доста разумни; а добро урадити, неће да разуму. — У народа овога невѣрно є и сурово срдце; сви се єднако отвраћаю отъ Мене, и єднако отпадаю отъ Мене. Неће да помысле у срдцу своемъ: дай да излазимо са страхопочитаніемъ

предъ Бога, Кой намъ у свое време рану и позднy кишу дае, и жита намъ вѣрно сваке године чува! Али зла дѣла ваша на путу вамъ стое, те сбогъ грѣхова вашихъ не може добра мысао та у срдце да вамъ продре. — Поправите мысли ваше и животъ вашъ! говори Господъ. Не осланяйтесе на лажьиве рѣчи; не говорите увѣкъ: овдѣ є храмъ Господа! храмъ Господа! храмъ Господа! Само онда, кад' мысли ваше и животъ вашъ сасвымъ поправите, кад' право єданъ съ другимъ поступате, странныма, сиротама и удовицама на жао не чините — само онда ћу допустити, да на земльи, кою самъ отцевма вашима дао, преда Мномъ заувѣкъ живите. Али се вы осланяте на лажи, кое вамъ не помогоше; крадете, убіяте, прелюбодѣйствуете, лажьиво се кунете — и онда дођете у храмъ овай предъ лице Мое, пакъ велите: имамо свободу сва та беззаконія чинити. Заръ є домъ овай, кой Мое име носи, разбойничка язбина? говори Господъ. — Гдѣ є тай, кой падне, па не бы радъ было опетъ устати? гдѣ є тай, кой, кад' зађе, не бы радъ было опетъ на правый путъ изиђи? Зашт' дакле да є овай заблуђеный народъ тако тврдоглавъ? ни єднога нема, кой бы се каяо грѣха, ни єднога, кой бы рекао: шта самъ учиніо! Сви лете по путу пропасти, као бѣсанъ конь у рату. — Рода подъ небомъ зна време, кад' іой треба поћи и доћи; грлице и ласте пазе на време отлазка свога — али народъ Мой неће да зна за за-

коне Господнѣ; люди ли непаметніи да буду отъ неразумныхъ скотова? — Зашт' народъ Мой, кой самь Я толико любіо, почини толика зла? говори Господъ, и шта іошт тражи у храму Момъ? Мыслишь ли, народе, светé жертве, на кое се ты тако яко осланяшь, кадре су злобу твою искорените? Видишь; Я самь ти дао име лѣпога, зеленога, милога маслинога дрвета съ добрымъ плодомъ; али ће га на заповѣсть Мою бѣсна ватра спопасти, и све му гране попалити. — Као што Арапинъ црну бою свою, и рисъ шару свою не мѣня, тако вы већь выше нећете моћи добро творити, ако се тако яко зла лѣпили будете, зла, на кое стесе отъ младости навыкли. — Да Мойсей и Самуилъ устану и изиђу преда Ме, опетъ Ми се већь выше не бы народъ овай допасти могао. Нека се вуче испредъ Мене къ мачу и смрти, у гладь и тамницу! Тежко човѣку, кой се срдцемъ отъ Бога клони, на люде се ослони, на смртну мышцу поузда! Тай ће быти као дрво у пустыньи, никад' пріятне погоде видити неће, на сувой, дивіой, сланой, неплодной земльи ће осушитисе. Благо човѣку, кой се у Бога узда; тай ће быти као дрво кодъ воде, кое у мокрой земльи жиле шири; нит' се бои яркости сунчане, но лисће му се зелени увѣкъ, и плодъ носи непрестано. — Яребица яя леже, коя ніе снела; ньой є подобанъ, кой съ неправдомъ богатство тече; кад' се найболѣ смѣсти у то, отъ нѣга ћесе узети, а онъ ће найпослѣ поя-

витисе као лудъ. — Тко незрѣло грозђе ѣде, зуби ће му утрнути; тако и злочинацъ скорымъ ће осѣтити горке послѣдице злочинства. — Рекне ли грѣшникъ обистине: откако си ме обратіо, о Боже, омилило ми се покаяніе! откако си ме обавѣстіо, о Господе, отъ стыда се руменимъ сбогъ невалялства младости мое! Драгій сыне! отговара му на то Богъ, тако тужи нѣжно дѣте Мое; премда самъ те казніо, опетъ самъ те се увѣкъ сѣћао; срдце ме Мое боле за тобомъ; смиловатисе хоћу — смиловати на тебе!"

Любезни! да велика ли ѥ то срећа, што рѣчи овыхъ светыхъ Пророка Божіихъ до насъ допреше, па да и вы читати можете то, што іоштъ пре выше тысућій година Пророцы тіи рекоше! То ѥ тако Самъ Богъ уредіо изъ любови къ роду човѣчіему — изъ любови дакле и къ вама такође. Ніе ли вамъ на радость? ніе ли вамъ то на живу опомену, да ѥ дужность ваша, на томъ благодарити Богу? но благодарите Му особито тымъ, да те све рѣчи добро къ срдцу пріимите, и животъ вашъ по ньима управите!

115. Іезекійль и прочи Пророцы.

Кньиге свію Пророка подобне су богатой ливади пуной мирисавога цвѣћа. Вѣнацъ отъ найлѣпшег' изъ тога цвѣћа заиста ће вамъ пріятанъ отъ мене быти даръ, Любезни мои!

Іезекіиль: „Праведанъ є човѣкъ, кой оно ради, што є право и праведно, никоме на жао не чини, туђе не отима, свой хлѣбъ съ гладнымъ дѣли, нагога одѣва, никога не оштети, отъ сваке неправде руку свою отвлачи, законъ Мой храни, и по заповѣстма се Моима влада — то є праведанъ човѣкъ, говори Господъ. Као што самъ Я живъ, вели Господъ, нећу смрти нечестивога, него да се обрати отъ пута свога, па да живъ буде." — Колика є то утѣха за свакога истинито каюћегасе грѣшника!

Варухъ: „Творацъ шалѣ свѣтлость, и она лети далѣ; Онъ ю зове натрагъ, и она се съ трепетомъ покори. Съ радосћу трепте сяйне звѣзде на свомъ мѣсту, кое имъ є Онъ назначіо; зове ихъ, а оне отговараю: ево насъ! — свѣтлесе и весеље у Ономъ, Кой ихъ є створіо, а Тай є Богъ нашъ. — Не ослаияйтесе на новце и благо! гдѣ су Князеви и народи, кои су гомилама благо собирали безъ престанка? Нестало ихъ є, сишли су се у гробъ, а други на ньихово мѣсто дођоше."

Осіа: „Мени є милосрдность драга, а не жертва, Богопознаніе много миліе, него сажежене жертве, вели Господъ. Сѣйте правду, пакъ ћете жнѣти милость; изъ лудога тороканя, лаганя и вараня ничу казни, као отровне гльиве изъ бразде на нездравой земльи. — Прођиће сяйность невалялца као ютрошньій облакъ, као ютрошня роса, као дымъ, кой се увысь диже — па га брзо и не-

стане. — Праведнику вели Богъ: Я ћу ти быти роса, па ћешь цвѣтати као ружица."

Іоиль: „Кад' приспѣ жетва, оштрисе српъ; пуной мѣри грѣха близу є пропасть."

Амосъ: „Богъ є планине подигао; Онъ ноћь претвара у зору а данъ у ноћь; Онъ є створіо вѣтаръ, подиже маглу, призыва воду морску, и спушта ю опетъ на землю." — Неправедно стечено не напредуе: „Што сиромаха гнѣчите, и оно мало, што има, отъ нѣга отимате — съ тымъ ћете можда сазидати отъ камена дворове, ал' нећете живити у ньима — съ тымъ и віограде насадити, ал' се изъ нѣга віна не напити." — Отъ Бога се човѣкъ нигдѣ сакрыти не може; Божія рука свуда насъ дохваћа: „Да се и на вршку Кармила сакрыю, опетъ ћу ихъ Я наћи; да се на дну морскомъ прикрыю, и тамо бы зміяма у води заповѣдіо грызти ихъ — вели Господъ."

Авдіа: „Гордость срдца твога наводи те на зло, о Ісраилю! говори Господъ. На стѣнама живишь, у планине си се завукао; али да и као орао полетишь, и гнѣздо себи међу звѣздама направишь, опетъ бы те Я и отуда сваліо."

Міхеа: „Шта ћу Господу жертвовати, што бы Нѣга достойно было? пыташь; хоћу л' преклонити колѣна предъ великимъ Богомъ? хоћу л' предъ Ньимъ се явити са жертвомъ телади отъ године? — Заръ мыслишь, да є Богу по вольи тысућа овнова, или много тысућій дебеле яради? Казано ти є, о човѣ-

чѐ, шта є добро, и шта Богъ твой отъ тебе иште: Чини, што є право, буди милосрданъ и смиренъ предъ Богомъ Твоимъ!"

Наумъ: „Дуготрпѣльивъ є Господъ — али и силанъ такође; кривога не оставля неказнѣнымъ; Онъ накара море, и оно се осуши, и свію рѣка нестане; предъ Ньимъ стрепе планине, брегови извѣтре; предъ Ньимъ дркће земля и сама свеленна са свы' свои' жительи'. — Отъ немилости Нѣгове тко може постояти! — Познае Богъ оне, кои сву надежду свою на Нѣга полажу; милостивъ є спрама ньихъ, и храбри ихъ у нужди."

Аввакумъ: „Очи Твое, о Боже, тако су чисте, да не можешь зло да гледишь, погледъ неправде да поднесешь. — Невѣранъ нема у себи искренне душе, а праведникъ живи отъ вѣре свое. Као што віно пияницу вара, тако и честолюбіе вара гордельивога; и єднога и другога вреба стыдъ и срамъ. — Ако се и не зелени смоквеница, ако на віновой лози и нема грозђа, ако и превари надежда маслинице, ньива раане неда, овцу изъ стада звѣръ отнесе, ако ніе ни єднога говечета на яслама — опетъ є радость мени моя у Богу — Господу спасенія мога, Богъ Господъ єсть снага моя."

Софоніа: Лудо раде сви, кои мысле, богатство чини срећнымъ, па зато се не паште, чинити добро: ньихово злато и сребро неће ихъ моћи избавити на судномъ дану; брзо ће пропасти."

Аггей: „Небо вамъ неда росе, земля

быля; послао самь сушу на њиве ваше, виограде, воћняке, на све, што земля носи, на люде и марву. Казніо самь васъ врућимъ вѣтромъ и припекомъ сунчаномъ; што сте годъ съ мукомъ садили, ледомъ самь вамъ потукао — пакъ опетъ васъ се ни єданъ къ Мени не обрати!"

Захарія: „Обратитесе къ Мени, говори Господъ, пакъ ћу вамъ опетъ быти милостивъ, и тко васъ дирне, Мени ће у зѣницу дирнути. — Само любите истину и миръ, пакъ ће вамъ се постни и тужни дани ваши преобратити у дане радости и веселя."

Малахія: „Ніе ли намъ свыма єданъ Отацъ? ніе ли насъ све єданъ Богъ створіо? защт' дакле да братъ брата вара, и да обезсвећуемо свезу нашихъ отаца? — Обратитесе опетъ къ Мени, говори Господъ, пакъ ћусе и Я опетъ къ вама окренути, те ћете искусити, шта є разлика међу праведникомъ и нечестивымъ, међу онымъ, кой Богу служи, и онымъ, кой Му не служи."

Драги мои! Пророцы су узимали уподобленія своя отъ природе, коя намъ є увѣкъ предъ очима. Тымъ начиномъ є сва природа пуна науке за насъ; штогодъ у њой опазимо, свашта намъ проговара, добре мысли и красна осѣћаня у нама буди. Запытайте сами себе: на што насъ опоминю свѣтлость и звѣзде, зора и ноћь, вѣтаръ, магла и киша, планине и брегови? какву намъ красну науку даю ютрошњи облацы и ютрошнѣ росе? голубъ и орао? првый воћке плодъ и

грозђе на віновой лози? зеленый усѣвъ и жута жетва? туча и дымъ? отровна прозябенія и ружа, съ кое роса каплѣ? — Отвѣти на пытаня та заиста ће за васъ исто тако пріятни као и поучителни быти.

116. Отведеніе народа Ісраильског' у робство.

Сва велика дѣла и славна изреченія Пророческа Ісралиьтянма не помогну нимало; а язычницы се многи покаю и обрате: удовица у Сарепти, Нееманъ Сирянинъ, жительи Ніневіе пріиме вольно и радостно науку Божію. Само Ісраильтяни бываше све гори те гори и непокорніи спроћу Бога; зато имъ є Богъ послѣдню и найвећу казнь наговѣстіо преко Своихъ Пророка.

То є чиніо Исаіа н. пр. краснымъ уподобленіемъ, лѣпомъ пѣсномъ о віноградy. „Хоћу да пѣвамъ," говораше онъ, „любимцу моме пѣсну — милу пѣсну о віноградy нѣговомъ. Віноградъ є имао любимацъ мой на брегу на доброй земльи; оградіо га є, очистіо отъ каменя и шлюнака, найблагороднiомъ лозомъ засадіо, насред' нѣга кулу сазидао, колну направіо, и чекао, да понесе родъ; али онъ му роди — све самым' отровным' бобицама. Сад' вы, жительи Іерусалимски и граћани Іудейски, судите сами измећу мене и віограда мога. Има ли што, што є изостало, да нисамь учиніо віограду

моме? па зашто, кад' я грозђа отъ нѣга очекивахъ, донесе ми онъ отровне бобице? Кад' є тако, ево знајте, шта ћу радити съ віноградомъ моимъ! ограду ћу му развалити, нека га марва потре; зидине ћу му нѣгове развући, нека буде савъ изгаженъ; у пустињу ћу га преобразити; неће га ни рѣзитба ни покопица обрадовати, него ће га зубача и трњацы свега обузети — и облакма ћу забранити, кишомъ га квасити. — А тај віноградъ Господањ єсть домъ Ісраилѣвъ, грађани су Іудејски зеленило нѣгово. Господъ чекаше честно владанѣ, а ту владаше неправда и свако беззаконіе — правду, а ту узе махъ якъ удручене сиротынѣ."

Іереміа є говоріо жителма Іудејскима овако о казни: „Двадесетъ и три године сад' є, откако я непрестано предъ зору устаемъ, слово Божіе вамъ проповѣдамъ — а вы ме нећете да послушате! — Богъ є слуге Свое, Пророке къ вама слао; отъ зоре до мрака проповѣдали су вамъ — па и ньи такође не хтѣдосте послушати. — Самъ вамъ є Господъ говоріо: „Сиђитесе съ вашег' невалялог' пута, оставите беззаконе мысли и намѣре ваше, пакъ ћете онда остати на вѣки у држави отъ Господа вама и вашима отцевма даной. Али и Мени, вели Господъ, не покораватесе. Зато ћу све народе отъ сѣвера и слугу Мога Навуходоносора, Цара Вавилонскога, послати, да нападну на ову землю, на житељ нѣне и све пограничне народе — све ћу ихъ упропастити, сраму и поруги предати, разорити,

опустити. Свакій ћу му радости и веселя гласакъ отузети, пѣсне ће младоженьине и невѣстине престати, свака ће воденица занѣмити, свака се свѣћа угасити, и свака земля пустомъ остати, постойбиномъ страха и ужаса постати. Седамдесетъ година ће сви ови народи Цару Вавилонскоме робити!

Тако исте казни быше и Царству Израильскоме наговѣштене — залудъ све!

Найпослѣ ударе казни Божіе. Салманассаръ, Царъ Ассирскій, дође съ великомъ войскомъ, освои престолный градъ Самарію, и отведе све жителѣ Царства Израильскога у Ассирію у робство. Навукодоносоръ, Царъ Вавилонскій, са свомъ войскомъ своіомъ освои Іерусалимъ, Цара и жителѣ Царства Іудейскога зароби, и отведе у Вавилонъ, зидине града разори, и цѣо градъ попали — Царева палата, све куће и самъ храмъ Господань изгору.

Тако страшно казни Богъ; — не само поѳдини люди, него и цѣли народи пропадаю, кад' се неће Богу да покоре!

РОБСТВО АССИРСКО.

117. Благотворство Товіта.

Међу Ісраильтянма, у Ассирію у робство отведеныма, текъ опетъ се нађе єданъ особито честитъ и Богобоязльивъ човѣкъ по имену Товітъ. Овай са женомъ своіомъ и своимъ єдинцемъ сыномъ буде доведенъ у Ниневію престолный градъ Ассиріе. Сбогъ Богочестивога владаня свога допаднесе Енемессару Цару Ассирскоме, кой му допусти иѣи по вольи по цѣлой той држави, те є тако данъ на данъ ишао Товітъ къ сродныма своима, надгледао ихъ и тѣшіо. Послѣ смрти Енемессара постане Царемъ сынъ нѣговъ Сеннахирімъ, кой є много жесточіе поступао съ Ісраильтяны него отацъ нѣговъ. Многи ихъ у лютой невольи не имадоше ни гладь чимъ утолити, ни чимъ се заодѣти; многи ихъ буду поубіяни, а мртва имъ тѣлеса преко градскихъ зидина побацана, те ихъ вране, орлови и дивіи звѣрови ждераше. Товіта то у доброчинству нѣговомъ не забуни. Страшна та нечовѣчность іоштъ га веѣма побуди, добро чинити; раніо є гладне, одѣвао наге, сараньивао мртве и убіене. Кад' то чуе

Царъ, поузима му све, штогодъ є имао, и заповѣди убити га. Товітъ побѣгне, крыюћи се са женомъ и сыномъ кодъ добрыхъ людій; єръ многи су га любили, и радо тако доброме човѣку добро чинили. Тако є; као што тко съ другима поступа, обычно тако поступаю и други съ ньимъ. Послѣ четрдесетъ и петъ дана буде Царъ — о да страшнога дѣла! — отъ роѣеныхъ своихъ сынова убіенъ. Товітъ се врати, и добые све свое иманѣ опетъ натрагъ. Мало затымъ догодисе праздникъ Господань, и тога ради мало болый обѣдъ у Товітовой кући. Товітъ рекне сыну своме: „Иди позови нѣколико браће наше Ісраильтяна, али гледай само добре и Богобоязльиве, да съ нама обѣдую." Сынъ отиде, и вративши се кући каже отцу, да на улицы лежи убіенъ Ісраильтянинъ. Товітъ устане тай часъ са столице, остави єло, отиде къ мртавцу, донесе га у свою кућу, да га по заходу сунца сарани. Кад' то сврши, онда жалостанъ сѣдне єсти. Гости му прегоборе дѣло то нѣгово: „Єдва си сбогъ такихъ твоихъ поєлова живъ остао, пакъ опетъ саранюешь мртве!" Но Товітъ ніе маріо за такве укоре, него є и отъ тога доба мртва тѣлеса убіеныхъ Ісраильтяна у свою кућу скланяо, и ноћу ихъ сараньивао.

Любезни! како є красанъ примѣръ добротворства Товітъ! све, штогодъ има, са сиротама дѣли; тѣши, дае, помаже свакій данъ, а кад' му ніе доста данъ, узима у помоћь и ноћь. И по тѣлу и по души свакоме є

помагао, гдѣгодъ є и колико є годъ могао — гладнога нарааную, нагога одѣва, опечалѣнога тѣши, Богозаборавца опоминѣ. Благотворство нѣгово простиресе и на саме мртве — чини имъ послѣдню честь; отъ добротворства ніе га кадра зауставити ни опомена нѣговыхъ пріятеля, ни претня нѣговыхъ непріятеля, ни очевидна смрти опасность. Тко да не люби и не почитуе таквога човѣка! тко да не жели раванъ му быти!

118. Товітова стрпѣльивость у невольи.

Уморанъ отъ сараньиваня мртвыхъ дође єдаредъ Товітъ кући, легне и заспи, а пробудисе слѣпъ. Ту неволю послао є Богъ на нѣга, да потомству примѣръ стрпѣльивости даде. Товітъ и у толикой невольи остане непоколебимъ у Богобоязльивости, па и у томъ страданю Богу благодаранъ. Сродницы и пріятельи нѣгови стану му се ругати, говорећи: „Каква ти є полза, што си толико добра чиніо, и мртве сараньивао?" Товітъ ихъ укори овыма рѣчма: „Не говорите тако; мы смо дѣца Господня, потомцы Авраамови, Ісаакови и Іаковлѣви, па валя да се надамо другоме животу, кой ће Богъ оныма дати, кои Му вѣрни остану." — Анна, жена Товітова, прилѣжно є радила и прела повасданъ, те раанила мужа свога. Єдаредъ за особитый трудъ свой добые яре на поклонъ, и донесе га кући. Слѣпый Товітъ, чувши да мечи у кући яре, а знаюћи, да ніє толико заслужила,

рекне іой: „Шта тужанъ! да ниси украла яре то? носи га отма ономе, чіе є! єръ отъ тога, што є украдено, не смѣмо окусити.” Жена се на то разсрди, и стане се съ ньимъ свађати. Товітъ трпѣльиво слуша лютиту жену, заплачесе, и овако Богу помоли: „Господе! Ты си праведанъ, смилуйсе на ме, и не казни ме грѣхова моихъ ради; єръ зато, што заповѣсти Твое не држасмо, предао си насъ непріятельма нашима, те намъ отеше све, гдѣгодъ што имадосмо, па насъ онда заробише и убіяше; свыма народма, међу кое си насъ разсѣяо, постадосмо поруга и подсмѣхъ; тако су страшне казни Твое, о Господе! Ахъ, Боже! узми душу мою къ Себи съ миромъ; єръ за ме є болѣ, да умремъ, него да дуже живимъ.”

У благостоянію бяше Товітъ примѣръ благотворства, а у страданю примѣръ трпѣня. Къ Богу погледа у страданю, и пріима га вольно и благодарно изъ руке Божіе; погледа онамо у онай болый животъ, тѣши се надеждомъ рая, за кой насъ Богъ страданѣмъ приправля; погледа у срдце свое, испытуе га, па се тымъ іоштъ веѣма гнуша грѣха, коимъ, тако рећи, натеруемо Бога, казнити насъ, и страданѣмъ поправити; погледа на страдаюће около себе, и Богу се моли за олагшанѣ обштега страданя; найпослѣ подноси трпѣльиво, грдню не враћа за грдню, никоме се не тужи, да страда, окромъ єдноме само Богу, нити жели избавитисе иначе но по Божіой вольи!

Драги мои! іошть вы само радость и веселѣ осѣћате, іошть управо не знате, шта є туга и страданѣ; али неће ни васъ мимоиђи време страданя. О почитуйте іошть сад' у дѣтиньству вашемъ Бога срдечно, и чините іошть сад' свету волю Нѣгову као Товітъ, пакъ ћете и вы нѣгда у старіима годинама вашима быти тако тихи, трпѣльиви и спокойни у страданю, као Товітъ!

Богъ є услышао молитву Товіта славніимъ начиномъ, него што се онъ надати могао — послао є Ангела Рафаила, да му помогне. —

119. Товітъ свѣтуе сына.

Товітъ помысли, да му є услышана молитва, и да ће заиста умрети; зато призове сына свога, и овако му рекне:

„Сыне мой! послушай рѣчи изъ уста отца твога, и спусти ихъ, као темель у срдце твое. — Кад' пріими Богъ душу мою къ Себи, сарани ми тѣло. — Чествуй матерь твою доклѣ є жива, и сѣћайсе колико є тебе ради претрпила; а кад' умре, сарани ю покрай мене. — Цѣлога живота твога носи Бога у срдцу твомъ, и чувайсе, да никада не соизволишь на грѣхъ, нити да штогодъ учинишь, што є противу заповѣстій Божіихъ. — Дѣли милостыню отъ иманя твога, и лица твога не отвраћай отъ сиромаха, па неће ни Богъ отвратити лица Свога отъ тебе. — Помози свакоме, колико можешь; ако имашь много,

подай много; ако ли мало имашь, подай мало отъ доброга срдца — такимъ начиномъ меħешь на страну велико благо за оно доба, кад' и самъ будешь у нужди. — Тко є спроħу ближнѣга свога милосрданъ, тай може велику надежду имати, да ħе и Богъ, спроħу нѣга быти милосрданъ. — Чувайсе, сыне мой, нечистоте тѣлесне, и пази, да у томъ смотренію никад' ништа себи прибацыти не узимашь. — Недай мѣста гордости ни у срдцу твомъ ни у бесѣдама твоима, єръ она є зачетакъ сваке пропасти. — Тко ти ради, томе таки плати, и никада не задржи заслужену надницу твога надничара. — Што ниси радъ да ти тко другій учини, не чини ни ты то другоме. — Подай отъ хлѣба твога гладноме сиромаху, и одѣни га хальиномъ твоіомъ. — Паметнога пытай увѣкъ за совѣтъ. — Хвали Бога у свако доба, и моли га, да те Онъ у дѣлма твоима упуħуе. Сыне мой! мы, истина, сиромашки живимо, али ħе намъ дати Богъ, ако га се узбоимо, грѣха се усчувамо, и добро устворимо."

Младиħь Товіа — то є было име сыну Товітовом' — съ тронутымъ срдцемъ отговори на то отцу: „Све ħу, што си ми казао, чинити."

Любезни! упамтите красне те науке, и владайтесе по ньима съ радосħу као и младый Товіа.

120. Товіа отпутуе.

Старацъ Товітъ іоштъ и ово рекне сыну: „Морамъ ти, сыне мой, іоштъ и то казати, да самъ Гаваилу у Раги у Миділ дао, кад' си ты іоштъ малый био, десетъ талента сребра у заямъ; ево ти нѣгове писменне признанице, отиди съ ньомъ къ нѣму, пакъ ће ти онъ дугъ свой отма исплатити; найми вѣрнога човѣка, кой ће съ тобомъ ићи, и гледай да донесешь те новце за мога іоштъ живота."

Младый Товіа потражи таквога човѣка, и намѣрисе на врло лѣпога младића, кой стаяше опасанъ, као да є науміо далеко путовати — а то є био Ангелъ Рафаилъ. Товіа га ніе познавао, поздрави га любезно, и упыта: „Знашь ли, брате, путъ у Мидію?" „Знамъ врло добро," отговори младићь; „често самь я тамо у Рагу свраћао къ брату нашем' Гаваилу." Товіа на то рекне: „Молимъ те, брате, причекай мало, докъ явимъ то отцу моме." Отацъ, кад' разбере за лѣпу ту сгоду, рекне сыну, да младића тога призове къ нѣму унутра. Младићь дође, поздрави старца, и рекне му: „Богъ ти дао многе радости!" Отацъ отговори: „Ахъ каквой се я већь выше радости могу надати? сѣдимъ ево овдѣ у помрчини, нити видимъ бѣлога дана." На то опетъ младићъ рекне: „Буди добре волѣ, скорымъ ће ти Богъ помоћи." Старацъ Товітъ окрене разговоръ: „Бы ли ты хотѣо сына мога отвести

J. Schindler del. J. Blaschke sc.

Товіа отпускаетъ.

къ Гаваилу у Рагу? кад' се вратишь, за трудъ ћу ти платити." Младићь отговори: „Хоћу га и отвести и къ теби натрагъ опетъ довести." Товітъ дода: „А вы срећно путуйте, Богъ нека є съ вама у путованю, и Ангелъ Нѣговъ нека васъ прати!"

Младый Товіа узме свой пртлягъ, опростисе съ отцемъ и матеромъ, и пођe съ младићемъ, а псетанце нѣгово за ньимъ.

Любезни! ето видите опетъ, како є благъ Богъ; шалѣ Товіту, кой управо у тай махъ мысли! да већь нема выше за нѣга радости на свѣту, шалѣ му ето Ангела у помоћь, а онъ іоштъ о томъ ништа и не зна. Тако промышлява Богъ непримѣтно о нама у нашой жалости; тако є Божія помоћь најближа намъ онда, кад' се мы готово и не надамо іой! О, може л' човѣкъ вѣровати Бога, па покрай вѣре те іошть тужанъ и жалостанъ быти!

121. Велика рыба.

Првый данъ путованя доће Товіа до рѣке Тігра, и сѣдне ту опрати ноге. На єдаредъ искрсне изъ воде грдна велика рыба, и залѣтисе на нѣга, а онъ повиче: „Аяо, рыба ће да ме прогута!" Ангелъ му рекне: „Ухвати ю за перае, и извуцы наполѣ!" Товіа уради тако, и Ангелъ му опетъ рекне: „Распори рыбу ту, но срдце, жучь и джигерицу отъ нѣ сачувай лѣка ради." Товіа и то тако уради; нѣшто мало отъ рыбе испече, а друго

изсѣче на удове, насоли и понесе на путъ за єло.

Отуда пођу далѣ и дођу у нѣку варошь. Ту рекне Товіа Ангелу: „Куда ћемо на конакъ?" Ангелъ му отговори: „Овдѣ живи нѣкій Рагуилъ твой сродникъ, и има кћерь по имену Сарру; проси ю, и отацъ ће ти ю дати." Товіа отговори: „Али самь я слушао, да є она седамъ мужева већь досад' имала, и да су сви помрли, па іоштъ и то говоре люди, да ихъ є зао духъ подавіо; боимсе, да се тако и са мномъ догоди, а жао ми є моихъ родителя, коима самь єдинацъ, па бы отъ жалости за мномъ у старости своіой морали умрети."

Ово любови достойно дѣтета старанѣ за родителѣ свое заиста є угодно и Богу и людма. О, да су сва дѣца такова! отъ колико бы се опасностій, погрѣшкій и неразсудностій онда тымъ начиномъ сачувати могла!

Ангелъ рекне: „Ево ћу ти я казати, тко су то тіи, надъ коима нечистый духъ власть има; то су они, кои Бога изъ срдца свога исключе, и као неразумни скотови поводесе текъ за своима страстма.

122. Женитба Товіе.

Товіа и Ангелъ свратесе дакле къ Рагуилу, кой ихъ съ радосћу пріими, и, добро мотрећи Товію, рекне жени своіой Анни: „Младићь овай врло є много наликъ на сыновца нашега." Затымъ се къ ньима окрене,

и рекне: „Откуда тако? любезна млада браћо моя!" „Изъ Ниневіе отъ зароблѣне браће," отговоре они. „Познаете ли," упыта ихъ Рагуилъ, „стрыца мога Товіта?" и, кад' чуе отъ ныихъ, да га познаю, приповѣди имъ о нѣму много похвално. Ангелъ му на то примѣти: „Тай Товітъ, о комъ говоришь, єсть отацъ овога младића овдѣ." Рагуилъ падне Товіи око врата, любећи га, и плачући отъ радости. „О драгій сыне мой!" — говораше Рагуилъ крозъ плачъ — „буди ми благословенъ, єръ си ты сынъ заиста доброга и найболѣга отца!" И Анна и Сарра пристану у плачъ отъ радости съ Рагуиломъ.

Любезни! да сладке ли су међусобне радости добрыхъ людій! тко не бы зажеліо у ныиховомъ дружству быти!

Послѣ многога разговора понуди Рагуилъ миле госте свое обѣдовати; но Товіа му отговори: „Я данасъ окусити нећу пре, докъ ми не обѣћашь дати кћерь твою Сарру за жену." Рагуилъ се уплаши, знаюћи шта се съ ономъ седморицомъ догодило; но Ангелъ му рекне: „Не сумняй, дати му кћерь за жену; єръ онъ се Бога бои, и нѣму є кћи твоя отъ Бога за жену опредѣлѣна — зато є и ніе нитко другій имати могао." Рагуилъ отговори: „Не сумнямъ, да є Богъ топле сузе мое и молитву мою услышао, и вѣруемъ, да васъ є Самъ Богъ тога ради къ мени упутіо." То рекне, узме десну руку кћери свое, метне ю у десницу Товіе, и благослови ихъ овыма рѣчма: „Богъ Авраамовъ, Ісааковъ и Ја-

ковлѣвъ нека буде съ вама, Онъ нека васъ вѣнча, и испуни благословъ свой на вама!"

Ноћу, кад' пѣтли запою, дозове Рагуилъ слуге свое, и отиде съ њима — ископати гробъ, мислећи, да се ипакъ и Товіи то исто догодити може, што и оной седморицы пре нѣга. Кад' буде гробница готова, рекне жени своіой: „Пошльи служкиню, да види, є ли намъ зетъ живъ." Служкиня се съ радосћу врати, и яви, да є живъ и здравъ. На то Рагуилъ заповѣди слугама тай часъ заронити гробницу, па се онда са женомъ овако помоли Богу: „Господе Боже Ісраилѣвъ! хвала Ти, да се не догоди, чега смо се бояли! Ты си намъ велику милость показао; сачувао си намъ єдинца и єдиницу; учини, о Господе, да Те увѣкъ почитую, и никада не престану благодарни Ти быти, да и по томе сви народи признаду, да си Ты Єданъ само Богъ на цѣломъ свѣту!

Драги мои! колика ли є то морала быти радость овыхъ добрыхъ людій послѣ толикога страданя! Остае дакле та истина на вѣки: „Неће Богъ незаслужене муке наше." Послѣ непогоде засія намъ сунце, послѣ уздысаня, єцаня и плаканя шалѣ намъ Богъ радость и веселѣ; свакій, кой Бога почитуе, страданѣмъ се текъ куша, па послѣ крунише. — Али колико є была велика радость овыхъ людій, толико имъ є велика была и благодарность такође къ Богу. Зликовцы забораве Бога у срећи, и радосћу постаю іоштъ гори; а добри люди уза сваку радость

све се већма Бога сѣћаю — те Га и новы добры дѣлы славе благодарно.

123. Товіе повратакъ кући.

Сяйна сватба буде приправлѣна, сосѣди и добри пріятельи у сватове позвани. Рагуилъ замоли Товію, да іошть четрнайстъ дана остане кодъ нѣга. Товіа, желећи што пре долазкомъ своимъ родителѣ свое обрадовати, замоли Ангела отићи къ Гаваилу, пріимити новце, и позвати га у сватове. Ангелъ тако и уради. Товіа є сѣдіо за обѣдомъ, кад' є Гаваилъ съ Анђеломъ дошао, скочи отъ стола, кад' ихъ опази, поздравесе и излюбе; а Гаваилъ рекне: „Богъ Ісраилѣвъ да те благослови; ты си сынъ найболѣга отца — човѣка праведнога, кой се Бога бои, и сиромахе надгледа; благословена буди и жена твоя — Богъ вамъ дао дочекати дѣцу дѣце ваше!" — Сви сватови у гласъ повичу: „Аминъ!"

Страхъ Божій — или страхопочитаніе предъ Богомъ — чини намъ найвеће радости; повысуе, облагороћава, удвоява найпростіе радости; храни намъ радости наше у чистоти и невиности, и не допушта имъ прећи у неумѣреность и дивію распуштеность. Богобоязльивцы су найсрећніи люди подъ небомъ.

Кад' протеку тіи четрнайстъ дана, рекне Рагуилъ Товіи: „Остани іошть кой данъ, а я ћу послати вѣстника, да каже отцу тво-

ме, да си живъ, здравъ и весео." Товіа на то отговори: „Я знамъ, да отацъ мой и мати моя не само дане него и саате брое у великой бриги и туги за мномъ." — Рагуилъ настави молити га; но любовь Товіева къ родительма своима тако є была велика, да се никоимъ начиномъ ніе дао наговорити. Рагуилъ му преда Сарру и узъ ню половину свега иманя свога, па га онда здрава и весела отпусти съ овыма рѣчма: „Светый Ангелъ Господань нека те прати, здрава и весела кући отведе, и застао, да Богъ да, родителѣ твое здраве и веселе, а мени дао Богъ, пре него што умремъ, видити дѣцу вашу!" — Сад' отацъ и мати загрле и излюбе кћерь свою, посовѣтую є чествовати свекра и свекрву, любити мужа свога, мудро заповѣдати кућевной челяди, паметно управляти домостроительствомъ, и у свему се честно, незазорно владати. Сарра на разстанку отъ родитеља своихъ бризне плакати, и тврдо науми, по совѣту томе точно се управляти — и у томъ разстанусе.

Видите, Любезни, како родитељи совѣтую дѣцу свою на добро. И то є уредба Божія. Дѣца се іоштъ ни раанити не могу сама; зато имъ є Богъ родителѣ дао. А тако исто дѣца се ни воспитати не могу сама; па и на то имъ є Богъ родителѣ дао. О Любезни! то бы и за васъ найвеће зло было, кад' бы вамъ опоминаня родительска тежко падала. О, благодарите милостивоме Богу, да вамъ є добре родителѣ дао, и испунявайте

съ радосћу добре совѣте родитеља ваших, као Товіа и Сарра; вѣр само тако ћете и вы нѣгда добри и срећни люди быти као Товіа и Сарра!

124. Товіевъ долазакъ кући.

Старацъ Товітъ у бриги за сыномъ рекне жени своіой Анни: „Шта мыслишь, зашто намъ сынъ нашъ тако дуго изостаде? шта га є задржало? можда є Гаваилъ умро, па му нема тко другій новце да врати?" У томъ разговору обадвое заплачусе, а особито мати стане якати: „Ахъ сыне мой, сыне! зашт' те посласмо у туђу землю? тебе, зѣницо очію нашихъ, подпоро старости наше, утѣхо живота нашег', надеждо породице наше! о, доста бы намъ иманя было, само да тебе не посласмо!" — Товітъ, желећи утѣшити ю, рекне: „Не тужи толико, неће быти сыну нашем' зло; човѣкъ, съ коимъ смо га послали, вѣранъ є и поштенъ." — Али се она не даде утѣшити; свакій данъ излазила є и свуд' унаоколо гледала, откуд' іой є сынъ доћи могао, да бы га може быти издалека угледала; свакій данъ є сѣдила на путу на брежульку, откуд' є надалеко видити могла — и найпослѣ догледа га у дальини, позна га тай часъ, отрчи кући, и повикне мужу: „Иде ти сынъ!"

Товіа є съ Ангеломъ напредъ ишао, да пре къ родительма приспѣ; а жена му са слугама и стадама ишла є за ньима лагано.

Ангелъ рекне му: „Како у кућу уђешь, пре свега се Богу помоли, и благодари Му; затымъ приступи къ отцу твоме, полюби га, и намажи му очи рыбіомъ жућу, кою кодъ себе носишь, па ће му тай часъ отворитисе очи, отацъ ће ти прогледати и обрадовати-се, да те опетъ види." — Псетанце, кое су отъ куће повели были, отрчи напредъ, као да є вѣстникъ долазка ньиховога. Старацъ Товітъ, узъ кога є радостно псето скакало, заборави сад', да є слѣпъ, устане да пође сыну насусрѣтъ, но, часъ овдѣ часъ ондѣ запинюћи о штогодъ, викне слугу да га поведе, и тако изиђе предъ сына, загрли га и полюби. Тако є и мати учинила, и обое старыхъ плакаше отъ милина. Сад' се помоле Богу и благодаре Му на богатой милости, пакъ онда посѣдаю, а Товіа узме жућ рыбію, и помаже ньомъ очи отца свога. Бѣло, кое є на очи му навучено было, слюштисе као оно она бѣла исподъ люске ландрица у яета. Сынъ му смотрено свуче кожицу ту сасвымъ, и отацъ прогледа. Сви, захвале Богу, а старацъ Товітъ повиче отъ радости: „О Господе, Боже Ісраилѣвъ! Теби слава и хвала! казніо си ме, али си ме и помиловао; та ево опетъ видимъ сына мога Товію!" — Тако му є прво было благодарити Богу; сваку радость пріимао є као даръ изъ руке Божіе; срдце му є увѣкъ пуно Бога! Богъ му є био све у свему!

Послѣ седамъ дана стигне и Сарра, млада Товіева, са слугама и служкиняма, съ

камилама и стадама, и съ цѣломъ своіомъ богатомъ прѣіомъ у злату и сребру. Товіа приповѣди родительма своима, колико му є добра на путу чиніо младићь пратіоцъ. Сосѣди и пріятельи Товітови искупесе на честитанѣ, и сви буду славно угосћени.

Любезни! да се сад' одавдѣ обазрѣмо натрагъ на сву ову повѣсть. И ова намъ такође повѣсть представля предъ очи промысао Божій. И овдѣ є такође саставіо Богъ множство важныхъ и неважныхъ, веселыхъ и жалостныхъ догађая, како да Товіта и сву породицу му срећными учини. Робство, слѣпота, яре морадоше поводомъ быти, да се добродѣтель нѣгова утврди, да повѣсти ове тако срећанъ край буде. Како ли мудро и милостиво умѣ Богъ управляти и савыяти судбе людске! Найманѣ исто тако не быва случайно као и оно, што є найвеће, найзнатніе, найважніе. Ни єдна срећа ніе текъ сбогъ магновенне радости, ни єдно страданѣ текъ сбогъ казни наше. Све, све — на то тежи, да совршеніи, блаженіи будемо. О да само добро посмотримо течай собственнога живота нашега, колико бы трагова Божіега промысла спазили и у томъ такође! како бы намъ се лѣпо и ясно открыла милость и благость Божія и у собственомъ нашемъ животу!

Повѣсть Товіта учи насъ и томе, како намъ се валя ползовати попуштеніяма Божіима, да будемо добри и срећни. У свакомъ живота свога стаю чиніо є Товітъ оно

што є за найболѣ држао: иманѣ свое употребляваo є на найболыій начинъ; заузимаосе зароблѣныхъ Ісраильтяна найревностніе; сараньиванѣмъ мртвыхъ ніе се уморити могао; изъ єдне само сумнѣ, да ће яре украдено быти, неће ни да му на двориштy мечи то; у слѣпоти и жалости пунъ є преданости вольи Божіой, Богу се молећи, да га пріими; пунъ вѣре и надежде смрти се не бои. Да є отъ свега тога найманѣ што изоставіо, не бы быо добродѣтеланъ, и судба му не бы имала тако весео излазакъ. Али тако му добротворство нѣгово, трпѣльивость, преданость вольи Божіой, надежда у Бога донесоше найслађе плодове. — И мы валя у свакомъ попуштенію Божіемъ тако да поступамо, оно, што є найболѣ, да чинимо, пакъ ће онда и нама свака милостыня, кою сиромаху учинимо, свако страданѣ, кое трпѣльиво сносимо, свако ума и срдца къ Богу узвышенѣ — быти сѣме, изъ кога ће намъ своимъ временомъ найслађи плодови нићи. Оныма, кои Бога любе т. є. Божію волю испуняваю, све ће на добро изићи — тіи ће све больи и блаженіи люди бывати.

Любезни! вѣруймо у свему, штогодъ намъ се догоди: „тако є Богъ наредіо!" Та ће тврда вѣра засладити намъ свако страданѣ, и удвоити намъ радости наше.

125. Ангелъ се дае познати.

Старацъ Товітъ дозове сына свога къ себи, па му рекне: „Шта ћемо дати томе светоме човѣку, кой те є пратіо?" Сынъ отговори: „Мучно є услугу нѣгову наградити; онъ намъ є толико добра учиніо, да му мы достоянъ даръ дати не можемо; онъ ме є и тамо здрава отвео, и натрагъ здрава довео; онъ є самъ новце отъ Гаваила пріиміо, и нама честно предао; онъ ми є жену испросіо, отъ нѣ злога духа отгнао, и со тымъ родительма нѣным' найвећу радость учиніо; онъ є мени животъ сачувао, кад' ме є рыба прогутати хтѣла; теби є помогао, те сад' ето опетъ видишь — али тко ће сва добра изброяти, коя намъ є онъ починіо? тко ли му за све по достоянію платити? Молимъ те, отацъ, гледай да га приволѣшь, узети половину отъ свега, штогодъ смо донели!" Отацъ и сынъ узму Ангела на страну, понуде га половиномъ иманя свога, и замоле, да не презрѣ даракъ тай ньиховъ.

О да красна примѣра учтиве, срдечне благодарности!

Ангелъ отговори на понуду и молбу ту: „Славите Бога на небесы, и благодарите Му предъ свыма людма! Онъ є милость ту учиніо вамъ. Тайне Царске валя хранити, а Божія дѣла проповѣдати и славити. Болѣ є, Богу се молити, постити, милостыню дѣлити, него благо на гомилу сабирати. Милостыня избавля отъ пропасти, брише грѣхъ,

ньомъ се тече милость и животъ вѣчный. Тко грѣши, и неправо ради, непріятель є свое собственне душе. Зато ћу вамъ ево да откриемъ тайну, нити ћу вамъ више таити истину. Кад' си се ты са сузама Богу моліо, єло оставляо, даню мртве у твоіой кући крыо, а ноћу ихъ сараньивао — онда самъ я молитву твою предъ Господа носіо. А будући си ты Богу міо быо, зато си морао искушенія поднети. Сад' пакъ послао є мене Богъ, да излѣчимъ тебе, и жену сына твога освободимъ отъ духа нечистога. Я самъ Рафаилъ, єданъ отъ Ангела, кои предъ Богомъ стое!"

Чувши то, уплашесе обадвоица и изъ страхопочитанія падну предъ ньимъ ничице.

Ангелъ опетъ проговори: „Миръ вамъ, не бойтесе! Тако є Богъ наредіо, да самъ се толико време кодъ васъ бавіо. Бога хвалите и славите! Вама се, истина, чини, да я съ вама єдемъ и піемъ; али є мое єло и мое пиће невидимо. — Но сад' є већь време, да се вратимъ къ Ономе, Кой ме є послао; вы пакъ хвалите Бога, и проповѣдайте людма сва ова чудеса." — То рекне и исчезне испредъ очію ньиховыхъ.

Овай светый Ангелъ у виду лѣпога младића єсть ликъ вашихъ Ангела Хранителя, мои Любезни! Као што є тай Ангелъ видимо пратіо, чувао младога Товію, и на сва дѣла нѣгова мотріо — тако су Ангели Хранительи ваши невидими пратіоцы, чувари и мотрительи. Ньиово око пази на васъ сву-

да; чествуйте ихъ, и не учините никад' никаквога зла предъ светыма очима ньиховыма! И вы се можете светыма уподобити Ангелма, ако сте любезни, послушни, невинни. О, ако вамъ кад' тежко падне чинити добро, помыслите: како бы се ту Ангелъ владао? како Богу моліо? како любезно странноме путъ показао? како радо болноме понуду пружіо? — Тымъ начиномъ и оно, што є найтеже, лагко ће вамъ быти. — Кад' зло какво хоћете да учините, помыслите: бы ли то Ангелъ учиніо? бы ли и онъ тако срдитъ, пакостанъ, завистльивъ быо? бы ли и онъ тако непристойне рѣчи говоріо? бы ли нѣму срамне ствари веселѣ чиниле? — Тымъ ће начиномъ проћи васъ воля на зло. О ништа ніе лѣпше, миліе и радостніе, него светыма се Ангелма уподоблявати, Божію волю творити на земльи, као свети Ангели на небу!

126. Товітъ и Товіа умру.

Товітъ благодари Богу на свы чудесы благости и милости овако: „Великій си Ты, о Господе! вѣчно великій, и царство Твое трае на вѣки, Ты казнишь, ал' опетъ и утѣшишь; нема тога, кой бы отъ руке Твое умакао. — Хвалите Бога, дѣцо Ісраильска! славите Га предъ свыма народма. Зато васъ є разсѣяо Богъ по свы народы, кои Га не познаю, да чудеса Нѣгова проповѣдате, и кажете имъ, да нема другога Бога, но Єданъ само Онъ Свемогућій. — Признайте већь

єдаредъ, шта и колико намъ є учиніо! Славите Га съ трепетомъ страхопочитанія; хвалите Га дѣлы — светымъ владанѣмъ вашимъ! — Я ћу да Га славимъ овдѣ у земльи, у коіой самь зароблѣнъ; я ћу да Га хвалимъ, Кой є тако милостивъ спроћу грѣшнога, невѣрнога народа! — О вы грѣшницы! обратитесе къ Богу; чините предъ лицемъ Нѣговымъ, што є добро и право, и вѣруйте, да ће и спроћу васъ милосрданъ быти. — Я ћу са своимъ душомъ да се радуемъ Богу моме.— Вы избрани Нѣгови сви! славите Га, нека Му є савъ животъ вашъ безъ престанка праздникъ веселя!"

И васъ такоће, любезна Юносте, нуди Богобоязльивый, честный старацъ тай, хвалити и славити Бога, у Богу радость вашу тражити, Бога светымъ владанѣмъ вашимъ почитовати. Тко неће тако светога човѣка, кой изъ искуства говори, и свакоме добра жели, радъ и весео послушати?!

Старацъ Товітъ поживи іоштъ четрдесетъ и двѣ године. Цѣо животъ, откако є сына и снаю видіо, проведе радостно помлаћуюћисе єднако у страху Божіемъ. Предъ смрть свою дозове сына Товію са седамъ нѣговыхъ сынова къ смртной постельи своіой, и рекне имъ: „Градъ Ниневіа близу є пропасти свое; єръ слово Божіе мора да се испуни. Браћа наша, изъ землѣ Ісраильске протерана, опетъ ћесе вратити тамо; земля ће наша, коя є саде пуста, опетъ се населити народомъ; храмъ Господань, кой є изгорѣо,

опетъ ћесе поновити; сви, кои се Бога бое, опетъ ће тамо натрагъ отићи. Дѣцо моя! послушайте дакле отца и дѣду вашега; служите Господу честно, и трудитесе, све оно чинити, што є Нѣму угодно; учите дѣцу вашу честно се владати, милостыню дѣлити, Бога свагда у срдцу носити, и отъ све душе Га почитовати. И то ме іоштъ, любезна дѣцо, послушайте: немойте овдѣ остати, него, како матерь вашу покрай мене сараните, подигнитесе и идите одавдѣ; єръ я напредъ видимъ, да є злоба овога града къ пропасти га довела." — Съ тыма рѣчма заспи Товітъ на вѣки — у сто другой години живота свога.

Товіа испуни послѣдню волю отца свога точно. Послѣ смрти материне остави Ниневію, и са свыма своима отиде къ Рагуилу и Анни, тасту своме и пуницы своіой, кое застане у старости дубокой али и веселой. Рааніо ихъ є и надгледао свачимъ, и сараніо лѣпо. А онъ поживи ту іоштъ двадесетъ деветъ година, и умре тихо и блажено као и отацъ му. Све потомство нѣгово быше доброга и честнога живота — угодни Богу, и отъ людій почитовани.

ВАВИЛОНСКО РОБСТВО.

127. Младићь Данійлъ.

Ісраильтяни, у робство Вавилонско отведени, были су изъ колѣна Іудина; зато се назову Іудеи. Међу зароблѣныма Іудейма было є више младића Царске и Княжеске крви. Навуходоносоръ, Царъ Вавилонскій, заповѣди найспособніе, найвоспитаніе и найлѣпше отъ ньихъ поизбирати у нѣгову службу, и у свыма вѣштинама и наукама ихъ обучити. И то є наредіо, да имъ се дае раана и пиће съ нѣгове трапезе.

Можете мыслити, Любезни, како є то мило было младићма тыма! Гдѣкое бы дѣте на ньиховомъ мѣсту ємачно помыслило: сад'ћу се сладкихъ залогая науживати. Али є єданъ отъ ньихъ иначе мысліо, а то є быо Данійлъ. Овай ніе налазіо среће у добромъ єлу и пићу; колико є іоштъ младъ быо, опетъ му є найвећа радость была, Богу покоранъ быти. Онъ є овако судіо: на трапезу Цареву свакояка се єла износе, коя су по закону нашем' забранѣна; болѣ є мени сувымъ хлѣбомъ и водомъ задоволянъ быти, него узъ Цареву трапезу у найманѣмъ чемъ

законъ преступити. При томъ отваженію своимъ остане тврдъ.

О да и васъ, Любезни, красный овай примѣръ побуди, тако се тврдо покоравати Богу, ваше мале дужности исто тако точно испунявати, и изъ любови къ Богу свега се гнушати, што бы васъ на грѣхъ навести могло!

Али є Данійлъ подъ особитымъ Царскимъ Чиновникомъ био, и за свашто морао є имати отъ овога допуштенѣ. Шта сад' дакле да чини, кад' му се оно заповѣда, што онъ за грѣхъ држи? Онъ отиде къ томе Господару своме, па му искрено исповѣди, шта му узнемируе совѣсть, и замоли га, да му дозволи не єсти та єла. Три друга младића, по имену Ананіа, Азаріа и Місаилъ, поведусе за нѣговымъ примѣромъ, и стану то исто съ ньимъ молити.

Ето тако, Любезни, валя и вы да чините, кад' бы вамъ се заповѣдило, чинити оно, што знате, да є Богомъ запрећено; исповѣдите искрено, да то за грѣхъ држите, и молите лѣпо, да вамъ се дозволи не чинити тога.

Чиновникъ пріими милостиво молбу ту ньихову, шта выше, премда є язычникъ био, мило му бяше видити тако добру и совѣстну младежь, па имъ рекне: „Съ драге волѣ я бы вамъ допустіо то, али се боимъ Цара, кой є тако заповѣдіо; кад' бы онъ примѣтіо, да сте блѣђи и мршавіи отъ другихъ младића, могло бы то онда мене главе стати." — Данійлъ

бы сад' могао помыслити: я самь се трудіо стати на путъ грѣху, а другій ніе ни то учиніо; совѣсть ми є дакле чиста, па ћу єсти, што ми се да, кад' тако быти мора; иначе бы я быо кривъ, кад' бы честанъ овай човѣкъ неволѣ допао. Али онъ не мысли тако; любовь къ Богу уліе му у главу нову оштроумну мысао: противу другихъ єла, помысли онъ, нема Господаръ овай мой ништа, само се бои, да не поблѣдимо и не измршавимо; я ћу дакле замолити дворскога служителя, кой намъ єло доноси, да намъ за десетъ дана само варива єсти и воде пити дае, и свакій данъ добро намъ на лице мотри, да ли смо блѣђи и мршавіи, него други младићи, кои се Царскимъ єломъ раане. — Слуга намолѣнъ испуни желю Данійлу. Кад' протеку десетъ дана, ал' лица ньихова лѣпша, свѣтлія, руменія и пунія него свію другихъ младића, кои су се єломъ съ Царске трапезе раанили.

Видите, мои Драги! како є лѣпо умѣренъ быти у єлу и пићу. Дѣте, кое много, па іоштъ у невреме єде, слабога є здравля, а и на посао є лѣно и глупо. Напротивъ тога дѣте, кое зна лагкомость у єлу и пићу умѣрити, и здраво є и на посао лагко. Руменило образа и ведра душа свагда су награда умѣрености.

Но іоштъ и лѣпшимъ чимъ наградіо є Богъ добре ове младиће. Дао имъ є разумъ, те су лагко свашта разумѣли и научили. И ньи и све друге младиће зовне Царъ на испытъ, на комъ се ньихъ четворица най-

266a

Joh. Schindler del. F. Weber Sc.

Три младића у ужареној пећи.

болѣ покажу, те ихъ Царъ зато узме къ себи, да га послужую.

128. Ідолопоклонство Вавилоняна.

Вавилоняни, међу коима су Ідеи живили, кланяли су се ідолма. Пророкъ Іереміа пише Ідеійма, да се чуваю ідолопоклонства; нѣколико рѣчій изъ тога писма овдѣ ће на своимъ мѣсту быти:

„У Вавилону ћете видити, како се златни и сребрни, каменити и дрвени ідоли на рамены обносе, да имъ се язычницы кланяю; пазите, да се за ньима не поведете, и язычникма не уподобите. Кад' видите, како се народъ тыма ідолма кланя, вы у срдцу рецыте: Господе! Теби се валя кланяти. Знаюћи дакле, да то нису богови, немойте ихъ се ни бояти. Благо човѣку, кой є праведанъ и нема ідола!"

Любезна Юносте! како ли су жалостна была та времена слѣпога ідолопоклонства! како ли смо срећни мы у ова времена, у коима свако дѣте, ако се идоле учило, неразумнога тога гнуша се безбожства!

129. Три младића у ужареной пећи.

Царъ Навуходоносоръ даде направити великій кипъ отъ злата, и све бояре на посвету кипа тога скупити. Вѣстникъ є свуда яснымъ викао гласомъ: „Како чуете гласъ

трубе, таки падайте и кланяйтесе кипу; кой то не учини, баченъ ће быти у ужарену пећь! — На гласъ трубе попадаю сви осимъ Ананіе, Місаила и Азаріе, — Данійлъ се ніе быо догодіо ту. Царъ дозове сву троицу предъ себе, и рекне имъ: „Є ли истина, да нећете да се кланяте кипу? таки да имате пасти и поклонитисе, како чуете гласъ трубе! ако ли не усхтѣте, тай часъ ћете бачени быти у ужарену пећь, па ћемо видити, тко є тай Богъ, Кой ће васъ изъ руке мое избавити моћи." — Три младића отговоре: „Ніе нуждно, да отговоримо на то; нашъ Богъ, Кога мы почитуемо, може насъ врло лагко избавити изъ ужарене пећи и изъ твоихъ руку, о Царе! а ако и не буде света Њгова воля, опетъ треба да знашь, да мы ідоле твое не чествуемо, нити ћемосе златноме твоме кипу кланяти."

Царъ преблѣди отъ єда, заповѣди прекомѣрно ужарити пећь, и у ню повезане младиће бацыти. Тако и буде. Страшно є лизао пламенъ изъ пећи. Но Ангелъ Божій сиђесе у ватру, и растера пламенъ, те у пећи буде хладноћа као што є у вече послѣ захода сунца, кад' роса падне. Младићи и не осѣте ватре, само ужета, коима су были везани, изгору. Сва троица, као изъ єдныхъ уста, стану пояти и Бога хвалити посред' усіяне пећи.

Тако долази помоћь Божія у свое време, ни тренутакъ пре ни тренутакъ касніе, него као што треба. Тако награђуе свагда Богъ

чрезвычайну покорность чрезвычайнымъ доказомъ милости Свое. А и красанъ су Богобоязльивца у невольи ликъ та три младића у ватреной пећи. Невольомъ губисе само оно, што духъ Богобоязльивоме веже, те не може сасвымъ свободно и безъ сваке препоне добро да твори; а Богобоязльивацъ самъ свуд' обколѣнъ мукама остае неповређенъ, страданѣ му не мож' да науди — у самой наймучніой невольи Бога хвали, слави, и — пои!

Кад' види Царъ, да младићи не изгорѣше, устрависе, скочи, и рекне своим' дворяномъ: „Не повезасмо ли троицу и у ватру бацысмо? а нису ли ено четворица, гдѣ по пламену ходаю? погледайте, како є онай четвртый лѣпъ и красанъ као Ангелъ съ неба!" То рекне, па приступи на врата пећи, и повиче: „Слуге Бога Свевышнѣга! изиѣите амо наполѣ, и ходите къ мени!" Они таки изиђу; ни косица на глави не бяше имъ опржена; одѣћа имъ цѣла цѣлцата; ни омирисати палежа на ньима! Гласовито викне Царъ: „Слава Богу вашему, Кой є Ангела Свога послао, и избавіо оне, кои сву надежду на Нѣга положише. Ткогодъ изъ свію моихъ народа Тога Бога усхули, тай ће морати погинути; єръ нема Бога другога, кой тако избавити може, као Овай!"

Три та младића свѣтлый су примѣръ непокретнога постоянства у добру. Ньихова ватромъ засвѣдочена добродѣтель придобые имъ обште высокопочитаніе и удивленіе.

Сад' текъ могоше много добра чинити. Царъ и народъ, кои се досада мртвым' киповма кланяше, научишесе живога Бога познати и почитовати. Богъ се и овоме народу яви као Свемогућій Господъ єстества, Кой и бѣсноћу ватре, стіхіе найстрашніе, упитомити може — као Свезнаюћега, Кой съ неба мотри на дѣла свію людій, и оно магновенѣ, у комъ є помоћь Нѣгова нуждна, никад' не промаша — као найлюбезніега Пріятеля и Избавителя свію, кои Га искрено почитую.— Тако є свакой невольи цѣль: прославленіе Бога и срећа людій.

130. Сосана.

У Вавилону живіо є нѣкій Іоакімъ са женомъ своіомъ Сосаномъ, коя є особито лѣпа была а притомъ и Богобоязльива. Мужъ іой є быо врло богатъ; узъ кућу, у коіой є живіо, имао є вртъ свакоякимъ дрвама засаћенъ. Кодъ нѣга су се скупляли найотмѣніи Іудеи; нарочито два старца Судіе народни нису готово ни избывали изъ куће му. — Єдаредъ отиде Сосана са свое двѣ служкинѣ у вртъ; врућина бяше врло яка, и она рекне служкиняма: „Донесите ми сапуна, пакъ онда затворите вртна врата, я ћусе да купамъ." Служкинѣ ураде тако. Речена два старца ушла су была потайно у вртъ, па сад', кад' служкинѣ отидоше и врата вртна за собомъ затворише, искоче иза свое засѣде, те навале на Сосану, да ю на грѣхъ

наведу, и стану іой претити, да ће, ако се не усхтѣ приволѣти, противу нѣ свѣдочити, да су ю ухватили, кад' є съ нѣкимъ учинила грѣхъ, кой се по закону смрћу казни, па да є зато и отпустила служкинѣ изъ врта. Сосана уздане и рекне: „Ахъ, мое велике неволѣ! ако учинимъ грѣхъ, пропала самь; ако ли не учинимъ, и тако ћу пропасти; али ипакъ болѣ є за ме, да невинна отъ людій пострадамъ, него да предъ лицемъ Божіимъ согрѣшимъ!"

О Юносте! видите ето опетъ: у искушенію на Бога помыслити, и радіе предъ цѣлымъ свѣтомъ срамоту претрпити, него Богу сгрѣшити — то є искрена, истинита Богобоязльивость! радіе се дати погубити као злочинацъ, неголи бесчестно дѣло учинити — то є чиста невиность, неокаляна добродѣтель! О тко не жели тако красне, чисте душе быти! тко се не бы за тако любови достойнымъ примѣромъ радъ и весео повео!

Сосана стане у гласъ викати, а та два старца іоштъ већма. Єданъ отъ ньихъ отрчи, отвори вртна врата, и сви домаћи служительи поврве у вртъ, да виде, каква є то ту дрека. Старцы имъ кажу гадно, премда измышлѣно, дѣло Сосанино, да и слуге отъ стыда порумене. Сутраданъ буде Сосана предъ судъ доведена; родительи нѣни, дѣца нѣна и сви пріятельи нѣни допрате ю. Сви, кои су ю познавали, плакали су. Ал' она стаяше, рекао бы, поносито, и са сузным' очима

погледи на небо, свымъ срдцемъ у Бога се уздаюћи. Два старца предложе тужбу свою лажльиву; судъ повѣруе имъ; Сосана буде на смрть осуђена. Сад' яснымъ повикне она гласомъ: „Вѣчный Боже! Теби су познате и найсакрывеніе тайне, Ты све знашь, што быва, Ты знашь, да ова двоица криво противу мене свѣдочише; поглед'; я умиремъ невинно, нити самъ учинила то, што они на ме лажу!"

Юносте! како є то лѣпо, кад' се човѣкъ тако утѣшено на свезнанѣ Божіе позвати може! Кад' смо предъ Богомъ невинни, па ма цѣо свѣтъ насъ осудіо, шта намъ то наудити може? Мы текъ опетъ имамо утѣху, кою намъ нитко отети не може. Али ако насъ совѣсть наша осуђуе, а цѣо свѣтъ насъ почитуе — шта намъ онда почитаніе то ползовати може? текъ опетъ притомъ правога мира и спокойства немамо.

Богъ, Коме се іоштъ никад' Богобоязльивый човѣкъ безъ успѣха моліо ніе, услыша молитву нѣну. Кад' є на смрть поведена была, пробуди Богъ светымъ Духомъ своимъ младога Данійла, кой гласовито повиче: „Я самъ невинъ у крви той!" Савъ се народъ на те рѣчи обазрѣ, и запыта га: „Шта ты то говоришь?" Данійлъ отговори: „Да идемо іоштъ єдаредъ на судъ; ова су двоица лажльиво свѣдочила." Народъ се тай часъ натрагъ окрене; Судіе се уплаше, и рекну Данійлу: „Сѣди и ты међу нама, па говори, шта ты знашь." Данійлъ рекне: „Разставите та два

272a

I. Ч.

Стр. 273.

Joh. Schindler delt. F. Weber sc.

Ідолъ Балъ.

старца єдног' отъ другога, да ихъ я свакога наособъ пытамъ." Тако буде, и онъ позове єднога предасе, па му рекне: „Кад' си ю у злу дѣлу видіо, подъ коимъ є то дрветомъ было?" Старацъ му отговори: „Подъ трнякомъ." Даніилъ даде тога отвести на страну, пакъ онда другога довести, и запыта исто тако и овога: „Кажи ми, подъ коимъ си ю дрветомъ видіо зло творити?" Овай отговори: „Подъ шљивомъ." — И тако ихъ Даніилъ у лажи ухвати. Сосанинъ мужъ, пріятельи нѣни и цѣо народъ подигне весео гласъ, хвалећи Бога, Кой избавля Свое вѣрне. А особито су родитељи нѣни славили Бога, да имъ не остаде дѣте у безчестію. Два та старца буду сбогъ свое срамне лажи као лажљиви свѣдоцы на смрть осуђени, ванъ града изведени, и каменѣмъ убіени, те имъ се тако догоди оно, што су сами другом' учинити хтѣли. Тако быва на свѣту; єръ Богъ, као што добре избавля, тако и зле казни.

131. Ідолъ Валъ.

У найсяйніемъ храму своемъ имадоше Вавилоняни ідола по имену Валъ, коме су се найвећма кланяли, вѣруюћи, да є ідолъ тай живъ, и да єде као и люди. Зато су му свакій данъ жертвовали дванайстъ мѣрица брашна, четрдесетъ оваца и шестъ крчага віна. Самъ Царъ кланяосе томе ідолу долазећи свакій данъ у храмъ. Даніилъ се ніе хтѣо кланяти

томе ідолу, него се моліо своме Богу. Царъ, наслѣдникъ Навуходоносоровъ, преговори му то овако: „Зашто се ты не кланяшь Валу?" Данійлъ отговори: „Зато, єрбо нећу да почитуемъ ідоле, но єднога живога Бога, Кой є небо и землю створіо." На то Царъ рекне: „Заръ ты мыслишь, да Валъ ніе живый Богъ? не видишь ли, колико на данъ поєде и попіе?" Смѣшећисе отговори Данійлъ: „Царе мой! не дай се варати; тай Валъ ніе ништа, доли изнутра туткало а споля бакаръ; ніе тай никад' ништа єо." Царъ се разсрди, и сазове све Свештенике Валове, па имъ рекне: „Ако ми право не кажете, тко свакій данъ жертву поєде, сви ћете погинути; ако ли докажете, да ю Валъ поєде, онда ће Данійлъ морати умрети, єръ онъ хули на Вала." „Добро, тако нека буде," рекне Данійлъ.

Царъ отиде съ Данійломъ у храмъ Валовъ, и Свештеницы му рекну: „Єво ћемо мы, Царе, изићи изъ храма, а ты самъ метни предъ Вала єло и пиће, затвори послѣ врата, и запечати твоимъ печатомъ, па сутра уютру дођи, и ако не буде Валъ све поєо, сви ћемо радо умрети. Ал' ако нађешь, да є све поєдено, онда Данійлъ нека умре, кой є лагао на насъ." Као што су Свештеницы захтѣвали, тако буде и уређено све. Но Данійлъ потайно заповѣди слугама своима донети пепела, и предъ очима Цара просути га свуда по цѣломъ храму. Сутраданъ врло рано дође опетъ Царъ къ храму съ Данійл-

ломъ, и запыта овога, єсу ли печати цѣли. Данійлъ отговори: „Єсу.“ Кад' се врата отворе, бацы Царъ очи на трапезу, и повиче гласно: „О Вале! великій си ты, нема у теби преваре!“ — Заиста є све было поєдено.— Но Данійлъ смѣшећисе задржи Цара, да нейде далѣ унутра, и рекне: „Погледай мало и доле, да ли нема у пепелу трага отъ ногу?“ Царъ отговори: „Видимъ трагове отъ ногу людій, жена и дѣце.“ Превара Свештеничка, колико є лукаво измышлѣна была, издасе тыма ногоступма. Шта выше, подъ трапезомъ нађусе потайна вратоца, крозъ коя су те варалице ноћу улазили, и съ трапезе жертву относили. Царъ заповѣди све Свештенике поубіяти, а Вала преда Данійлу, кой га у млево сатре, и храмъ му сасвымъ разори.

Данійлъ є красанъ примѣръ Богобоязльиве ревности, и друге люде къ познанію истинитога Бога приводити. На Свештеникма тыма видимо, да и найтайнія превара найпослѣ изиђе на видило, а честность и истина пребыва увѣкъ. Изъ ідолопоклонства Царевог' и народног' учимо се чувати отъ ідолопоклонства; а тко ма у чемъ на свѣту выше повѣреня има, него у Богу — тай є ідолопоклоникъ.

132. Данійлъ међ' лавовы у ями.

Безъ темельне науке о Богу падаю люди у найстрашніе лудости. Вавилоняни кланяли су се іоштъ и грдной єдной зміи као Богу. Царъ рекне єдаредъ Данійлу: „О овомъ Богу не можешь рећи, да є ідолъ отъ бакара, овай ево живъ є; кланяйсе дакле овоме.“ Данійлъ отговори: „Я се само Господу Богу моме кланямъ, єръ Онъ є истинитый Богъ; а овога ћу я безъ мача и палице умртвити, само ако ми допустишь.“ Царъ му дозволи то. Данійлъ узме смоле, масти и косе, начини тесто изъ свега трога, и бацы предъ змію, коя прождере то, и распукнесе. — „Ето, коме се вы кланяте!“ рекне Данійлъ.

Кад' Вавилоняни виде то, разяресе, и саставе уроту противу Цара, говорећи међу собомъ: „Царъ є постао Іудеанином; разорio намъ є Вала, убio змію, Свештенике потукао!“ Тако разярени изиђу предъ Цара, и рекну му: „Предай намъ Данійла, или ћемо тебе убити съ цѣломъ ти породицомъ.“ Добрый Царъ види, да є сила, па съ тужнымъ срдцемъ преда имъ Данійла, а они га узму, те баце у яму међ' седамъ лавова, коима є свакій данъ по два мртва човѣчія тѣла и по двѣ овце давано; а сад' за шестъ дана не буде имъ давано ништа, да тако пре прождеру Данійла.

То бяше Данійлу награда, што є народъ тай хотѣо усрећити Богопочитаніемъ

истинитымъ. То є могао Данійлъ и самъ предвидити; али ніе ни тражіо онъ награде, као што и сви обистине добри люди чине; шта више, доброга дѣла ради радо се гоненію надао. Слава Божія и срећа людска была є нѣму милія отъ живота, као што є и свыма обистине добрыма людма.

Али Богъ не остави Данійла ни у ями међ' лавовы, кои га се ни додирнули нису. У дугомъ томъ времену огладни онъ. Пророку Аввакуму, кой є у то исто време понео ужину жетеоцма своима на ньиву, рекне Ангелъ Божій: „Отнеси ту ужину у Вавилонъ Данійлу у ями међ' лавовы." Аввакумъ отговори: „Господе! у момъ животу нисамь у Вавилону био, нити знамъ, гдѣ є та яма съ лавовы." Ангелъ га узме и као холуіомъ отнесе у Вавилонъ, те га метне предъ яму лавовску. Аввакумъ ту повиче: „Данійле, слуго Божій! узми ову ужину, кою ти Богъ шалѣ." Данійлъ отговори: „О Боже! та ниси Ты мене заборавіо; о не оставляшь Ты оне, кои Тебе любе!" — Устане, пріими ужину, и наєдесе — а Ангелъ отнесе Аввакума опетъ на свое мѣсто.

Седмый данъ дође Царъ къ ями, да плаче за Данійломъ, мыслећи, да є морао отъ лавова прождеранъ быти; завири у яму, ал' Данійлъ сѣди мирно међ' лавовы, као пастырче међ' свои' яганьцы. Царъ отъ чуда повиче: „О Господе, Боже Данійловъ! Ты си великій, нити є другій Богъ окромъ Тебе!" — Тай часъ даде Данійла изъ яме

извадити, а оне унутра побацати, кои су Данійлу о глави радили, те на очиглѣдъ Цару буду сви отъ лавова прождерани. И той очевидной праведной казни Божіой удивисе Царъ, и рекне: „Сви жительи цѣле мое државе да се имаю бояти Данійловога Бога; єръ Онъ є Избавитель; Онъ твори чудеса; Онъ є избавіо Данійла изъ яме и лавова!"

Юносте! почитуймо и овдѣ опетъ промысао Божій; заиста управля вышша мудрость надъ нама людма! Данійлъ непорично доказуе простымъ и оштроумнымъ начиномъ, да су Вивилонски ідоли ништа. Но изъ тога се роди буна у народу, те и Царевъ животъ дође у опасность. Што дакле Данійлъ ніе могао мудросћу своіомъ и похвале достойномъ ревносћу своіомъ учинити — то учини Богъ чудеснымъ начиномъ. Зато мораде Данійлъ у яму међ' лавове баченъ быти, и люди помыслише, лавови ће безъ сваке сумнѣ прождерати га. Царъ, пріятель нѣговъ, плаче за ньимъ као за мртвымъ. Неразуміе и злоба ликую. Али сад', кад' се чини, да већь ніе ни откуда могуће помоћи се надати, сад' се Божія помоћь показуе славно. Данійлъ излази изъ яме неповређенъ отъ гладныхъ лавова, бунтовницы погинуше, бѣснило се народа утиша, заповѣсти Цареве слушаюсе опетъ, цѣла држава долази къ познанію истинитога Бога. Страданя єдног' єдиног' човѣка постаю благословомъ за миліоне людій. Тако управля Богъ судбе людске, тако бди надъ добрыма. Тако красне

плодове носу страданя за добра дѣла — подъ управомъ Божіомъ. Ако бы намъ се дакле и чинило, да су сви честни наши у добру трудови узалудъ, надежду на Бога никад' не валя да изгубимо.

133. Астінь и Естирь.

Єданъ отъ слѣдующихъ Царева по имену Артаксеркс частіо є єдаредъ боляре, дворяне свое и савъ народъ у граду Суси у великолѣпной палати своіой. Седамъ дана траяла є та гостбина; седмый данъ се врло развесели Царъ, те заповѣди, да и Царица међу весео народъ дође. Али Царица, по имену Астінь, высокоумна и горда жена, не хтѣде Цару по вольи учинити, и међу гостима се появити. На то се Царъ врло разлюти, отера Царицу Астіню, и науми болю женскиню Царицомъ учинити.

Ето тако гордость много путій найвеће весељ замути и огорчи!

У Суси живила є у то доба сирота дѣвойка по имену Естирь; была є безъ отца и майке кодъ стрыца свога Мардохеа подъ свое. Естирь є была неописано лѣпа и милокрвна, а што ю є наймиліомъ чинило — то є невиность и смиреность нѣна. Многе се суетне дѣвойке у Суси стану претерано красити, не бы ли на ню ихъ кою пало Царицомъ быти; Естирь пакъ и не мысли на тако велику срећу, те іой зато ни бриге не буде за

хальинама и украсомъ. И опетъ она се найболѣ допадне Цару; невиность и смиреность нѣна препоруче ю, и Царь избере нио за Царицу умѣсто Астінѣ.

Тако и ту ето буде гордость понижена, а смиреность узвышена!

Сяйна сватба наредисе у Цареву двору; весео Царъ свыма своима подданикма отпусти данакъ на читаву годину, и на све стране раздѣли велике, управо Царске поклоне. Али, што є Естири найвећу честь чинило, то бяше евово: та сва сяйность, те све указыване іой чести не занесу ю и не понесу, нити учине гордомъ. И као Царица остане она Мардохею благодарна и покорна исто онако, као и кад' є малена іоштъ у нѣговой кући воспитавана была.

О како ли валя да се овога примѣра стыде она дѣца, коя, кад' мало отрасту, не слушаю родителѣ свое и старіе свое! или, кад' ихъ срећа у свѣту постигне, іоштъ се и стыде ихъ и презиру!

134. Мардохей и Аманъ.

Мардохей често є долазіо у дворъ Царскій, да чуе, како є Естири. Єдаредъ разбере ту, како се два дворяна договараю, убити Цара. Мардохей, као вѣранъ подданикъ, науми явити то, и сообшти Царицы, а Царица каже Цару. Сад' се почне то своимъ путемъ строго испытывати, и доказано буде,

да є заиста тако. Обадва дворянина буду тога ради обѣшена, и савъ случай забѣлежисе у записне кньиге Царске.

Аманъ быо є првый чиновникъ у двору Царскомъ. Царъ га є предпоставіо свыма Князевма; са страхомъ су му се сви служительи Царски кланяли до землѣ, єданъ само Мардохей ніе хтѣо кланяти му се. На то се Аманъ люто разсрди, те науми осветити му се. Знао є, да є Мардохей Іудеанинъ, па зато заключи, све Іудее потаманити. Тужи ихъ Цару као опасанъ и бунтованъ народъ, и найпослѣ наведе Цара на то, да буде Царскій указъ изданъ, коимъ се заповѣди, све Іудее упропастити.

Ето опетъ примѣра, на какву страшну свирѣпость може човѣка навуѣи гордость и освета!

Мардохей се яко уплаши, кад' чуе за ту заповѣсть Царску, и овако се помоли Богу: „Господе! Господе! Царе Свемогуѣій! све є у Твоіой власти; вольи Твоіой ништа противустати не може; Ты си створіо небо и землю и све, што се на своду небесномъ налази; Ты си Господаръ свію стварій, нити има противника власти Твоіой свемогуѣой. Ты видишь и знашь све! Ты знашь, да то ніе гордость съ мое стране, што се нисамь хтѣо кланяти Аману; среѣе ради Ісраильске и стопе бы му за ньимъ любіо быо; само самь се бояо, честь ону, коя Єдном' само Теби пристои, човѣку отдавати. Господе, Боже Авраамовъ! смилуйсе сад' на на-

родъ Твой! услыши молитву мою! обрати намъ жалость у радость, да живи останемо, и име Твое славимо. О Господе! не затвори уста оныма, кои Тебе пою!"

Тако Мардохей прву надежду свою у Бога положи, па онда се постара за свакій могућный са свое стране начинъ, како бы избавіо народъ свой. Пошлѣ Царицы преписъ те грозне заповѣсти Цареве, и опомене ю, да се заузме кодъ Цара за свой народъ. Естирь му поручи овако: „Свыма слугама Царскима и по цѣлой држави познато є то, да, ткогодъ предъ Цара незванъ изиђе, быо човѣкъ или жена, тай мора погинути; како бы дакле я къ Цару смѣла отиђи, кой ме за тридесетъ прошлыхъ дана ни єдаредъ къ себи позвао ніе?" — Мардохей отпоручи іой: „Не мысли, да ћешь ты єдна зато жива остати, што отъ цѣлога Іудейскога народа само ты єдна у двору Цареву живишь. Усћутишь ли сад', то ће Іудеи другимъ начиномъ избавлѣни быти, а ты ћешь єдна пропасти. Тко зна; може быти да си зато и постала Царицомъ, да народу своме помогнешь." — На то яви Естирь Мардохею: „Сазови све Іудее скупа, кои су у Суси, па се молите Богу за ме, и постите три дана и три ноћи. И я ћу съ моіомъ служкиньомъ исто тако радити — пакъ онда и незвана противу постоеће заповѣсти предъ Цара изиђи, и са живота мога опасносћу за народъ се мой заузети."

Жена, а тако юначки отважна! съ толикомъ надеждомъ у Бога! толике любови къ народу своме!

135. Естирь предъ Царемъ.

Све, што човѣкъ предузима, съ молитвомъ нека започинѣ; Естирь є тако радила. Она се помоли Богу: „Господе! Ты Царъ нашъ. Я самь оставлѣна; дођи ми Ты у помоћь. Осимъ Тебе нема другога, кой помоћи може. Смилуйсе на народъ мой, о Господе! и покажи намъ се у невольи. Учини ме отважномъ, и метни ми сгодне рѣчи у уста, кад' предъ Цара изиђемъ. Друге помоћи немамъ окромъ Тебе, о Господе! Та Ты знашь, о Свезнаюћый, да мени ни сама Царска круна ніе повольна, и да я отъ онога доба, откако самь овдѣ, и то знаменѣ величества мога на глави носимъ, ни у чемъ другомъ радости имала нисамь окромъ у Теби, о Господе! Свемогућій Боже, Боже Авраамовъ! услыши молитву оныхъ, кои друге надежде немаю осимъ Тебе! избави насъ изъ руку нечестивыхъ, и мене изъ мое неволѣ!"

Лѣпа ли є ово молитва! у ньой ніе праздныхъ рѣчій! ту се изъ сваке рѣчи свѣтли Богопознаніе и страхъ Божій, надежда у Бога, блажена радость чисте совѣсти, невиность, смиреность, човѣко- и отечество-любіе. Таки су добри люди!

Послѣ ове молитве обучесе Естирь у цѣло свое Царичино руво, и отиде къ Цару;

двѣ служкинѣ ишле су съ ньомъ; о єдну се насланяла, а друга іой є носила скутъ за ньомъ. Пошавши крозъ многе собе дође предъ Цара, кой є у порфиру обученъ на престолу сѣдіо. Очи му се засвѣтле отъ єда, кад' опази Естирь, а ова преблѣди, и паднe у несвесть. У тай махъ претвори Богъ гнѣвъ Царевъ у благость. Уплашено скочи Царъ съ престола, прихвати Царицу, и кад' дође она къ себи, проговори іой: „Естиро! не бойсе, нећешь умрети; законъ є тай, истина, за све, само за тебе ніе! Естиро! Царице! шта иштешь? я ћу ти дати, ако хоћешь, половину Царства мога." — Естирь замоли само то, да бы Царъ съ Аманомъ кодъ нѣ данасъ обѣдовао, па ће му томъ приликомъ сву молбу свою предложити. — Царъ рекне на то: „Овай часъ зовите Амана, да се испуни воля Царичина."

136. Узвышеніе Мардохеово.

Царъ и Аманъ обѣдоваше кодъ Царице, и она замоли Цара, и сутра съ Аманомъ кодъ нѣ опетъ обѣдовати, па ће му онда топрвъ молбу свою казати. Аманъ, ванъ себе отъ радости, што се те чести удостоіо, отиде кући; али радость нечестивога не трае дуго. Идући у гордости своіой кући, види Мардохеа предъ дворомъ Царскимъ гдѣ сѣди, а предъ ньимъ не само не устае, него ни съ мѣста се нимало не креће. Тымъ увређена гордость нѣгова поквари му сву

прѣашню радость. До крайности разлюѣенъ доѣе куѣи, и приповѣди жени своіой и пріятельма своима, како є онъ богатъ, како є кодъ Цара у найвеѣой чести, да є надъ свыма Князевма и Болярама узвышенъ, да є Царица само Цара и нѣга на обѣдъ позвала, и да ће сутра опетъ кодъ нѣ съ Царемъ обѣдовати. То све я — дода ко том' — уживамъ, па ми се опетъ чини, да ништа немамъ, доклѣгодъ Мардохеа Іудеанина предъ дворомъ сѣдеѣа узгледимъ.

Ето видите опетъ, Любезни, да човѣка ни чести ни богатства срећнымъ учинити не могу; да гордость найнесреѣніимъ чини човѣка; да се право спокойство и задовольство нигдѣ наѣи не може, осимъ у смиренномъ, любови пуномъ срдцу.

Аману рекне жена и пріятельи нѣгови: „Начини вѣшала, па кажи сутра Цару, нека даде обѣсити Мардохеа." Овай се совѣтъ допадне Аману, и заповѣди тай часъ направити вѣшала.

Мардохей дакле и не знаюѣи наѣесе близу смрти; али Богъ, Коме ништа ніе сакрывено, бди надъ ньимъ. Цару се разбіе ту ноѣь санъ, и тымъ незнатнымъ догаѣаемъ — тко бы то за могуће држао! — спасе Богъ Мардохею животъ. Царъ отъ дугога времена заповѣди, да му се записне Царске кньиге читаю, па се догоди — о Боже! тко да се светоме промыслу Твоме не диви и не кланя! — догодисе управо то у читаню, како є Мардохей открыо, да су два дворянина

противу живота Царева договорилисе. Тронутъ Царъ рекне: „Како є награђенъ Мардохей за ту вѣрность?" Слуге отговоре: „Никако!" Царъ се яко застыди отговоромъ тымъ, и науми Царски наградити Мардохеа.

Тако изведе Богъ красно дѣло то у найсгодніе време на видило. Као што є Мардохей нѣгда Цару животъ спасао, тако ће и нѣму сад' спасенъ да буде животъ. Тако мудро управля Благій Богъ све на свѣту!

Аманъ урани, и отиде къ Цару, да му совѣтуе обѣсити Мардохеа. Кад' изиђе предъ Цара, упыта га овай: „Шта треба учинити човѣку, коме Царъ особито велику честь указати жели?" Аманъ помысли у себи, да се то не може другога тицати, него нѣга, па отговори: „Онога, кога Царъ чесћу отликовати жели, валя у порфиру обући, на Царскога коня посадити, првый Князь Царскога двора нека му коня за уздицу држи, крозъ све улице градске води и вике: „Овако се чествуе онай, кога Царъ чествовати жели." На то Царъ рекне: „А ты брже болѣ иди, и учини тако, као што си рекао, Мардохею Іудеанину, кой доле предъ дворомъ сѣди; али добро пази, да ни найманѣ што отъ тога не заборавишь, што си рекао." — Аманъ отиде, обуче Мардохеа Царски, посади га на Царева коня, и проведе га крозъ све улице викаюћи: „Овако се чествуе онай, кога Царъ чествовати жели!" За овомъ славомъ отиде Мардохей опетъ те сѣдне предъ дворъ као и досад', не марећи много за све

чести. Аманъ пакъ похити кући съ покривенымъ лицемъ пунъ єда, срама и муке.

Тако чрезвычайныхъ а притомъ опетъ тако наравныхъ попуштеня Божіихъ можемо у обычномъ животу врло често примѣтити. Богъ є преко тога іоштъ и обштый течай єстества уредіо тако, да свакій зликовацъ напротивъ у ономъ, што тражи, мора казнь себи да нађе. Гордельивацъ тражи честь, па нађе презрѣніе; сребролюбацъ усред' богатства свога живи у сиротыньи; блудникъ тражи сладострастіе, а налази муку и болесть; завидльивацъ радо бы разоріо туђу срећу, а управо тымъ труе самъ себи сваку живота радость; піяница убія свое здравлѣ и разсыпа иманѣ, те му найпослѣ омрзне у необычной му невольи и животъ; гнѣвльивъ, желећи осветитисе, навлачи самъ себи неброене нове увреде; лѣньивацъ нередомъ своимъ све выше посла себи задае. Тако — да се уподобленіемъ послужимо — тако свакій нравственный отровъ има свой противный отровъ; тако є Богъ цѣло єстество уредіо на то, учинити люде честныма, добрыма.

137. Аманова пропасть.

Аманъ се тужи жени своіой и пріятельма своима, како є прошао, кад' ал' дођоше слуге изъ двора Царева, да га принуде, брже болѣ ићи на обѣдъ къ Царицы. Онъ отиде найпре къ Цару, па отпрати овога къ Царицы. Царъ се яко развесели за обѣдомъ, и у

веселю рекне Царицы: „Естиро! кажи ми вєћь єдаредъ молбу твою, да ти ю испунимъ; шта ћешь, да ти учинимъ?" — Естирь отговори: „Ако самь милость кодъ тебе нашла, о Царе! и ако ти є угодно, поклони ми, молимъ те, животъ мой, и поштеди народъ мой, за кой те молимъ; єръ мы смо продани — я и народъ мой; злотвори хоће да насъ погазе, удаве, униште. Богъ бы дао, да насъ баръ продаду у робство као слуге и служкинѣ, то бы се опетъ подносити могло, и я бы онда, истина, уздысала, али бы и ћутала. Но овако имамо непріятеля, кога свирѣпство и самога Цара чести и живота лишити може." — Царъ рекне: „Тко є тай? тко се усуђуе то чинити?" — Естирь отговори: „Аманъ; онъ є заклетый непріятель и гонитель нашъ." Сад' се све обяви: да є и сама Царица изъ народа Іудейскога, кога є Аманъ упропастити науміо. — Царъ скочи у лютости отъ трапезе и отиде у вртъ. Аманъ припадне къ ногама Царице, и моли да му се опрости животъ. Изъ очаянія заборави свако страхопочитаніе, и обухвати колѣна Царичина. У тай истый махъ уђе Царъ унутра, и кад' види то, разярисе сасвымъ, заповѣди везати Аману очи, и погубити га. Єданъ отъ дворяна примѣти, да у двориштy Амана има готова вѣшала, коя є онъ начинити дао за Мардохѣа, кой є Цару животъ спасао. — „Тако?" рекне Царъ, „нека се дакле Аманъ на та вѣшала обѣси." Аманъ буде попуште-

ніемъ Божіимъ на оныма истыма вѣшалама обѣшенъ, коя є за Мардохеа подигао.

Достоинство Аманово преда Царъ Мардохею съ Царскимъ печатомъ, и свирѣпу заповѣсть противу Іудеа узме натрагъ. Іудеи прославе срећу ту свою праздникомъ благодарности веселымъ.

Цѣла ова повѣсть робства Вавилонскога єсть ясно огледало величества Божія. И ту опетъ видимо, да се Божіе свезнанѣ на све и свашта простире. Премудрость Божія савыя найразличніе догађае къ єдной цѣли; а благость Божія свагда избира найболю и найблагодѣтелнію цѣль. Свесветый Богъ показуе свуда Свое найлюбезніе благоволеніе у свему, што є добро, а найвеће гнушанѣ отъ свега, што є зло. Онъ искушава свакога, кога люби, буди ихъ невольомъ на молитву, гони ихъ благодѣяніяма на любовь, крѣпи ихъ страданѣмъ у надежди, дае имъ прилику добро чинити, вуче ихъ свачимъ све ближе къ Себи. Свуда є Богъ праведанъ — казни нечестивога, избавля доброга и чини му радость. Богъ є све у свему! Полажимо дакле сву надежду на Бога, чинимо добро, да намъ Богъ сва радость наша буде!

ПОВРАТАКЪ ИЗЪ РОБСТВА.

138. Обновлѣнѣ храма.

Богъ є пре више столѣтія вѣнь предна-вѣстіо чрезъ Пророке, да ће Ісраильтяне освободити робства. Найзнаменитіе пророчество у томъ єсть ово: „Тако говори Господъ Киру помазанику Своме: Узео самь те за десницу твою, да ти покоримъ народе, и Царевма мачъ да отпашемъ; предъ тобомъ ћу ходити, бакарна врата разбіяти, и гвоздене браве сламати — да знашь, да самь я Господъ, Кой самь те именомъ позвао пре, него што си Ме познавао, а и пре него што є тебе было — Я, Богъ Ісраилѣвъ. То самь Я Ісраиля, избранога народа мога ради, чиніо; да; нѣга, Кира, самь позвао, да праведно ради; онъ ће градъ мой сазидати, и робове мое отпустити, а у то име ни откупа ни дара не пріимити — говори Господъ, Богъ войничкихъ чета."

Ово се пророчество сад' испуни найславніимъ начиномъ. Изненада дође Царъ Персійскій, и освои Вавилонско и Ассирко Царство, гдѣ су зароблѣни Ісраильтяни живили. Томе Цару было є заиста име Киръ. Морао се

I. C. Cap. 290.

Schindler del. Blas Höfel SC.

Повратакъ изъ ропства

дивити, кад' є разабрао, да се онъ у стародревныма кньигама Ісраильскима по имену споминѣ. Зато и даде таки прве године владаня свога надъ Вавилономъ у цѣлой држави прогласити: „Овако говори Киръ, Царъ Персійскій: Господъ, Богъ неба, Кой є мени сва царства покоріо, заповѣдіо ми є, сазидати Му храмъ у Іерусалиму; кой є дакле отъ народа Нѣговога, тай нек' иде у Іерусалимъ зидати храмъ Господань, и Богъ нека буде съ ньимъ! Свакоме отъ заробльника у путованю на свакомъ мѣсту да се има и новцемъ и свачимъ помоћи, осимъ тога ако тко драговольно на зиданѣ храма жертвовати хоће."

Поглавари, Свештеницы и силный народъ спремесе на путъ. Зоровавель быо имъ є првый и найглавніи Войвода. Врло многе и знатне поклоне добыо є народъ пре него што ће поћи, и Киръ врати имъ натрагъ све златно и сребрно посуће, кое є Навуходоносоръ изъ храма отнео. И тако доћу опетъ у Ханаанъ и у свое оставлѣне вароши, па онда скупа сви отиду у Іерусалимъ тако сложно, као да су сви єданъ само човѣкъ были. Темель храму буде положенъ, Свештеницы затрубе: „Хвалите Господа, Онъ є пріятель нашъ, и доброта Нѣгова єсть вѣчна!" Савъ народъ ускликне отъ радости, гласъ веселя заорисе надалеко.

Опетъ лѣпо откровеніе, Любезни мои! И овдѣ такође видимо то: Богъ зна све — и оно, што ће топрвъ послѣ столѣтія быти. Богу є тамна будућность яснія и свѣтлія, не-

го очима нашима поляна, сунцемъ у полдне освѣтлѣна. Богъ управля судбе цѣлыхъ народа, и называ свакога човѣка по имену. Онъ є вѣчно чиста доброта и благость. Онъ само по любови казни, и како се тко отъ срдца покае, претвори му сузе у радость.

У Самаріи и околномъ предѣлу жительи — кои су се на мѣсто истераныхъ Ісраильтяна туда населили — чую, да се храмъ наново зида, явесе поглаварма Ісраильскима, да су и они ради помоћи у зиданю; єръ и нама є, веле, вашъ Богъ міо, као и вама самыма. Но Ісраильтяни имъ на то отговоре: „Не пристоисе, да намъ вы храмъ зидате; мы ћемо сами домъ Господань нама да сазидамо.” То Самаряне врло огорчи, и стану се свакояко трудити, да зауставе зиданѣ то; ал’ успѣти никако не могоше. Зато се и окану сасвымъ пркоса тога, и по нѣкомъ времену сазидаю себи собственный храмъ на брду Сихему. Іудеи разоре тай храмъ, и непріятельства, коя се отуда између та два народа роде, потраю выше столѣтія.

Драги мои! законъ валяло бы да буде узао, кой да срдца свію людій у любовь састави. А како є то жалостно, кад’ люди и самъ законъ — овай красный узао любови — подбаданѣмъ мрзости и неслоге праве!

139. Обновлѣнѣ Іерусалима.

Храмъ буде готовъ, али градъ бяше іоштъ у развалинама. Іудеи — тако се отсад’

назову сви Ісраильтяни — живили су бѣдно, презрѣни отъ свію унаоколо народа. Неемиа, у служби Цара Персійскога, іошть се бавіо у Суси. То є было врло честанъ Ісраильтянинъ. Кад' чуе онъ, како бѣдно живе Іудеи, предасе жалости, плачу, посту и молитви. „Ахъ, Господе — говараше онъ у молитви — Боже неба! Великій, Свемогући Боже! Ты си милосрданъ свыма оныма, кои Тебе любе, и заповѣсти Твое хране. Молимъ Ти се, услыши молитву слуге Твога, кой Ти се данъ ноћь за браћу мою, слуге Твое, Ісраильтяне молимъ. Признаемъ я, да смо мы предъ Тобомъ сгрѣшили, суетомъ заслѣплѣни по заповѣстма Твоима не владаюћисе; али сѣтисе рѣчій, кое си Мойсею рекао: Ако преступите заповѣсти Мое, међу народе ћу васъ разсѣяти; а ако се покаете и обратите, па се заповѣстій Моихъ прихватите, опетъ ћу васъ искупити, ма да сте на све краеве свѣта разбачени. — Молимъ Ти се дакле, о Господе, услыши молитву слуге Твога и свію слугу Твоихъ, кои іошть страхопочитанія предъ именемъ Твоимъ имаю — и упути ме, како да нађемъ милость данасъ предъ Царемъ!"

При обѣду дода Неемиа по обычаю Цару віно, пакъ онда стане предъ ньимъ снужденъ и жалостанъ. Царъ га упыта: „Шта му є?" а онъ отговори: „Ахъ, Царе! жалость и туга ми є на срдцу, кад' се сѣтимъ, да є варошь, у коіой су прародители мои саранѣни, опустошена, ватромъ у пепео

обраћена!" – Царъ рекне: „Шта дакле ишгешь отъ мене." Нееміа отговори: „Ако самъ слуга твой милость кодъ тебе нашао, о Царе, а ты ме пошльи у Іерусалимъ, да варошь опетъ сазидамъ." — Царь и Царица рекну: „Колко ће траяти путованѣ то твое? и кад' се мыслишь опетъ натрагъ вратити?" — Нееміа опредѣли време, а Царъ га отпусти врло милостиво, даде му писменно пуномоћіе и читаву чету пратіоца.

Тако услыши Богъ молитву Нееміеву и склони срдце Царево на милость; тако и ни єдна молитва не остане неуслышана, ако извире изъ срдца пунога любови, надежде и смиренія.

Нееміа дође у Іерусалимъ, и таки прегледи варошь, крозъ кою є єдва иѣи могао преко сметова и развалина — и узмесе съ народомъ за посао. Поглавари Самарітянски стану имъ се ругати; єданъ рече: „Шта раде кукавице Іудеи? заръ мысле уцѣло опетъ саставити каменѣ, кое є ватра у прахъ издробила?" — „Пусти ихъ, вели другій, нека зидаю; кад' лисица откуд' наиѣе, преко тыхъ каменитыхъ зидова ће прескакати." — Но Іудеи се не обзиру на пркосе те, но и зато съ већомъ ревносћу зидаю. До половине и выше буду већь сви зидови готови, кое кад' виде околни народи, науме изненадно напасти на Іудее и развалити имъ те нове зидове. Но нѣколико честныхъ и Богобоязльивыхъ Іудеа, кои су живили међу тыма народма, држаше за дужность свою, на путъ већь єдаредъ стати

толикима непріятельствама, и яве то браћи своіой у Іерусалиму. Многи Іудеи се уплаше и малодушію предаду; ал' Нееміа имъ рекне: „Не бойте ихъ се; вѣруйте Бога, великога вашега и страшнога Избавителя; бор'тесе за браћу вашу, жене ваше, сынове, кћери и домове ваше!" — Сад' се помоле Богу, и поставе стражу кодъ зидова. Половина народа зида неуморно, а друга половина стои подъ оружіемъ готова за бой; и сами послеиицы имадоше мачъ о поясу. Тако є свакій данъ траяло отъ зоре до мрака. Непріятельи ньихови чую то, не усудесе нападати, и зидови буду довршени. Радость Іудеа бяше сад' неописана; варошь сва буде освећена, молитве и пѣсне благодаренія Богу читане и пѣване, жертве Богу принешене, Кой ихъ є сподобіо ту радость доживити. Свирка и весела вика у Іерусалиму тако є велика была, да си ю могао далеко иза вароши чути.

Любезни! колика ли є то радость, кад' се люди Поглаварству своме радо покораваю, и тако сложно и єднодушно све силе свое на обште добро напрежу! Каква ли важна дѣла могу починити обшта покорность и прилѣжность! колика ли ихъ радость на свршетку чека! — Ако дакле и сад' Поглаварство нареди што, кое се обштега блага тиче, као н. пр. зиданѣ цркве, училишта, или правлѣнѣ пута, то треба и валя да свакій радо и весело у томъ помогне.

140. Елеазаръ.

Іудеи почну опетъ почитовати Бога искрено, живећи мирно и задовольно. Но послѣ нѣкога времена падну опетъ у пороке и грѣхове, те ихъ и опетъ преда Богъ у руке ньиховыхъ непріятеля. Међу овыма найлюћій ѥ быо Антіохъ Царъ Сирскій, кой юришемъ освои Іерусалимъ, поотима сво посуђе изъ храма, поубія люде, пораспродае жене и дѣцу у робство, и силомъ натера народъ кланятисе ідолма.

Елеазаръ бяше кньижеванъ човѣкъ, старацъ съ честномъ сѣдиномъ, али іоштъ младоликъ. Овоме силомъ развале уста, да га натераю свиньско месо ѥсти, кое ѥ Іудеима закономъ запрећено было. Али старацъ тай воли честно умрети, него срамно живити, и пође драговольно на муке. Около стоећи стари пріятельи нѣгови разжалесе, ѥрбо га одавна као честнога човѣка познаваше. Узму га на страну, и рекну му, да ће они друго месо подметнути, па нека свободно ѥде, а Цару за любовь нека се учини, као да свинѣтыню ѥде. Онъ се на понуду ту нимало не промысли, него отѥдаредъ отговори: „Не пристои старости моіой претваратисе; младежь бы помыслила: деветдесетолѣтный старацъ Елеазаръ постаде язычникомъ. Претворность та тога краткога времена ради, кое бы іоштъ имао поживити, навела бы младежь на зло, и обесчестила бы старость мою. А

шта бы ми помогло то, ако бы се сад' и уклонiо отъ казни людске — кад' отъ руке Свемогућега, быо я мртавъ или живъ, никад' утећи не могу? Зато ћу онако да чинимъ, као што се старости моiой пристои, и да умремъ као мужъ, па младежи снажанъ примѣръ да оставимъ, нека се научи за светый законъ Божiй радо и храбро умрети, као и я што умиремъ."

Текъ што изговори онъ то, таки га на муке повуку. И сами они, кои су га пре жалили, разыресе сад' на нѣга, мыслећи, да є онъ то изъ єдне текъ гордости и высокоумiя говорiо. На смрть тученъ уздане и рекне: „Господе! Светый и Свезнаюћiй! Ты знашь, каквыхъ самь се страшныхъ мука уклонити могао, кое сад' тѣломъ трпимъ, али душомъ ихъ радо подносимъ — изъ страхопочитанiя предъ Тобомъ!"

Елеазаръ умре подъ боемъ, и не само младежи него и свыма людма славанъ спомень храбрости и постоянства остави. Мужествена важность, съ коiомъ честный тай старацъ тога, премда само споляшнѣга, знака Богопочитанiя тврдо држисе — заиста є лѣпша и већа отъ дѣтиньске лагкомыслености оне, съ коiомъ гдѣкой младъ човѣкъ споляшньима знакма Богопочитанiя ругасе, а управо и самъ не зна, зашто? Любезни! нека васъ Елеазарова Богобоязльивость отъ такве гнусне и ядне логкомыслености сачува!

141. Браћа Макавеи съ матеромъ.

Царъ Антіохъ заповѣди довести предъ себе матерь са седамъ сынова нѣныхъ, и боемъ натерати ихъ єсти свинѣтыню. Најстаріи отъ ньихъ рекне Цару: „Што насъ толико испытуешь и кушашь? мы њемо пре умрети, него противу Божіега закона нашихъ отаца учинити.” Царъ се разяри, и зато, што є првый проговоріо, даде му исчупати єзыкъ, кожу сдерати, обадвѣ руке и ноге отсѣћи, пакъ онда га іоштъ жива пећи. Друга браћа съ матеромъ морала су гледати то; а гледаюћи єданъ другога храбри постояно и неустрашено умрети, као што имъ и братъ за законъ страда и умире.

Сад' поведу другога на муке, и одеру му съ главе кожу съ косомъ, пакъ онда га упытаю, хоће ли єсти свинѣтыню, докъ му сви удови тѣла тако исто пострадали нису; а онъ имъ отговори: „Нећу!” Кад' є већь издысао, и онда є Цару говоріо: „Свирѣпый Царе! ты намъ, истина, узимашь временный овай животъ, но Царъ ће неба и землѣ насъ, кои за законъ Нѣговъ умиремо, опетъ воскреснути у животъ вѣчный!

Трећій своевольно пружи руке, да му се отсѣку, и рекне: „Ови су удови тѣлесни, истина, даръ Божій; али я изъ страхопочитанія къ закону Божіем' не маримъ за ньи; єръ самь увѣренъ, да ће ми ихъ Богъ опетъ дати на вѣки.” Умре и тай тако мужественно,

Schindler del. Weinrauch sc.

Брата Макавеи съ матерію.

да су се и Царъ и сви нѣгови люди чудили и дивили.

Четвртый послѣ страшныхъ мука издышући рекне: „У самртныма овыма мукама срећніи смо мы, него ты Царе! мы имамо тврду надежду, да ће насъ опетъ воскреснути Богъ за болый животъ; ал' теби неће воскресеніе быти на животъ."

Петый упре подъ мукама очи у Цара, и рекне: „Ако и єси ты сад' тако силанъ, да чинишь, што хоћешь, опетъ си човѣкъ текъ, и морашь нѣгда такође умрети! Іоштъ мало, па ћешь видити, да є Богъ силніи отъ тебе, и да ће и тебе и савъ родъ твой зато казнити."

Шестый у послѣднѣмъ ропцу проговори: „Не приписуй, о Царе, самъ себи снагу, поубіяти насъ! подъ свыма овыма мукама страдамо мы по нашой собственной кривицы, єрбо смо Богу сгрѣшили. Но и ты нећешь безъ мука проћи, што се усуђуешь противу Бога бѣснити."

Сад' дође редъ на наймлађега. Овога узме Царъ къ себи, яви му се любезно, и закуне, да ће га богатымъ и срећнымъ учинити, само нека се отрече закона своихъ отаца. Но младиħь неће ни да чуе то, и Царъ зовне матерь къ себи, те ю посовѣтуе, да му она говори, не бы ли іой онъ єданъ живъ остао. Мати се сагне къ сыну, и рекне му: „Сладко дѣте мое, кое самь я у утроби и на срдцу момъ носила, нѣговала, доила и раанила, смилуйсе на мене майку твою! Погледай, сыне, небо и землю и све, што на ньима ви-

дишь! То све и цѣо родъ човѣчій Богъ є створіо изъ ничега. Не бойсе дакле мучителя и убійце — него се покажи достойнымъ браће твое, и умри радо; пакъ ће ми милосрдный Богъ опетъ те заєдно съ браћомъ твоіомъ поклонити."

Мати и не прекине іоштъ рѣчь, и младићь проговори: „А шта чекате? не мыслите, да ћусе я покорити заповѣсти той нечестивой, я се покоравамъ заповѣсти Бога, кою намъ є преко Мойсеа дао. А ты, о Царе, кой Іудейма свако зло на свѣту чинишь, нећешь побѣћи отъ руке Божіе. Не уздайсе у твою власть, єръ іоштъ ниси умакао отъ суда свемогућега Бога, Кой све зна. Моя браћа, коя кратке ове муке претрпише, постадоше участницы вѣчнога живота; но ты ћешь праведнымъ судомъ Божіимъ за надувену злобу твою допасти мука. Я ћу ево да по примѣру браће мое и да страдамъ и да умремъ за вѣру отцева моихъ; а Богъ ћесе — за кое Му се отъ свег' срдца молимъ — скоро опетъ народа свога пріимити. Ты пакъ іоштъ ћешь у великима мукама признати морати: Єданъ Онъ є истинитый Богъ!"

Кад' то чуе Царъ, побѣсни отъ ярости и заповѣди мучити тога седмога люће него све друге пре. Найпослѣ страда и мати исто тако.

О Юносте! како ли є грозна та повѣсть! а колика є то за насъ наука, да се тврдо Бога држимо! Неисказано много болѣ є умрети, него волю Божію прекорачити! неисказано

много болѣ є животъ жертвовати, него дужность свою преступити! неисказано много болѣ є читавъ свѣтъ изгубити — него Божіе благоволеніе! Ништа — ништа — ни читавъ свѣтъ неће быти кадаръ отъ добра насъ отвратити, ако се, као тіи млади юнацы, Бога држали будемо! Велика є храбрость, кою намъ надежда онога живота дае! Жива мысао о томъ болѣмъ животу райскомъ и найстрашніой смрти отузима страхоту, и уништава сву примамльиву дражесть овога видимога свѣта. Юносте! сѣћайтесе, о сѣћайтесе често небеснога рая — славе оне высоке, за кою сте опредѣлѣни, па васъ све радости живота и све страхоте смрти неће моћи съ правога пута отвући!

142. Мататіа и нѣгови сынови.

Првосвештеникъ Мататіа за време тога гоненія побѣгне са сыновма своима у варошицу на брегу. Царъ Антіохъ пошлѣ къ нѣму явити му: „Ты си првый и найотмѣніи у вароши, имашь сынове и сроднике, кои ти чести служе; зато буди првый овдѣ у вароши, кой се, као што су сви народи и сви жительи Іудее и Іерусалима већь учинили, заповѣсти Царевой покоравашь, пакъ ће Царъ тебе, сынове твое и сроднике твое сваке чести удостоити и богатствомъ обасути.“ — Мататіа яснымъ гласомъ дрзновенно отговори: „Ако и єсу сви се народи Цару Антіоху покорили, и отъ свога вѣрозакона

отпали, я, мои сынови и сродницы остаемо вѣрни закону нашихъ отаца! и сохрани насъ, Боже, кадгодъ отпасти отъ тога!"

Любезни! по несрећи често ћете наилазати на люде, кои се удаляваю отъ волѣ Божіе; о не дайтесе повести за злымъ примѣромъ ньиховымъ! и рецыте съ Мататіомъ онда: „Па да и читавъ свѣтъ Бога се отметне — опетъ ћу му я вѣранъ остати!"

Затымъ стане Мататіа по цѣлой вароши викати: „Тко люби законъ Божій, и жели завѣтъ отаца своихъ задржати, тай нека пође за мномъ!" — Онъ и нѣгови сынови побѣгну у гору, и оставе све, што су у вароши имали. Многи честни люди и Богобоязльивцы отиду съ ньима, и живише тамо са женама и дѣцама своима отъ зеля и кореня. Сви храбри люди по цѣлом' Ісраилю, кои су готови были за законъ крвь пролити и животъ жертвовати, искупесе около Мататіе; и наскоро састави онъ войску, съ коіомъ стане противитисе гордости Царевой, и вѣрозаконъ отъ силе непріятельске бранити.

Толико добра може єданъ єдиный човѣкъ учинити, кад' у и за име Божіе ради, нити ищта друго тражи, но само чинити добро, па изъ любови къ добру сваку свою корысть и читавъ свѣтъ за ништа држи!

Приспѣ време умрети Мататіи честноме старцу, и онъ сазове сынове къ самртной постельи своіой, па имъ рекне: „Настало є време, кад' гордельиви насилно владаю — време бѣде, разоренія и лютога гоненія. Зато,

сынови мои! наоружайтесе ревносћу, помыслите на дѣло отаца ваших, и не поштедите живота за вѣрозаконъ свой. То ће вамъ правой чести служити, и име вамъ безсмртнымъ учинити. Ніе ли и Авраамъ искушаванъ био? ал' є и тврдъ у вѣри остао, и отуда се праведнымъ нариче. Іосифъ посред' свію неволя сохрани Божіе заповѣсти, и постане Господиномъ цѣлога Египта. Іисусъ Навинъ изврши заповѣсть Господню, и буде прьый Войвода надъ Ісраилѣмъ. Давідъ бяше благъ и милосрданъ, па зато получи престолъ Царскій на вѣки. У Иліи пламтила є ревность за законъ, па зато живъ се отвезе на небо. Ананіа, Азаріа и Місаилъ уздашесе у Бога, па се избаве отъ ватре. Даніилъ сбогъ невиности свое остане неповређенъ отъ гладныхъ лавова у ями. Прођите сву повѣстницу отъ рода до рода — свуда ћете наћи: Тко се у Бога узда, тай се никад' посрамити неће. Не бойтесе дакле претнѣ нечестивыхъ людій, єръ слава є ньихова прахъ и црвъ. Данасъ се дигне нечестивый, а сутра га нестане; вратіосе у прахъ, изъ кога є постао, и све му се намѣре уништише. Будите дакле неустрашени сынови мои! будите храбри юнацы за вѣру свою и законъ. У томъ є права слава. Братъ вашъ Сімонъ мударъ є; будите нѣму покорни, онъ ће вамъ быти отацъ. Іуда Макавей юнакъ є отъ младости свое; онъ нека вамъ Войвода буде у рату. Скупите около себе све оне, кои се држе закона свога; противитесе злоби, коя

є рада осветитисе народу вашему, и чините све по пропису закона!"

О Юносте! тко може слушати рѣчи тога издышућега отца, а да тврдо не науми: „Нећу — никад' — никад' нећу зао човѣкъ быти! свомъ душомъ на то ћу иѣи међу добре люде броятисе — отъ Авраама до Мататіе!"

Мататіа благослови сынове свое — и умре спокойно. Сынови га саране, и вѣрно испуне све, што имъ є препоручіо. Цѣо Ісраиль плакао є горко за добрымъ тымъ, мудрымъ и Богобоязльивымъ старцемъ.

Тако спокойно и блажено умире праведникъ — и споменъ му остае блаженъ.

143. Антіохова смрть.

Царъ Антіохъ отиде у Персію освоити престолный градъ Персеполъ. У Іудеи остави силну войску боећисе буне. Но у Персіи зла га срећа снађе; побѣђенъ буде, и мораде се са срамотомъ кући вратити. Ту опетъ нађе іоштъ веће зло; Іуда Макавей у выше великихъ боева тукао му є яко войску, освоіо Іерусалимъ, разоріо ідолске кипове, Антіохомъ у храму понамѣштане, и посветіо опетъ храмъ истинитоме Богу.

Антіохъ, кад' види то све, побѣсни отъ єда, и науми осветитисе Іудейма за срамоту бѣгства свога изъ Персіе. Данъ ноћь путовао є, да што пре у Іерусалимъ стигне, и у хитости той претераной спадне съ кола,

те се тако яко угрува, да отъ тога доба чрезъ цѣлый животъ свой остане богаль.

Тако се смири онай, кой є изъ нечовѣчне гордости пре мисліо, да мору заповѣдати, и планине єдну на другу гомилати може. Ето колико човѣкъ има узрока гордитисе!

Отсадъ Антіохъ ни крочити ногама самъ, него є ношенъ бывао на носилама. Отъ туге и жалости, што му и све гордельиве намѣре пропасти морадоше, врло яко се разболе, нитъ вечь выше и съ постелѣ устати могаше. Што є дуже боланъ лежао, тымъ є вечма очаявао. Напослѣдку тако ослаби, да и самъ осѣти свой послѣдный часъ, те сазове све пріятелѣ свое, и рекне имъ: „Никадъ санка немамъ; клонуо самь сасвымъ; срдце ми хоће да пукне отъ жалости. О како ли самь нѣгда весео бывао, а садъ са свію страна нападе на ме туга и жалость, као валови морски! Обида Іерусалиму мномъ нанешена єднако ми є на памети — како самь изъ храма златно и сребрно посуђе покрао, и толико невинне крви проліо; па зато садъ — о видимъ и самъ! — зато садъ оволика несрећа наиђе на ме!"

Любезни! ето видите опетъ, колико є зло немирна совѣсть! Споменъ злыхъ дѣла подобанъ є отровной гуи на човѣчіемъ срдцу. О Юносте! особито пазите и чувайтесе, да вамъ се и у ваше срдце страшна та гуя не увуче!

Антіохъ отъ тежкихъ болова почне по свемъ тѣлу живъ трунути; по ранама му

црви се излегу; тога смрада нитко поднети ніе могао. Нѣга, кои се мало пре за тако великога држао, и кой є себи у главу уврtіо быо, да теменомъ до звѣзда небесныхъ допире — нѣга сад' нитко сбогъ смрада не може да трпи! И самом' му вечь свой додія смрадъ, па се стане каяти гордости свое, призна, тко є и шта є, и рекне: „Достойно є и праведно, да буде човѣкъ смиренъ предъ Богомъ, и да єднако држи у глави, да смртанъ не може быти Богу равнъ!" Кукаванъ сбогъ немирне совѣсти свое Антіохъ Богу се моли, мысли шта да чини, обѣћава украсити опетъ пороблѣный храмъ іоштъ већма и болѣ, него што є икад' быо — найпослѣ и то, да ће и самъ такође Іудеаниномъ постати, и Бога по цѣлой држави своіой прославити. — Касно є! съ ньимъ се управо онако догоди, као што є самъ другима чиніо; као што є онъ люде изъ отечества ньиховога у пустыню протерао, найсвирѣпіимъ начиномъ убіяо — тако у туђой земльи у пустыньи у найстрашніима мукама жалостно — умре!

Любезни! тако страшно казни Богъ за грѣхъ; тако є страшна смрть непоправлѣнога грѣшника! Ако бы Богобоязльивый човѣкъ и у найвећима мукама издысао, опетъ има утѣшеніе у Богу; свѣсть, да є праведно поживіо, нѣму є балсамъ, кой му изнутра болове утишава; душа му напредъ осѣћа райско блаженство. — Свега тога нема нечестивый; онъ гледи Бога као страшнога Су-

дію: трзанѣ совѣсти вѣма га мучи, него сви болови тѣла; помысао на вѣчность пада му на срдце тежка као планина каква; овдѣ іошть осѣћа напредъ вѣчите муке! — О Любезни! живите добро и Богобоязльиво, да не узморате тако умрети.

А видите ето и то изъ повѣсти ове, како є несигурно и вредльиво, отложити покаяніе и исправу до самртне постелѣ. О неразумія людій, кои топрвъ на умрломъ часу хоће да започну праведно живити! касно є то онда! Завѣти и намѣре, кое страхъ отъ смрти истискуе, єсу, као што на Антіоху видимо, суетне и узалудне; єръ тко добра дѣла свободнымъ срдцемъ не избира и не люби — тай умире као непоправлѣный грѣшникъ. — Отъ такве смрти Богъ да насъ сохрани!

144. Изреченія Сіраховог' сына.

У тыма послѣдньима, жалостныма временама Царства Іудейскога живіо є іошть єданъ врло знаменитый човѣкъ по имену сынъ Сіраховъ, кой се прославіо мудрымъ наставленіемъ своимъ, а быо є и великій блогодѣтель народа свога. Найлѣпше, што изъ повѣстнице живота нѣговога знамо, самъ онъ може вамъ, драга Юносте, казати; послушайте га дакле, како говори:

„Іошть као младиѣь съ отворенымъ и пунымъ повѣренія срдцемъ моліо самь Бога, да ми мудрость даде. Отъ свег' срдца тежіо

самь за ньомъ, и трудіосе свойски, по ньой поступати. Срдце ме є вукло за ньомъ, и я нађемъ у ньой велико благо. Нѣко време имао самь у томъ посла и труда; али нађемъ у ньой велико задовольство. — Пріимите науке ове као велико благо сребра, и сачувайте ихъ као велику гомилу злата."

„Любити Бога, єсть найлѣпша мудрость. — Бога се бояти, єсть коренъ мудрости; гране му се вѣчито зелене. — Ватра се водомъ гаси, милостыньомъ грѣхъ. — Буди милосрданъ спроћу сироте, као да си іой отацъ, а спроћу матере нѣне, као да ти є сестра — онда си сынъ Свевышнѣга, и Онъ ће те волѣти него мати твоя. — Не рецы: Сгрѣшіо самь, па шта ми є было? Богъ трпи дуго, али и наплаћуе вѣрно. — Вѣранъ другъ є яка обрана; тко тога нађе, нашао є велико благо — злато и сребро ніе ништа спрамъ нѣга. — Не учини зла, па ти се неће случити зло. — Не ругайсе човѣку у туги нѣговой — Богъ, Кой све види, и подиже и понижуе. — Ако ти занатъ твой или землѣдѣлство твое и пада горко, немой ипакъ да ти омрзне; Богъ є то тако наредіо. — Не лѣнисе походити болестнике. — Не свађайсе съ торокушомъ, єръ то бы значило дрва на ватру носити. — Не презири онога, кой те поправля, и не преговарай му нѣгове грѣхе. — У свему, штогодъ радишь, гледай на излазакъ тога, па нећешь никад' сгрѣшити. — Новъ пріятель є као и ново віно; остави га, нека остари, пакъ ће ти онда можебыти пріяти. —

Почетакъ гордости єсть отпадъ одъ Бога. — Нехвали никога за лѣпоту нѣгову, и не презири никога за незнатность нѣгову; єръ и пчела є малена птичица, пакъ опетъ дае найслађій плодъ. — Не отговарай пре, него што саслушашь, и не улази другоме у рѣчь. — Искрица буде узрокъ велике ватре; єдна рѣчица често наведе зликовца на пролиȣанѣ крви. — Чини добро добрыма людма, па ће ти Богъ вратити. — Тко се за смолу хвата, тай ће се окаляти ньомъ; тко се съ гордыма дружи, тай ћесе погордити; тко се съ невалялыма дружи, за тога ћесе свагда по нѣшто отъ невалялства прилѣпити. — Съ онымъ, кой є богатіи и силніи отъ тебе, не упознаисе; земляноме лонцу узъ гвозденякъ ніе добро, ако се ударе єданъ о другог', онай ће се разбити. — Као кад' бы курякъ съ ягнѣтомъ се опріятельіо, тако єи дружство невалялога съ Богобоязльивымъ.—Као што лисће съ дрвета опада, а ново израсћуе, тако умиру родови човѣчіи, а други за ньима долазе. — Милостыню храни Богъ као да ю є Своимъ печатомъ запечатіо, и дѣла милосрдна као зѣницу ока Свога. — Што є капльица воде спрамъ мора и зрнце песка спрамъ свега песка морскога, то су године живота човѣчіега спрамъ вѣчности. — Као што роса разхлађуе врућину, тако оправля добра рѣчь, и іоштъ выше значи добра рѣчь него богатъ даръ; но любезанъ човѣкъ дае обадвое. — Предъ вече може много гдѣшто иначе быти, него што є ютросъ было. Ако си дакле н. пр. богатъ, по-

мысли, да можешь осиромашити, па ће те то отъ лагкомыслія сачувати. — Тко се распуштеныхъ женьскиня уздржи, тай ће зликовацъ постати; трулежь и црви су му наплата, и тако ћесе осушити, да ће га се люди плашити. — Ако си што противу ближнѣга твога чуо, нека иструне то у теби, ємачно нећешь пући отъ тога. — Лажь є гадна срамоте ляга; по ньой се лагко познае неваљо човѣкъ. — Грѣхъ є мачъ съ обадвѣ стране оштаръ; ране, кое онъ задае, не могу се залѣчити. — Кой кућу съ туђимъ иманѣмъ зида, тай скупля каменѣ за свой гробъ. — Дымъ и пара иду предъ ватромъ, а за свађомъ бой. — Све драгоцѣности нису ништа спрамъ чисте душе. — Тко каменъ увысь баца, томе пада тай на главу; а тко другоме яму копа, самъ ће у ню пасти. — Мѣришь злато; болѣ радишь, кад' мѣришь рѣчи твое. — Сиромахъ се раани сувымъ хлѣбомъ; тко му тай отме, убійца є. — Хранити Божіе заповѣсти, єсть богата жертва; престати чинити зло, єстъ правога покаянія жертва. — Не препунявай стомахъ одабраным' єлама, и не єди лакомо. Многи су сбогъ неумѣрености умрли, а тко умѣрено живи, продужуе животъ свой. — По вольи Свевышнѣга лѣкъ изъ землѣ расте, па зато га разуманъ не презире. — Кой предъ Творцемъ своимъ грѣши у самоћи и потайно, гдѣ га само Богъ види, тай ће пасти Лѣкару у руке. — Тко се своимъ трудомъ раани, и съ малымъ задоволянъ быти може, тай живи тихо и спокой-

но. — Тко има страхъ Божій, тай не трпи оскудице."

Ова мудра изреченія не можемо болѣ заключити, него рѣчма Сочинителя: „Благо ономе, кой по овыма мудрыма наукама животъ свой управля! Тко ихъ къ срдцу пріими, мударъ ће быти. Тко се по ньима влада, на свашто ће способанъ быти; єръ ће му стазу нѣгову освѣтлити свѣтлость Господня."

Браћа Макавейска и ньихови наслѣдницы владали су іоштъ нѣко време у земльи Ісраильской, пакъ онда завладаю ньомъ Римляни, народъ у оно доба найвећій и найсилніи. Ови поставе у Іудеи Намѣстника, човѣка странноземца по имену Ирода, кой се съ ньиховымъ допуштенѣмъ именовао Царъ.

145. Очекиванѣ Искупителя.

Любезни! вы сте ето досад' велику часть Біблійске повѣстнице чули; сад' да се іоштъ обазрѣмо на ню!

Отеческа любови пуна брига Божія о свыма людма, кое смо у свакой повѣсти осебице споминяли, іоштъ се много величественіе свѣтли изъ ускупнога прегледа свію тыхъ повѣстій.

Богъ є народъ Ісраильскій надъ свыма другима народма изабрао, да га учини народомъ Бога почитуюћимъ, светымъ, срећнымъ. Зато позове Авраама, найсветіега човѣка

у она времена, да буде Праотацъ тога народа. „Тебе ћу", рече му Господъ, „учинити праотцемъ великога народа." А народу томе самоме рекао є на гори Сінайской: „Ако се гласу Моме покорите, осимъ свію народа вы ћете быти собственность Моя — народъ Мой светый."

Али ніе Богъ Себи зато народъ тай изабрао, као да є нѣга преко свію прочихъ народа найвећма любіо, и као да не бы спроћу прочихъ народа исто тако отечески расположенъ быо; но управо преко тога народа хотѣо є Богопознаніе, светыню и срећу на све друге народе распрострети. „Преко тебе — рекао є Аврааму — сви ће народи на земльи благословени быти." Што треба да Свештеникъ, кой се као света особа сматра, повѣреноме себи народу буде, то є требало да народъ Ісраильскій за све народе на земльи буде. Овоме су народу, као Свештенику каквом', у откровеніяма, законма и завѣтма Божіима повѣрене быле драгоцѣности рода човѣчіега: истина, добродѣтель и блаженство. Овай народъ валяло є да има красно Свештеничко званіе: познаніе и почитаніе Бога, любовь къ добродѣтельи, блаженство и срећу по цѣлой земльи распростирати. „Вы ћете Ми — рекао є Богъ томе народу — быти Свештеничко Царство."

Колико є народъ овай тврдоглавъ быо, колико є свакій часъ и у само ідолопоклонство, грѣхъ и бѣду падао; опетъ є преко нѣ-

га Богъ Свою красну и велику намѣру ко концу привео. Не само стари жители Ханаански, и сви погранични народи — Мадіаніти и Моавіти, Філістімяни и Сиряни, Тирцы и Сидонцы — но іоштъ и найвећа и найсилнія Царства старога свѣта доћу преко Ісраильтяна до познанія истинитога Бога. И самъ положай землѣ Ханаанске — усреди међу три части свѣта таки покрай Тира и Сидона, найвећихъ трговачкихъ варошій — управо на то є было удешенъ, да су се откровенія Божія найсгодніе отуда по свѣту распрострети могла. А да се гласъ тога и заиста до найотдалѣніихъ народа распрострео, доказуе намъ н. пр. и Царица Савска, коя є имена ради Господнѣг' у Іерусалимъ дошла. Но како є Богъ народъ Ісраильскій осимъ тога іоштъ преселенѣмъ съ Египтяны, Ассиряны, и Вавилоняны у савезъ довео, како га є преко Іосифа и Мойсеа у Египту, преко Іоне у Ніневіи, преко Данійла и нѣговыхъ другова у Вавилону прославіо — како се и самъ Персійскій Царъ Киръ, основатель великога земальскога Царства, къ познанію истинитога Бога обратіо — то све, Любезни мои, іоштъ ће вамъ быти у памети. Трагъ найдревніега откровенія Божія, Ісраильтянма учинѣнога, налази се и у повѣстницы свію старыхъ народа. Ісраильтяни састаяли су се такође съ найславніима народма на свѣту — Гркама и Римлянма, па су и на ньи своіомъ Богопознанія наукомъ дѣйствовали.

Тако се славно испуне обѣћаня Божія; тако се славно іоштъ сад' докаже, да Богъ по Своме вѣчноме тврдоме совѣту премудро и преблаго управля свѣтомъ, све догађае руководи, све судбе народне опредѣлюе — да ніе Онъ само Ісраильтяна Богъ, но Богъ свію народа, и све люде по єднакой любови обима, као што неизмѣрено плаво небо сву землю обима. По томе видимо, да є у руковођеню народа Ісраильскога промысао Божій сасвымъ само на то клоніосе, да се просвѣте, поправе и усреће сви народи на земльи.

Но размышляванѣ о догађайма, кое смо досад' чули, отвора намъ погледъ на друге долазеће догађае тако, да сва повѣстница довдѣ текъ є предуготовлѣнѣ за будућу много чудеснію повѣстницу. Народъ Ісраильскій имао є іоштъ славнія обѣћаня, іоштъ већа очекиваня. О тыма сте већь овдѣ ондѣ понаособъ слушали; но ево ихъ овдѣ сад' у союзу:

Богъ є рекао зміи, коя є прве родителѣ наше на грѣхъ навела: „Єданъ отъ наслѣдника Евиныхъ главу ће ти сгазити, а ты ћешь нѣга у пету угрызти." — Ове рѣчи валя намъ разяснити. Да змія та, коя є съ првыма прародительма нашима бесѣдила, и съ коіомъ є Богъ говоріо, ніе была текъ єстественна змія, можете и сами помыслити, Любезни! По смыслу светога Писма то є быо сатана — злый духъ, отъ Ангела Божіег' грѣхомъ у ђавола претвореный — кой є крозъ змію ту говоріо. Смысао дакле преднаведе-

ныхъ Божіихъ рѣчій ово є: „Сынъ ће човѣчій нѣгда доћи, и разорити власть тога злога врага, али ће притомъ и Самъ много пострадати.”

Богъ є рекао Аврааму: „Я ћу дѣцу твою умножити као звѣзде на небу, и преко Єднога ћу твоихъ наслѣдника благословити све народе на земльи.”

Велико то обѣћанѣ дао є Богъ іоштъ ясніе Іакову, и именовао му є онога отъ нѣговыхъ дванайстъ сынова, отъ кога ће Обѣћаный подрекло свое водити, и назначіо му време, кад' ће Тай доћи. Скиптаръ — пророчествовао є издышући Іаковъ — неће се отъ Іуде отузети, нити Войводска палица отъ нѣговыхъ наслѣдника, доклѣгодъ Онай не дође, Кой ће посланъ быти; и Томе ће се народи надати.

Богъ повтори обѣћанѣ то цѣломе народу Ісраильскоме преко Мойсеа. „Пророка, као мене — рекне Мойсей предъ свою смрть — Господъ ће Богъ вашъ изъ браће ваше подигнути. Тога у свему слушайте; єръ тко Тога не послуша, тай ће истреблѣнъ быти изъ народа.”

Исто обѣћанѣ дао є Богъ Цару Давіду у іоштъ сяйніой свѣтлости. Давідъ є очекивао у потомству своемъ Єднога, Кой ће сынъ Давідовъ, а опетъ притомъ вѣчитый Царъ быти. О Нѣму говори Давідъ съ највећимъ усхићенѣмъ, и изъ страхопочитанія назывлѣ Га Господемъ своимъ.

О Томъ Єдномъ говоре и сви Пророцы, и описую Га столѣтіяма напредъ, наричу Га

Чуднымъ; Силнымъ Богомъ; Сыномъ Свевишнѣга; Избранымъ отъ Бога, у Комъ Богъ благоволеніе има; Господемъ, правде ради нама данымъ; Светымъ Светыхъ; Помазаникомъ Господньимъ; Спасителѣмъ рода човѣчіег'; Княземъ мира; Силнымъ Царемъ, Кой ће есе отъ колѣна Давідова родити, Кога ће есе Царство надъ цѣломъ земльомъ распростреги и вѣчно ће траяти, Ком' ће есе сви народи покорити, и предъ Коимъ ће сви Цареви земальски колѣна преклонити. — Исти Пророцы предсказали су и знатне и незнатніе догађае живота Нѣговога. Тако є прорекао Пророкъ Міхеа и само оно мѣсто, у комъ ће есе родити Обѣћаный Тай: „Ты Витлееме у предѣлу Іудейскомъ ниси маньій отъ Іудейскихъ варошій княжескихъ; єръ изъ тебе ће произиђи Владатель, Кой ће управляти народомъ моимъ Ісраильскимъ, и Кой є подрекла отискона и отъ вѣчности."

Време, у комъ се имаде Спаситель Тай човѣчества появити — найпослѣ и приспѣ већь. Скиптаръ буде отъ народа Ісраильскога отузетъ — Ісраильтяни стеняше подъ туђомъ владомъ. Не само Ісраильтяни него и цѣо свѣтъ требоваше — и то сад' већма него икада — Избавителя отъ заблуђеня, грѣха и бѣде; па не само Ісраильтяни него и многи други народи, коима преко Ісраильтяна позната быше обѣћаня Божія, чезнуше за Ньимъ.

Любезна Юносте! ова обѣћаня Божія,

ово особито очекиванѣ народа Ісраильскога и за насъ є отъ найвеће важности!

О како ли намъ Онай найвећега повѣреня достоянъ быти мора, Кога є Богъ отъ створеня свѣта тако често и тако славно на спасеніе свѣта обѣћао, Онай, Кога су сви велики и свети мужеви народа Ісраильскога — Авраамъ, Мойсей, Давідъ — као спасеніе свѣта очекивали!

Да, да; предрага Юносте! колико є лѣпо, благо и милостиво досада Богъ Свою светыню и любовь изявіо, толико є то све опетъ єдна само луча умилне зоре. У Нѣму, Обѣћаномъ, давно Очекиваномъ любовь ће намъ се Отеческа Божія спрамъ свію людій топрвъ у свой свѣтлости велика, славна и спасоносна появити као у рађаюћемсе сунцу!

И Тога Страхопочитованога, Кога су Іудеи Мессіомъ звали, называмо мы — дай да са светымъ страхопочитаніемъ првый редъ овдѣ Нѣгово име изговоримо —

ІИСУСЪ ХРІСТОСЪ!

ПОПРАВКЕ.

Што є овдѣ єдаредъ поправлѣно, то и томе подобно ніе и опетъ назначавано, премда є на више мѣста тако исто погрѣшено у печатньи.

Страна	Врста	Стои	Читай
35	10	жывили	живили
40	4	самьі	самь
42	5	мов	мое
„	18	єднудушно	єднодушно
49	10	саме ради	самъ тога ради
62	5	є и	є овай и
„	22	класова	влатова
73	послѣдня	онде	онда
74	6	мы	ми
76	4	кои ма	коима
93	3	умре, и	умре и
95	30	заиста и	заиста, и
97	1	слежесе	слегнесе
99	14. 15.	црнев-лѣмъ	зрне-влѣмъ
101	28	нахвати	нахвата
107	22	или	или отъ
108	19	Мећутимъ	Мећутымъ
„	„	кой	кои
116	4	О	„О
130	6	наситисе	насытисе
140	12	а што	и што
184	18	овдѣ	овдѣ.
„	26. 27.	држа-ве не	држав-не
185	1	прии равіо	приправіо
201	1	са свымъ	сасвымъ
237	9.10	жи-тельи’	жи-тельи
243	17	вративши се	вратившисе
246	19	ихъ, као	ихъ као
247	6	Богъ,	Богъ
249	25	залѣтисе	залетисе
261	21	свы	свы’
273	15	безчестію	бесчестію
278	6	Данійловога	Данійлова

ně/70

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ

РЛЗСрП 139/1.1